

ISSN 2218-1644

16+

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

2021

№2(35)

NORTH-EASTERN JOURNAL OF HUMANITIES

Scientific journal
Periodical publication
Published quarterly
2021, № 2 (35)

JOURNAL INCLUDED IN

The list of Russian reviewed scientific journals in which should be published the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate and Doctor of Science, Database (European Database) of the European Citation Index in the Humanities (ERIH PLUS)

Founder

**FSBIS Federal Research Centre “The Yakut Scientific Centre
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences” (FRC YaSC SB RAS)**

Editorial Board:

Efremov N.N., editor-in-chief, Doctor in Philology (IHRISN SB RAS); *Boyakova S.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in History (IHRISN SB RAS); *Gogolev A.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in History, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Danilova N.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in Philology (IHRISN SB RAS); *Golomareva Iu.Iu.*, executive secretary (IHRISN SB RAS); *Antonov Ye.P.*, Candidate in History (IHRISN SB RAS); *Burtsev A.A.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Vasilieva N.M.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Vinokurova D.M.*, Candidate in Sociology (M.K. Ammosov NEFU); *Gabysheva L.L.*, Doctor in Philology (M.K. Ammosov NEFU); *Dmitrieva E.N.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Ignatieva V.B.*, Candidate in History (IHRISN SB RAS); *Illarionov V.V.*, Doctor in Philology, Doctor in History, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Larionova A.S.*, Doctor of Arts (IHRISN SB RAS); *Melnichuk O.A.*, Doctor in Philology (M.K. Ammosov NEFU); *Petrov A.A.*, Doctor in Philology, Professor (A. Herzen RSPU, St. Petersburg); *Pokatilova N.V.*, Doctor in Philology (IHRISN SB RAS); *Popova N.I.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Romanova E.N.*, Doctor in History (IHRISN SB RAS); *Romanova L.N.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Sivtseva S.I.*, Doctor in History (M.K. Ammosov NEFU); *Abdullaev S.N.*, Doctor in Philology, Professor (K. Tynystanov ISU, Kyrgyzstan); *Struchkova N.A.*, Candidate in History (M.K. Ammosov NEFU); *Filippov G.G.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Khazankovich U.G.*, Doctor in Philology (M.K. Ammosov NEFU).

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Периодическое издание
Выходит четыре раза в год
2021, № 2 (35)

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В

Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата наук и доктора наук,
Российский индекс научного цитирования (РИНЦ),
базу данных (БД) Европейского индекса цитирования в гуманитарных науках (ERIH PLUS)

Учредитель:

**ФГБУН Федеральный исследовательский центр
«Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»**

Редколлегия:

Ефремов Н.Н., гл. редактор, д. ф. н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Боякова С.И.*, зам. гл. редактора, д. и. н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Гоголев А.И.*, зам. гл. редактора, д. и. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Данилова Н.И.*, зам. гл. редактора, д. ф. н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Голомарева Ю.Ю.*, отв. секретарь (ИГИИПМНС СО РАН); *Антонов Е.П.*, к. и. н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Бурцев А.А.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Васильева Н.М.*, к. ф. н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Винокурова Д.М.*, к. социол. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Габышева Л.Л.*, д. ф. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Дмитриева Е.Н.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Игнатьева В.Б.*, к. и. н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Илларионов В.В.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Ларионова А.С.*, д. иск. (ИГИИПМНС СО РАН); *Мельничук О.А.*, д. ф. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Петров А.А.*, д. ф. н., проф. (РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург); *Покатилова Н.В.*, д. ф. н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Попова Н.И.*, к. ф. н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Романова Е.Н.*, д. и. н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Романова Л.Н.*, к. ф. н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Сивцева С.И.*, д. и. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Абдуллаев С.Н.*, д. ф. н., проф. (ИГУ им. К. Тыныстанова, Кыргызстан); *Стручкова Н.А.*, к. и. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Филиппов Г.Г.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Хазанкович Ю.Г.*, д. ф. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова).

Editorial Council:

Alexeev A.N., Chairperson, Doctor in History, Professor (IHRISN SB RAS); *Anikin A.E.*, Doctor in Philology, Professor, Academician of RAS (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Argounova-Low T.I.*, Doctor in Anthropology (University of Aberdeen, Aberdeen, UK); *Balash D.B.*, Doctor in Ethnology, Professor (Institute of Ethnology, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary); *Bakhtikireeva U.M.*, Doctor in Philology, Professor (PFUR, Moscow); *Golovnev A.V.*, Doctor in History, Professor, Corresponding Member of RAS (MAE (Kunstkamera) named after Peter the Great, St. Petersburg); *Derevyanko A.P.*, Doctor in History, Professor, Academician of RAS (IAE SB RAS, Novosibirsk); *Zhamsaranova R.G.*, Doctor in Philology (Transbaikal SU, Chita); *Karoly L.*, Dr., Professor (University of Gutenberg, Mainz, Germany); *Kuzmina E.N.*, Doctor in Philology, Professor (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Nevskaya I.A.*, Doctor in Philology (ITS, Frankfurt am Main, Germany); *Takakura H.*, Dr., Professor (University Tohoku, Japan); *Shishkin V.I.*, Doctor in History, Professor (IH SB RAS, Novosibirsk).

Executive editor *L.N. Romanova*

Editors: *N.Yu. Pechetova*
English text: *O.N. Kochmar*
Page-proofs: *A.N. Stepanova*

ISSN 2218-1644

Редакционный совет:

Алексеев А.Н., председатель, д. и. н., проф. (ИГИиПМНС СО РАН); *Аникин А.Е.*, д. ф. н., проф., акад. РАН (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Аргунова-Лоу Т.И.*, д-р (Абердинский университет, г. Абердин, Великобритания); *Балаш Д.Б.*, д-р, проф. (Институт этнологии Венгерской АН, г. Будапешт, Венгрия); *Бахтикиреева У.М.*, д. ф. н., проф. (РУДН, г. Москва); *Головнев А.В.*, д. и. н., проф., чл.-корр. РАН (МАиЭ (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН, г. Санкт-Петербург); *Деревянко А.П.*, д. и. н., проф., акад. РАН (ИАиЭ СО РАН, г. Новосибирск); *Жамсаранова Р.Г.*, д. ф. н. (ЗабГУ, г. Чита); *Кароли Л.*, д-р, проф. (Университет им. Гутенберга, г. Майнц, Германия); *Кузьмина Е.Н.*, д. ф. н., проф. (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Невская И.А.*, д. ф. н. (Институт тюркологии, г. Франкфурт-на-Майне, Германия); *Такакура Х.*, д-р, проф. (Университет Тохоку, Япония); *Шишкин В.И.*, д. и. н., проф. (ИИ СО РАН, г. Новосибирск).

Ответственный за выпуск *Л.Н. Романова*

Редактор: *Н.Ю. Печетова*
Английский текст: *О.Н. Кочмар*
Верстка: *А.Н. Степанова*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Романова Л.Н.</i> От ответственного за выпуск	8

История и археология

<i>Жамбалова С.Г.</i> Адаптационный потенциал забайкальского старообрядческого социума в условиях социально-экономических трансформаций XX – начала XXI вв.	9
<i>Жукова Л.Н.</i> Водные средства передвижения лесных юкагиров: реконструкции и современное состояние	20
<i>Бравина Р.И.</i> Научная биография В.А. Кашина в археологии Северо-Восточной Азии: открытия, идеи, перспективы	31

Языкознание

<i>Готовцева Л.М.</i> «Сборник якутских пословиц и поговорок» Н.В. Емельянова: особенности структурирования языкового материала	41
<i>Борисова Н.М.</i> Специфика закономерностей образования общественно-политической терминологической лексики в сахаязычных газетах	53

Литературоведение и фольклористика

<i>Покатилова Н.В.</i> Эпос олонхо в исследованиях Н.В. Емельянова: от систематизации к закономерностям эпического сюжетосложения	65
<i>Макаров С.С.</i> Проклятие в сюжетах якутского эпоса: мотивы и тексты	76
<i>Ларионова А.С., Данилова А.Н., Оросина Н.А.</i> История становления полевых исследований по фиксации фольклора народа саха	88
<i>Аюшеева Э.Б., Дампилова Л.С., Хандарова О.В.</i> Функции небожителя Сэгэн Сэбдэг тэнгри в бурятских версиях Гэсэриады	97
<i>Манджиева Б.Б.</i> Эпические мотивы Малодербетовского цикла эпоса «Джангар»	105
<i>Мухомлева С.Д., Романова Л.Н.</i> Николай Васильевич Емельянов: страницы ранней биографии и научная деятельность	113
<i>Илларионов В.В., Романова Л.Н.</i> Проблемы сохранения и популяризации фольклорного наследия народа саха в научно-организаторской деятельности Н.В. Емельянова	122
Сведения об авторах	131
Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник»	135

CONTENT

<i>Romanova L.N.</i> From the issuing executive editor	8

History and Archaeology

<i>Zhambalova S.G.</i> The adaptive potential of the Trans-Baikal old believer society in the conditions of social and economic transformations of the XX - early XXI centuries	9
<i>Zhukova L.N.</i> Water transports of the forest Yukagirs: reconstructions and modern state	20
<i>Bravina R.I.</i> V.A. Kashin's scientific biography in exploring of North-Eastern Asia: discoveries, ideas and perspectives	31

Linguistic

<i>Gotovtseva L.M.</i> "Collection of Yakut proverbs and sayings" by N.V. Emel'yanov: features of the structuring of language material	41
<i>Borisova N.M.</i> The specifics regularity formation of social and political terminological vocabulary in Sakha language newspapers	53

Literary Studies and Folklore Studies

<i>Pokatilova N.V.</i> The Olonkho epos in N.V. Emel'yanov's research: from systematization to the patterns of epos plot composition	65
<i>Makarov S.S.</i> The curses in the plots of the Yakut epos: motifs and texts	76
<i>Larionova A.S., Danilova A.N., Orosina N.A.</i> The history of the formation of field research on recording the folklore of the Sakha people	88
<i>Ayusheeva E.B., Dampilova L.S., Khandarova O.V.</i> The functions of a celestial Segen Sebdeg Tengeri in the Buryat versions of the Geseriad	97
<i>Mandzhieva B.B.</i> Epic motifs of Maloderbet's cycle of the epos "Dzhangar"	105
<i>Mukhopleva S.D., Romanova L.N.</i> Yakut folklorist Nikolai Vasilyevich Emel'yanov: unknown stories from the biography	113
<i>Illarionov V.V., Romanova L.N.</i> N.V. Emel'yanov in scientific research and popularization of Yakut folklore	122
Information about authors	133
The manuscripts rules	135

От ответственного за выпуск

Настоящий номер продолжает серию выпусков журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник», посвященных актуальным вопросам истории, археологии, традиционной культуры, языка, фольклора и литературы народов Северной Азии.

В раздел «История и археология» вошли статьи, освещающие результаты археологических поисков и открытий в изучении Северо-Восточной Азии, а также этнографических исследований забайкальских старообрядческих и юкагирских традиций.

Раздел «Языкознание» в первую очередь представлен статьей о «Сборнике якутских пословиц и поговорок» Н.В. Емельянова, в которой оценен вклад ученого в изучение малых жанров фольклора и проанализирована структура сборника с точки зрения его лексической наполненности. В следующей по очередности статье отражены результаты систематизации способов образования общественно-политической терминологической лексики сахаязычной периодической печати.

*Николай Васильевич
Емельянов*

Представляемый номер примечателен тем, что раздел «Фольклористика и литературоведение» полностью посвящен проблемам современного эпосоведения, что приурочено к 100-летию со дня рождения известного якутского фольклориста, эпосоведа, доктора филологических наук, заслуженного ветерана Сибирского отделения АН СССР, члена Международной тюркской академии Николая Васильевича Емельянова (1921–2000). Публикуемые в данной рубрике статьи представляют итоги исследований отдельных аспектов якутского, бурятского, калмыцкого эпосов, в т.ч. дана глубокая научная оценка трудам Н.В. Емельянова по сюжетике олонхо. В настоящий номер также вошли статьи биографического характера, дающие общее представление о жизненном пути, научной и научно-организационной деятельности Н.В. Емельянова.

Николай Васильевич Емельянов принадлежит к тем ученым, которые своими научными трудами и научно-организационной деятельностью в значительной мере определили раз-

витие не только якутской, но и в целом российской фольклористики.

Н.В. Емельянов, проработав в Институте языка и литературы ЯНЦ СО РАН (затем в Институте гуманитарных исследований АН РС (Я)) более сорока лет, стал основателем целого научного направления якутской фольклористики, в основе которого лежит системный подход в изучении устных жанров. Начиная от малых жанровых форм (пословиц и поговорок), ученый подошел к изучению сюжетов якутского героического эпоса олонхо. Разработанные Емельяновым методологические принципы классификации сюжетики олонхо стимулировали развитие исследований структуры бурятского, алтайского, тувинского, турецкого и других тюрко-монгольских эпосов, что говорит о типологической значимости работ ученого для мировой фольклористики.

Николай Васильевич, являясь более двадцати лет заведующим отделом литературы и фольклора института, значительно повлиял на расширение границ фольклорно-литературного направления исследований. Он был сторонником междисциплинарного подхода в изучении устных и письменных текстов, что определило в целом развитие современной фольклористики и литературоведения. В бытность его руководителем отдела литературы и фольклора как самостоятельное направление сложилось эпосоведение, положившее начало обширному изучению и серийным изданиям эпического наследия народа саха.

Л.Н. Романова, к.ф.н.

С.Г. Жамбалова

DOI: 10.25693/SVGV.2021.35.2.001

УДК 94(571.54/.55)“18/19”

Адаптационный потенциал забайкальского старообрядческого социума в условиях социально-экономических трансформаций XX - начала XXI вв.¹

Научная новизна. В статье впервые на достоверных материалах исторических и литературных источников рассмотрен адаптационный потенциал забайкальского старообрядчества (семейских), априори считающегося консервативным, и получены значимые результаты. Показано, что забайкальских старообрядцев затронул каждый этап российских социально-экономических трансформаций XX – XXI вв. Высокий адаптационный потенциал социума обусловлен традиционными устоями старообрядчества, с детства воспитывающими этноконфессиональный, социальный, трудовой и др. потенциалы, приверженность к общинности, способность к преодолению трудностей. В дореволюционное время семейские выезжали на золотые и рыбные промыслы в Якутию и на Амур. Материально-техническое наследие колхоза-миллионера, приобретенные качественные социально-бытовые условия благодаря высоким заработкам создали экономический потенциал и сформировали навыки выживания в постсоветское время. Этому способствует также географический потенциал – территориальная доступность г. Петровска-Забайкальского, с давних пор места реализации сельхозпродукции, и Сибирской угольной энергетической компании (СУЭК).

Цель статьи. Исследуется адаптационный потенциал забайкальских старообрядцев, семейских, на примере населения с. Никольск Мухоршибирского района Республики Бурятия на фоне социально-экономических трансформаций XX – начала XXI вв. *Задачи:* рассматривается специфика адаптационной деятельности в дореволюционное, советское и постсоветское время, освоение новых экономических ресурсов и форм хозяйствования, рецидив элементов традиционной культуры.

Методы исследования. Статья базируется на опубликованных и неопубликованных полевых материалах автора и литературных источниках. Они рассмотрены при помощи темпорально-компаративного метода.

Результаты. В течение XX – начале XXI вв. семейское население с. Никольск демонстрирует устойчивое развитие. На всех этапах социально-экономических трансформаций находится выход благодаря высокому адап-

---

¹Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия XVII–XXI вв.», номер госрегистрации 121031000243-5)

тационному потенциалу, способности к модернизации. Сейчас это современный сельский российский социум, обладающий всеми его типичными признаками.

Ключевые слова: Бурятия, старообрядцы (семейские), адаптационный потенциал, социально-экономические трансформации, экономический потенциал, географический потенциал

1. Введение. Актуальность темы обусловлена тем, что старообрядческий сибирский социум с XVIII в. находится в постоянном процессе адаптации к суровой природе Сибири, к незнакомому полиэтническому окружению, новым социально-экономическим условиям. При этом он сохраняет этноконфессиональную специфику и устойчиво развивается. Исследование его адаптационного потенциала, позволяющего достойно пережить колоссальные трансформации, перспективно.

Цель настоящей статьи – рассмотреть на примере русского старообрядческого населения с. Никольск Мухоршибирского района Республики Бурятия адаптационный потенциал байкальских старообрядцев (семейских) на протяжении столетия на фоне социально-экономических трансформаций XX – начала XXI вв. Социально-экономические проблемы российского села и формы социальной адаптации к изменяющимся условиям в эпоху перемен XX в. – одна из актуальных тем современности: несмотря на целый ряд предпринимаемых государством социальных мер, проблемы постсоветского села остаются до конца не решенными, а население выживает благодаря адаптационному потенциалу. Т.И. Заславская считает его одним из ключевых компонентов инновационно-реформаторского потенциала современного российского общества: «Адаптационный потенциал трансформирующегося общества отражает способность и готовность рядовых граждан активно приспосабливаться к изменяющейся среде с помощью доступных им и субъективно принимаемых ими средств» [Заславская, 2007: 228]. И.Ю. Трушкова считает, что в этот период роль старообрядчества с его традицией сопротивления внешним трудностям путем закрытости культуры, концентрации духовности, развития силы воли, сильно развитой взаимопомощи, приверженности к порядку, дисциплине могла бы быть полезной российскому обществу [Трушкова, 2007: 181].

Период XX – начала XXI вв. – время кардинальных перемен российского общества, но

наибольшей ломке подверглось крестьянство. Л.В. Бондаренко отмечает, что в XX в. оно подверглось ряду аграрных преобразований, менявших экономические условия хозяйствования на земле: Столыпинской реформе 1906–1914 гг., национализации земли в 1918 г., продразверстке в 1919–1920 гг., НЭП в 1920-х гг., насильственной коллективизации 1929–1931 гг. и аграрным преобразованиям 1990-х гг. [Бондаренко, 2005: 69]. После коллективизации, давшей с экономическими и людскими потерями, с материальными и моральными трудностями, жизнь колхозного крестьянства вошла в достаточно стабильное русло, а после закрытия колхозов оно оказалось без рабочих мест и без перспективы их появления. Поэтому после распада социалистической системы адаптационный потенциал российского общества был наиболее высоким: основная часть населения стремилась преодолеть неблагоприятные социальные последствия и приспособиться к новым условиям существования разными способами [Заславская, 2007: 228]. И.Е. Ильин объективно отмечает, что в результате аграрных преобразований конца XX в. произошли процессы дезинтеграции отношений и связей, «и по состоянию производительных сил, социально-профессиональной структуры, благополучию основных социальных слоев село до сих пор не достигло уровня, предшествующего рыночным реформам» [Ильин, 2007: 3].

Тему российского крестьянства в эпоху перемен исследуют ученые разных специальностей: Л.В. Бондаренко, О.В. Нечипоренко, А.Н. Вольский, В.С. Шмаков, И.Е. Ильин и др. Проблемы социальной адаптации и адаптационный потенциал изучают Т.И. Заславская, Ю.М. Пасовец и др. Проблеме цивилизационной адаптации старообрядческой культуры посвящена статья И.Ю. Трушковой. Однако на материалах старообрядцев Бурятии тема данной статьи не рассматривалась, в то время как исследование адаптационного потенциала социума, априори считающегося консервативным, закрытым, в переломные моменты российской истории дает

возможность для получения значимых результатов, выявления новых граней ментальности забайкальского старообрядчества.

II. Материалы и методы. Уникальность Никольска заключается в том, что социально-экономическая жизнь села на протяжении исследуемого периода – до революции, в советское и постсоветское время – нашла отражение в публикациях. Первые два этапа описаны в романе-трилогии И. Чернева (1900–1962) «Семейщина (Летопись родного села)», второй – в очерке И.К. Калашникова (1931–1980), третий – в устных рассказах жителей села, часть которых опубликована в монографии [Жамбалова, Игауэ, 2010: 207–231], а некоторые другие в статье [Жамбалова, 2010]. Эти материалы легли в основу настоящей статьи. В ней также используются неопубликованные полевые материалы 2016–2017 гг.¹

Роман «Семейщина» написан А.А. Леоновым и опубликован под псевдонимом И. Чернев [Чернев, 1988]. Действие романа разворачивается в с. Никольск со второй половины XIX в. до 1937 г. и вмещает жизнь четырех поколений. Писатель родился в Николаевске-на-Амуре, в семье семейского, выходца из с. Никольск. В 1929–1930 гг. он работал в газете в г. Улан-Удэ. Известно, что роман писался в Никольске [Болонев, 1988: 669]. Прототипом главного героя Ивана Финогеновича Леонова, поборника старообрядческих устоев, явился дед писателя, проживший около ста лет. В романе много места уделяется его сыновьям Дементю и Андрею, подверженным идеям модернизации. Ф.Ф. Болонев охарактеризовал роман так: «...своеобразная олитературенная хроника села Никольского <...> построена и написана на подлинных фактах и событиях» [Болонев, 1988: 663].

Жизнь села после коллективизации до сер. XX в. отражена в очерке 1960 г. И.К. Калашникова. Это литературная запись рассказа колхозника Елифана Ерофеева, который «воевал на германском фронте, потом партизанил, позднее ловил бандитов, вместе со своими товарищами закладывал в родном селе основы новой жизни» [Калашников, 1999: 261].

Эти материалы исследованы при помощи темпорально-компаративного метода: проанализированы разновременные источники, позволяющие выявить адаптационный потенциал старообрядческого (семейского) сельского социума в период социально-экономических трансформаций XX – начала XXI вв. Для проведения компаративного анализа привлекались материалы о современных старообрядцах штата Аляска США и старообрядцах-реэмигрантах XXI в. из Южной Америки в Россию.

III. Результаты. Адаптационный потенциал старообрядцев, подвергавшихся гонениям, ссылкам и притеснениям со второй половины XVII в. проверен временем. Семейские высланы в Забайкалье из Ветки (Белоруссия) в 1735 г. при разделе Речи Посполитой. Позднее было еще несколько миграций старообрядцев в Забайкалье. Благодаря базовым принципам этики старообрядчества, один из которых – при социальной изолированности быть способным к модернизации и адаптации, старообрядчество выживало в тяжелые годы гонений и осваивало новые территории, приспособлялось к разным политическим и экономическим режимам, сохраняя духовно-нравственные принципы. Социальный, духовно-нравственный, трудовой потенциалы, базирующиеся на фанатичной вере, общинности, патриархальности, большой семье, авторитаризме старших в социуме и семье, традиционализме, дисциплине и трудолюбию, способствовали тому, что старообрядцы за короткий срок освоились на новых землях. В Бурятии, в зоне рискованного земледелия, они развили пашенное земледелие, занимались скотоводством, охотой, рыболовством, собирательством. Впоследствии некоторые освоили торговлю, другие ездили на отхожие промыслы, кто-то оставался там на постоянное жительство. Они приспособились к природно-климатическим условиям Сибири благодаря адаптационному потенциалу, способствующему при сохранении социальной дистанции налаживанию добрососедских контактов с коренным местным населением. К началу XIX в. они прочно занимали свое место в Забайкалье и представляли

¹ПАМ, 2016–2017 гг. Экспедиционные этнографические исследования в РБ в рамках гранта JSPS по проекту «Исторические и этнографические исследования по российским и зарубежным старообрядцам»

собой довольно зажиточную самобытную этноконфессиональную группу, постепенно расширяющую территорию расселения за счет внутренней миграции в соседние, нередко так называемые русские сибирские или карымские села (с. Хасурта Хоринского р-на РБ и др.) или осваивающую новые места (с. Ягодное Селенгинского р-на РБ, с. Исток Прибайкальского р-на и др.). До середины XX в. они придерживались традиционных устоев, соблюдая социальную дистанцию, закрытость, консерватизм в религиозном, бытовом и особенно в семейно-брачном сегментах, постепенно адаптируясь к советскому образу жизни.

В 2020 г. в Никольске проживало 1229 чел., в 2002 г. – 1519, в 1919 г. – 4200. Как видно, прослеживается снижение численности населения. Село, расположенное в Тугнуйской степи, окруженной лесостепью и лесом, расположено близ федеральной трассы Р258 «Байкал» в 161 км от г. Улан-Удэ, в 30 км от с. Саган-Нура, где находится ОАО «Разрез Тугнуйский» (СУЭК). В 6 км проходит граница с Забайкальским краем, в 45 км находится г. Петровск-Забайкальский (Петровский Завод). Застройка и сельская архитектура Никольска не являются типично семейскими, как в Большом Куналее и Десятниково Тарбагатайского р-на РБ, признанными красивыми селами России, где много традиционных домов и активно развивается туризм – там побывали туристы из 31 страны [Туристы ...]. В Никольске туризм не развивают. В советские годы здесь шло активное строительство, поэтому в нем 14 широких улиц, много домов образца 1960–1980, часть из них кирпичные двухквартирные, а также сельские коттеджи 2000-х гг.

В первой половине XVIII в. здесь поселился русский казак, затем семейские [Чернев, 1988: 8]. В Бурятии семейские села располагаются дисперсно с селами русских сибиряков и улусами бурят. Особенно это заметно в Бичурском и Мухоршибирском районах, где проживает их большая часть. Из-за многообразия русских групп здесь имеется внутреннее деление на казаков, русских старожилов-«сибиряков» (так называют здесь русских православных), на карымов (потомков крещеных бурят, вступавших в брак с русскими), на старообрядцев (семейских) и на

другие мелкие группы (харануты, галзуты и др.). Деление в редуцированной форме сохраняется в XXI в. [Жамбалова, 2006: 140].

Ф.Ф. Болонев писал, что в России не было замкнутости староверческих общин, кроме небольших групп последователей некоторых толков [Болонев, 1988: 663]. Такие малочисленные группы были в Бурятии (темноверцы и др.)¹, они вели закрытый образ жизни, не влиявший на повседневную жизнь других. Несмотря на стремление к социальной изолированности, семейские мужчины находились в хозяйственном контакте с русскими сибиряками и бурятами. В социально-бытовых контактах бурят и русских преобладал бурятский язык, многие русские владели им. Русский язык знали немногие буряты [Габанова, 2013: 138]. Кардинальные трансформации начались с периода коллективизации. В советские годы произошло выравнивание социально-экономической жизни народов СССР. Все это позволяет считать, что с. Никольск, несмотря на этноконфессиональную специфику населения, имеет больше общего, типичного с другими поселениями России, чем особенного. За исследуемый период оно, несмотря на сохранение этноконфессиональной специфики, прошло путь наравне с миллионами других подобных сел в СССР и России.

В начале XX в. жители Никольска, более 700 дворов, вели хозяйство единолично: занимались земледелием, содержали скотину, заготавливали сено и дрова, ходили на охоту и рыбалку, излишки производства продавали в Петровском Заводе, уходили в армию, попадали на каторгу. Например, сын главного героя романа «Семейщина» Андрей из армии был сослан на каторгу на Сахалин, откуда не намеревался возвращаться домой [Чернев, 1988: 24].

Традиционное хозяйство семейских достаточно изучено, поэтому интересно остановиться на дополнительных занятиях. С открытием Забайкальской железной дороги в 1900 г. торговля в Петровском Заводе активизировалась: с дальних мест приезжали люди за покупками, появились постоянные дворы, построили тракт, проходивший через Никольск и другие села, и тогда «двинулась семейщина обозами на базар» [Чернев, 1988: 60]. Они продавали зерно, муку,

¹ПМА, 2016

картофель, масло, кожу, перепродавали закупленные у бурят товары. Занимались виноторговлей и ямщиной. В.Я. Калашникова, 1917 г.р., рассказывала, что ее дед с дочерью, ее матерью, девять лошадей запрягали, ямщиками, возили вино [Жамбалова, Игауз, 2010: 210].

Потенциал этноконфессиональной общинности, понимаемой как духовно-нравственное качество людей, направленное на консолидацию и взаимопомощь, отраженное в чувстве сопричастности с соседями и родственниками, землячестве, поддержании основных культурных ценностей [Лихачёв, 2015: 122], позволил семейским развивать отхожий промысел в Якутии и на Амуре. С 1852 г. начинается миграция некоторых семейских на станции Аянского тракта [Дамешек, Кушнарева, 2013: 18]. Позднее жители Никольска стали ездить на сезонные работы на золотые прииски Якутии, где «бешеное золото на Олёкме-реке. Оттуда возвращались в высоких подкованных сапогах с ремешками, в висячих шароварах, с золотишком, с гармошками, с водкой» [Чернев, 1988: 6].

К концу первого десятилетия XX в. основная часть семейской общины ведет традиционный образ жизни, но уже появлялись новые экономические ресурсы, реализуемые благодаря потенциалу этноконфессиональной общинности. Мужики стали ездить на рыбные промыслы Амура к прижившемуся там земляку Андрею, которому нужны были «свои» работники в артели. Первым на Амур поехал брат Андрея Дементей: «Первое лето, проведенное им на амурской рыбалке, навсегда решило его судьбу: он ежегодно стал отправляться к брату ... Поздней осенью приезжал домой располневший, румяный, вкатывал во двор пузатые тридцатипудовые бочки с рыбой и лагушки с икрою ... прибавка во двор текла без задержки и не виделось конца легкому просторному житью» [Чернев, 1988: 65, 68–69]. Андрей через брата предлагал землякам в награду сверх зарплаты по бочке рыбы и слово свое держал. Поэтому никольцы зачастили на Амур, собираясь по 15–30 человек [Чернев, 1988: 72]. Путь туда стал легким: «сидись в Заводе в поезд, а в Сретенске на паром – по Амуру плыть одно удовольствие» [Чернев, 1988: 65]. Андрей-сахалинец не раз приезжал в Никольск с гостинцами для всех родственников «в лакированных сапогах, в пиджа-

ке по-городскому, в черной плюшевой шляпе, безбородый, бритый ...» [Чернев, 1988: 39]. Вскоре его артель прогорела, и он подался в тайгу искать золото, а впоследствии во время русско-японской войны привез семью на зиму к родным. Дементей начинает осваивать торговую деятельность, к которой его привлекает хозяин лавки в Петровском Заводе Мосей Кельман [Чернев, 1988: 75, 50–53, 64].

Как известно, армия, война, длительные поездки на промыслы изменяли стереотипы поведения людей и являлись одними из катализаторов модернизации мира. В данном случае они положили начало разрушению старообрядческих патриархальных устоев. Мужики, повидавшие свет, стали употреблять спиртное, курить, сбривать бороды. Солдаты с войны везли в деревню «солдатские песни, буйные гульбища, шалый ночной стрел» [Чернев, 1988: 119].

Коллективизация в Никольске, организованная пропагандистами, прошла нелегко: «... приезжие понуждали никольцев согнать в один двор весь скот, сложить вместе плуги, бороны, молотилки, пахать и сеять под одно – на общей земле общими конями. <...> Это было умопомрачительно, диковинно, это опрокидывало в тартарары исконные устои и представления» [Чернев, 1988: 375]. После борьбы и неприятия коллективизации люди начали вступать в колхозы. Вскоре колхозы стали механизировать: появились трактора и пр., наезжал участковый агроном, людей стали обучать на курсах. К 1934 г. колхозы встали на ноги, строились амбары, крытые тока, фермы, ввели севооборот, вдвое подняли трудодни колхозников. Затем колхозы и колхозников на шесть лет освободили от хлебных поставок государству. В 1935 г. в кооперативной лавке появились ситцы, швейные машинки, велосипеды, которые могли купить артельщики, продающие кооперативу излишки хлеба. На поля вышли комбайны. В степном Никольске появились палисадники с черемухой и березами. В 1937 г. один парень уехал в Москву учиться в летной школе [Чернев, 1988: 491, 533, 544, 560, 611, 634, 641, 648–649, 660].

С.И. Бодров, 1931 г. р., семейский, уроженец Никольска, учитель, рассказал, что коллективизация в селе началась в 1929 г. с четырех хозяйств, которые в 1956 г. объединились. До 1956 г. колхозники имели 80 соток приусадеб-

ной земли, с него накапывали 240-260 мешков картофеля по 70-90-кг каждый, зато после войны налоги были большие. Затем участки сократили до 20 соток. До 1954 г. колхозники платили натуральный налог: с коровы 280 л молока, с одного личного хозяйства 46 кг мяса, 50 яиц, 1 ц картофеля. Если на подворье было 2 коровы и свиноматка, то, кроме натурального, был денежный налог в 3 тыс. руб., а мешок картофеля стоил 25 руб. До 1957 г. за год обучения в 8, 9, 10 классах платили 150 руб. Для этого нередко продавали овцу, так как до 1954 г. денег в колхозе не давали, а на трудодень приходилось 200 г зерна. Средняя школа в Никольске появилась в 1956 г., до этого в старших классах учились в с. Хонхолой [Жамбалова, 2010: 284].

А.М. Варфоломеева, 1928 г. р., с. Никольск, русская, семейская, из поповцев, в 2008 г. говорила, что работала в колхозе с февраля по декабрь: в бригаде на покосе, на зернотоку, возила сено. Должна была сделать 130 выходов за год, а если нет, то должна заплатить налог 15 р. За 30 соток земли при усадьбе платили 30 руб. налога. После войны были трудодни, на них зерна давали по 50 ц, поэтому свиней держали. Держали в хозяйстве 2 дойные коровы да молодняк, 5 овец, гусей, кур, 3 поросные свиньи. Свинину продавали в Петровском Заводе. Потом при Хрущеве разрешили только 1 корову держать. Их семья как раз оставила телку, чтоб заменить ею старую корову, заплатили штраф 25 р., а телку сдали. Остались с 1 коровой. При Брежневеве они стали в Петровский Завод возить на продажу поросят, жители там «наголодовались» и по 5 поросят покупали. Сейчас внук держит ферму, землю он выкупил, 30 голов скота на мясо растит и еще есть телята. И дома у них 2 коровы, 2 теленка, гуси, куры, индюки¹. Е. Ерофеев в 1960 г. наоборот радуется, что по новому уставу сельхозартели в два раза сокращен скот личного пользования и скоро придет время, когда колхозники совсем перестанут заниматься этим хлопотным и невыгодным делом [Калашников, 1999: 271].

В семейских семьях, как и во всех традиционных социумах, детей рано приучали к труду, почти всю работу на подворье и картофельных

полях семьи выполняли они. С.И. Бодров вспоминал в 2017 г., что батя был строгий, требовал к какому времени что сделать: стайки вычистить, дров напилить, воду принести на коромысле с колодца животным, себе с речки². Они с братом обычно выкапывали картофель 3 недели: родители были на работе [Жамбалова, 2010, с. 284].

В первой половине XX в. дети выполняли большой объем работы в приусадебном хозяйстве. Оно было важным условием выживания – наличные деньги получали через реализацию излишков сельхозпродуктов семьи. Социальный потенциал, опыт предков, раннее приучение к труду помогали людям в их взрослой жизни. Главным условием достойной жизни, как и в прошлые периоды истории, было трудолюбие. Хорошо жили те, кто упорно работал, соблюдал нравственные устои, об этом свидетельствуют все информанты.

Рассказ Епифана Ерофеева повествует о том, как тяжело жилось в дореволюционное время, как трудно далась коренная ломка, когда «мы, полуголодные <...> сводили мелкие, разрозненные хозяйства в одно большое коллективное хозяйство, не предполагали, что новая жизнь будет столь светлой и радостной» [Калашников, 1999: 265]. Рассказчик приводит истории людей, достигших успехов. В селе, где в советское время с трудом открыли школу – первые две сожгли и только в третью стали отпускать детей, многие стали врачами, агрономами, учителями. Е. Ерофеев рассказывает: «Сейчас педагогами работают тридцать три человека, врачами – два, специалистами сельского хозяйства – семь, инженерами, техниками на промышленных предприятиях – двадцать, офицерами служат двенадцать человек» [Калашников, 1999: 264]. Это свидетельство обретения семейскими нового образовательного потенциала.

Представленные сведения объективно отражают результаты советской модернизации, которые к 1960 г. были значительными. Семейские стали более открытым социумом, чему способствовало укрупнение колхоза за счет соединения с колхозом с. Хонхолой, где проживали русские сибиряки, с которыми раньше «сколько

¹ПМА, 2016–2017 гг.

²ПМА, 2016–2017 гг.

ругани было ... из-за земель. Да что ругани! За оружие брались» [Калашников, 1999: 267]. Есть свидетельства укрепления бурятско-русских отношений [Калашников, 1999: 268].

В 1970–80 гг. Никольск был центральной усадьбой колхоза-миллионера им. В.И. Ленина, с 1978 г. по 1985 гг. его председателем был Герой социалистического труда А.П. Калашников. Он рассказал, что в колхозе работало более 500 чел., развивали полеводство, животноводство, подсобное хозяйство (пушное звероводство – черно-бурые лисицы и песцы; на двух прудах развели рыб). Также выжигали известь, делали кирпичи для собственного строительства, была пекарня, мельница крупчатая, пилорама. Было три направления племенного животноводства: КРС, овцеводство, коневодство. В селе проводилась политика закрепления молодежи в селе. Механизаторы, доярки, чабаны были высокооплачиваемыми работниками, получали по 300 и больше руб. Раньше колхоз засеивал 10 тыс. га, получал 110 тыс. ц зерна. В колхозе было 17 тыс. овец, 700 дойных коров. Кроме того, рядом с селом с 1979 г. располагалась еще одна организация – гусекомплекс, где работали 200 чел. [Жамбалова, 2010: 281].

В постсоветское время, в конце XX – начале XXI в., после закрытия колхоза и гусекомплекса жители села, преодолев трудности переходного момента, продолжают жить благодаря адаптационному потенциалу, а также материальному наследию колхоза-миллионера: вследствие высоких колхозных зарплат люди получают хорошие пенсии, фермеры используют пашни, созданные в те годы, в селе сохраняются потомки племенных лошадей и КРС, используются общественные здания, магазины, школа, детский сад, водонапорная башня, оросительная система, скот, техника, налаженный быт с крепкими домами с хорошими интерьерами и устроенным подворьем, кое-где с центральным отоплением и пр. Важным является образовательный потенциал, полученный в тот период, когда высшее и среднее специальное образование было доступно детям и внукам многих колхозников. Разбросанные по России, они, благодаря чувству общинности, помогают своим близким. Престиж образования, заложенный у семейских в советские годы, сохраняется донныне.

В 2008 г. глава МОСП «Никольское» И.А. Калашников рассказал, что поселение состоит из с. Никольск с 535 дворами, 50 из них закрыты, население 1450 чел., из них 151 школьников, 106 дошкольников, 300 пенсионеров, 80 инвалидов. Работающих 450 чел. Это места в бюджетных учреждениях (средняя школа, детсад, ФАП), на почте, в частных магазинах. Большинство ездит работать на служебном автобусе в Саган-Нур на «Разрез Тугнуйский». СПК «Никольское» с 70 работниками подало на банкротство. 180–200 чел. трудоспособного населения за неимением работы выживает за счет подсобного хозяйства. Около 50–70 чел. безработные без подсобного хозяйства. Население стареет, молодежь пытается уйти в производство, уехать. Скот содержат люди в возрасте от 30 до 50 лет, особенно те, у кого учатся дети. Молоко возят продавать в Петровский Завод и в Саган-Нур по цене 25 руб. за литр. Наблюдается рост поголовья скота в подворьях. Люди по льготному кредитованию приобретают сельхозтехнику, скот [Жамбалова, 2010: 280].

О закупочных тарифах на сельхозпродукцию в 2004 г. свидетельствуют расценки азербайджанца из Никольска: «За один мешок картофеля в 50 кг он дает односельчанам 30 печаток мыла или 6 бутылок растительного масла, или два пакета риса по 5 кг, или 15 кг гречки. 3–4 мешка картофеля обменивает на 1 мешок сахара» [Жамбалова, 2010: 281].

В конце XX в. сельское население, включая работающих и безработных, было вынуждено обратиться к частным формам труда, к выживанию за счет личного хозяйства: скотоводство, огородничество, собирательство. Земледелие могли осилить только немногие фермеры. М. Третьяков, бывший агроном колхоза, в 2004 г. создал ЛПХ на 120 га земли, где разместились пашни, покосы, пастбища. Он выращивал пшеницу, ячмень, зеленку. Картофель выращивать перестал из-за низкой закупочной цены. В 2009 г. он собрал с гектара 49,6 ц пшеницы, это рекордный показатель [Воронина, 2009: 17].

В 2008 г. зафиксировано, что М.В. Валиулина (Калашникова), родившаяся в Никольске в 1965 г., среднее специальное образование, работающая в детсаду, вместе с мужем Р.Х. Валиулиным, инженером, автомехаником Тугнуйского угольного разреза, наряду с основ-

ной работой, без оформления фермерства и найма работников, содержит на подворье большое подсобное хозяйство. В советское время тоже содержали много скота: свиней до 8 шт., да еще поросят, коров, картошку на 1 га высаживали. В постсоветское время завели 12-17 коров, из них 6 дойных, свиней держали стадами. Засаживали около 40 мешков картофеля на 1 га, накапывали по 500 мешков и продавали на 200 тыс. руб. В семье нет разделения труда на мужской и женский – работу делает тот, кто может: муж, сын и дочь-школьница коров доят и выполняют все другое по хозяйству. В 2000 г., чтобы купить машину «Волга», вырастили 40 свиней и мясо сами расторговали на рынке в Петровском Заводе. У них сельский коттедж, теплый гараж, подвал под домом на 200 мешков картофеля. В семье 2 автомобиля «КамАЗ», 2 трактора (МТЗ-82, МТЗ-50), тележка, плуг, картофелесажалка, картофелекопалка, сенокосилка, грабли, кун (механизированные вилы для погрузки, совок). В новый дом площадью 112 кв. м с теплой верандой в 30 кв. м и кладовой заехали в 1994 г. Сын закончил железнодорожный колледж, работает в Улан-Удэ на своем «КамАЗе» [Жамбалова, 2010: 282].

Социально-экономическая жизнь населения Никольска улучшается. П.А. Бодрова, 1939 г.р., рассказала, что в селе строят церковь, построено 8 водокачек, ремонтируют дороги, открылась частная хлебопекарня с большим ассортиментом, при федеральной трассе построили заправочную станцию, при ней жительница села открыла гостиницу и кафе и предоставляет рабочие места односельчанам, там жители села справляют юбилеи, свадьбы. Появляются новые сельхозфермеры, одна частная бригада выращивает хлеб, имеет мельницу и продает населению зерно, комбикорм, солому. А хорошую муку население покупает в Хонхолое, где сохранился колхоз. Благополучие села улучшается: обшивают дома сайдингами, ставят евроокна, бурят скважины, проводят воду в дом, делают теплые туалеты, в некоторые дома провели центральное отопление. С 2012 г. стабильно работает сотовая связь¹.

IV. Обсуждение. Высокий адаптационный потенциал населения российского/бурятского

села Никольск не является исключением. Одной из последних миграций старообрядцев в современном мире является реэмиграция в XXI в. из Южной Америки в Россию (Приморье). Несмотря на предоставленные условия, на первом этапе переселения в 2009–2015-х гг. реэмигранты были вынуждены преодолевать немалые трудности. Эти многодетные семьи расселились в уединенных удаленных местах Приморья в построенных своими руками селах. Они занимаются сельским хозяйством и народными промыслами. По мнению Ю.В. Аргудяевой, «их можно рассматривать как, пожалуй, единственных претендентов, способных выполнить обозначенную в Государственной программе по переселению соотечественников цель – заселить дальневосточные регионы работающими русскими людьми и тем самым способствовать восстановлению плодородия земель, социальной и демографической базы сельского хозяйства юга Дальнего Востока России» [Аргудяева, 2018: 18]. Безусловно, благодаря государственной поддержке и высокому адаптационному потенциалу им удалось преодолеть целый ряд трудностей в совершенно новых для них политических, социально-экономических и географических условиях.

Эта черта характерна для всех старообрядческих общин России и мира, благодаря ей, несмотря на гонения и репрессии, они сохраняют свою численность, этноконфессиональную специфику и успешно вписываются в современный глобализирующийся мир. Важно подчеркнуть, что темпы их развития при диаметрально-противоположных укладах разных стран в целом проходят по одному пути. От длительного сохранения архаичных канонов и устоев, состоявшегося благодаря традиционализму и высокому адаптационному потенциалу, до постепенной сдачи своих позиций и постепенного включения в ритм современной жизни. Об этом свидетельствуют следующие данные. Миграция американских старообрядцев на новые территории в пределах страны в XX в. зафиксирована американскими исследователями Р. Моррис и Т.Б. Моррис (Юмсуновой). В их статье о русских староверах Аляски, переселившихся туда в конце 1960-х гг. из штата Орегон США показана

¹ПАМ, 2016–2017 гг.

но, что община с. Николаевска строго сохраняет старообрядческие каноны, но вынужденно осваивает новые экономические ресурсы и постоянно модернизирует способы добычи средств к выживанию. За время освоения новой территории на Аляске они проложили дороги, провели электричество, построили моленные и дома для жилья, обзавелись хозяйством, подготовили землю и т.д. Долгое время их главным занятием было рыболовство. Коммерческому рыболовству и строительству катеров, в том числе на продажу, они научились у американцев, нанимаясь к ним на работу. По завершению рыбного сезона мужчины охотились на мясного зверя. В 1970-е гг. рыболовство пошло на спад, самым выгодным стало строительство в других регионах США. В XXI в. спрос на строительство упал, поэтому они переживают трудное время [Моррис, Моррис (Юмсунова), 2009: 117].

Следует признать, что в XXI в. новые поколения как российских, так и американских старообрядцев постепенно теряют адаптационные качества по сохранению базовых традиционных понятий за их ненадобностью. Такая ситуация зафиксирована нами во время полевых исследований в Бурятии, а также американскими исследователями в 2015. в штате Аляска США. Эти материалы показывают значительные трансформации, произошедшие после 2009 г. Выявляется, что в целом они проходят в том же русле, что в России, в том числе в с. Никольск Республики Бурятия, когда темпы глобализации увеличиваются, а адаптационный потенциал сокращается. Американское старообрядчество сдает позиции перед натиском современных реалий США. В то же время взрослые и дети одеваются в русские рубахи и сарафаны, замужние женщины непременно носят отличный головной убор – кичку. Все мужчины носят бороды. Это вполне укладывается в американскую мультикультуралистскую логику, приветствующую внешнее своеобразие, которым маскируется тотальная вовлеченность в кредитно-финансовую и хозяйственную системы [Товбин, Семичаевский, Соколов, 2018: 287]. Эти данные свидетельствуют о том, что, несмотря на целый ряд модернизаций в образе жизни, старообрядцы Аляски продолжают представлять собой пример приспособления традиционных духовных принципов к услови-

ям пребывания в центре мировой глобализации, вестернизации, научно-технического прогресса и постиндустриализма [Товбин, Семичаевский, Соколов, 2016: 130].

V. Заключение. Исследование позволило прийти к следующему заключению. В течение XX – начала XXI вв. семейское население с. Никольск пережило ряд социально-экономических трансформаций и демонстрирует устойчивое развитие. На всех этапах рассматриваемого периода они находят выход из создавшейся, нередко критической ситуации благодаря адаптационному потенциалу, включая этноконфессиональный, социальный, трудовой, образовательный, географический и др. Опыт, трудовые навыки, основанные на раннем приобщении к труду, дисциплина, востребованные на отхожих промыслах, а позднее при колхозной жизни и при развитии приусадебных хозяйств, поставляющих продукты питания и торговли, способствовали успешной адаптации к условиям постсоветского времени. Благодаря высокому адаптационному потенциалу при определенной социальной изолированности, семейские обладали способностью к модернизации и в настоящее время это современный сельский российский социум, обладающий всеми его типичными признаками. Приведенный сравнительный материал свидетельствует о том, что современное старообрядчество всего мира постепенно адаптируется к жизни в условиях ускоренной глобализации, продолжая сохранять этноконфессиональную специфику.

Список сокращений:

ПМА – полевые материалы автора

Список литературы:

Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы из Южной Америки в Приморье: переселение и адаптация // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. Т. 15. № 3. С. 11-18.

Болонев Ф.Ф. Что такое семейщина? // Чернев И. Семейщина. Улан-Удэ, 1988. 670 с.

Бондаренко Л.В. Сельская Россия в начале XXI в. (социальный аспект) // Социологические исследования. 2005. № 11. С. 69-76.

Воронина Т. Фермер собрал «кубанский» урожай // Информполис. 2009. 14 октября. С. 17.

Габанова В.Ц. Некоторые сведения из истории бурятско-русского двуязычия и тенденции его развития // Общество, среда, развитие. 2013. № 4 (29). С. 138-141.

Дамешек Л.М., Кушнарева М.В. История формирования старообрядческого купечества в Северо-Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 7. С. 16-22.

Жамбалова С.Г. Игауэ Н. Калейдоскоп: этнографические картинки XX – начала XXI вв. в устных рассказах народов Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. 412 с.

Жамбалова С.Г. К вопросу типологизации внутриэтнических групп русских Бурятии // Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона: Сб. тезисов. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2006. С. 138-141.

Жамбалова С.Г. Старообрядческое село Никольск: трансформации форм организации жизнеобеспечения // Вторые Ермаковские чтения «Сибирь: вчера, сегодня, завтра». Новосибирск: Изд-во «Дирекция некоммерческого партнерства», 2010. С. 280-285.

Заславская Т.И. Избранные произведения // Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. Т. 2. М.: Изд-во «Экономика», 2007. 591 с.

Ильин И.Е. Аграрная реформа в России на рубеже XX – XXI вв.: историко-социологический анализ: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Чебоксары, 2007. 46 с.

Калашников И.К. Думы о прошлом и настоящем семейщины Епифана Ерофеева, персонального пенсионера колхоза имени Ленина Мухоршибирского аймака // Не поле перейти. Роман. Рассказы, очерки, новеллы. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. С. 261-271.

Лихачёв Н. Потенциал сельской общинности: социологический анализ // Социология. 2015. № 2. С. 121-129.

Моррис Р., Моррис (Юмсунова) Т.Б. Русские староверы на Аляске. Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. 2009. С. 115-122.

Товбин К.М., Семичаевский А.В., Соколов В.В. Очерк экспедиции к русским староверам Аляски // Христианское чтение. 2018. № 3. С. 284-294.

Товбин К.М., Семичаевский А.В., Соколов В.В. Старообрядцы Николаевска: адаптация или ассимиляция в светских условиях США? // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 4. С. 130-141.

Трушкова И.Ю. проблемы цивилизационной адаптации старообрядческой культуры: есть ли у

старообрядцев постиндустриальное будущее // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Материалы V научно-практической конференции. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2007. С. 180-184.

«Туристы их просто облюбовали». [Электронный ресурс]. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/8299123> (дата обращения: 11.01.2021).

Чернев И. Семейщина. Роман. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1988. 672 с.

References:

Argudyaeva Yu. V. Russkie staroobryadtsy iz Yuzhnoy Ameriki v Primor'e: pereselenie i adaptatsiya [Russian Old Believers from South America in Primorye: resettlement and adaptation]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [Social and Human Sciences in the Far East]. 2018. Volume 15. № 3. Pp. 11-18. (In Russian)

Bolonev F.F. *Chto takoe semeyshchina?* Chernev I. *Semeyshchina* [What is Semeishchina? Chernev I. Semeishchina]. Ulan-Ude, 1988. 670 p. (In Russian)

Bondarenko L.V. *Sel'skaya Rossiya v nachale XXI v. (sotsial'nyy aspekt)*. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Rural Russia at the beginning of the XXI century (social aspect). Sociological research]. 2005. № 11. Pp. 69-76. (In Russian)

Chernev I. *Semeyshchina. Roman* [Chernev I. Semeishchina. Novel]. Ulan-Ude: Buryat Publ., 1988. 672 p. (In Russian)

Dameshek L.M., Kushnareva M.V. *Istoriya formirovaniya staroobryadcheskogo kupechestva v Severo-Vostochnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [The history of the formation of Old Believer merchants in North-Eastern Siberia in the second half of the XIX – early XX century. Bulletin of the Buryat State University.]. 2013. № 7. Pp. 16-22. (In Russian)

Gabanova V.Ts. *Nekotorye svedeniya iz istorii buryatsko-russkogo dvuyazychiya i tendentsii ego razvitiya. Obshchestvo, sreda, razvitie* [Some information from the history of Buryat-Russian bilingualism and tendencies of its development. Society, environment, development.]. 2013. № 4 (29). Pp. 138-141 (In Russian)

Il'in I.E. *Agrarnaya reforma v Rossii na rubezhe XX – XXI vv.: istoriko-sotsiologicheskiy analiz: avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk* [Agrarian reform in Russia at the turn of XX – XXI centuries: historical and sociological analysis: author. dis. ... doct. hist. sciences]. Cheboksary, 2007. 46 p. (In Russian)

Kalashnikov I.K. *Dumy o proshlom i nastoyashchem semeyshchiny Epifana Erofeeva, personal'nogo pensionera kolkhoza imeni Lenina Mukhorshibirskogo aymaka* [Thoughts about the past and present of the family of Epi-

fan Erofeev, a personal pensioner of the Lenin collective farm of the Mukhorshibir aimag]. *Ne pole pereyti. Roman. Rasskazy, ocherki, novelly* [Do not go over the box. Novel. Stories, essays, short stories.]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1999. Pp. 261-271. (In Russian)

Likhachev N. *Potentsial sel'skoy obshchinnosti: sotsiologicheskii analiz. Sotsiologiya* [Potential of rural communality: sociological analysis. Sociology.]. 2015. № 2. Pp. 121-129. (In Russian)

Morris R., Morris (Yumsunova) T.B. Russkie starovery na Alyaske [Russian Old Believers in Alaska]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogika. Filologiya. Filosofiya* [Bulletin of the Buryat State University. Pedagogy. Philology. Philosophy.]. 2009. Pp. 115-122. (In Russian)

Tovbin K.M., Semichaevskiy A.V., Sokolov V.V. Ocherk ekspeditsii k russkim staroveram Alyaski [Sketch of the expedition to the Russian Old Believers of Alaska]. *Khristianskoe chtenie* [Christian reading]. 2018. № 3. Pp. 284-294 (In Russian)

Tovbin K.M., Semichaevskiy A.V., Sokolov V.V. Starobryadtsy Nikolaevska: adaptatsiya ili assimilyatsiya v svetskikh usloviyakh Soedinennye shtaty ameriki? [Old Believers of Nikolaevsk: Adaptation or assimilation in the secular conditions of the United States of America?]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. 2016. № 4. Pp. 130-141. (In Russian)

Trushkova I.Yu. *Problemy tsivilizatsionnoy adaptatsii starobryadcheskoy kul'tury: est' li u starobryadtshev postindustrial'noe budushchee. Starobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi. Materialy V nauch.-prakt. Konf* [Problems of civilizational adaptation of the Old Believer's culture: do the Old Believers have a post-industrial future. Old Believers: history and modernity, local traditions, Russian and foreign connections. Materials of the V scientific-practical. conf. (May 31 – June 1, 2007,

Ulan-Ude)]. Ulan-Ude: Buryat State University Publ., 2007. Pp. 180-184. (In Russian)

“*Turisty ikh prosto oblyubovali*” [“Tourists just took a fancy to them”]. [Electronic resource]. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/8299123> (date of access: 01.11.2021). (In Russian)

Voronina T. *Fermer sobral «kubanskiy» urozhay. Informopolis* [The farmer has collected a “Kuban” harvest. Informopolis]. 2009. Pp. 17. (In Russian)

Zaslavskaya T.I. *Izbrannyye proizvedeniya. Transformatsionnyy protsess v Rossii: v poiske novoy metodologii* [Selected works. Transformational process in Russia: in search of a new methodology]. Volume 1. M.: Publishing house «Economics», 2007. 591 p. (In Russian)

Zhambalova S.G. Igaue N. *Kaleydoskop: etnograficheskie kartinki XX – nachala XXI v. v ustnykh rasskazakh narodov Buryatii* [Kaleidoscope: ethnographic pictures of the XX – early XXI century in oral stories of people of Buryatia]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2010. 412 p. (In Russian)

Zhambalova S.G. *K voprosu tipologizatsii vnutriethnicheskikh grupp russkikh Buryatii. Sibirskaya mental'nost' i problemy sotsiokul'turnogo razvitiya regiona: Sb. Tezisov* [On the issue of typologization of intra-ethnic groups of Russians in Buryatia. Siberian mentality and problems of social and cultural development of the region: Sat. Abstracts]. Ulan-Ude: East Siberian State University of Technology and Management Publ., 2006. Pp. 138-141. (In Russian)

Zhambalova S.G. *Starobryadcheskoe selo Nikol'sk: transformatsii form organizatsii zhizneobespecheniya. Vtorye Ermakovskie chteniya «Sibir': vchera, segodnya, zavtra»* [Old Believers' village Nikol'sk: transformations of forms of organization of life support. Second Ermakov readings “Siberia: yesterday, today, tomorrow”]. Novosibirsk: Publishing house «Directorate of non-commercial partnership», 2010. Pp. 280-284. (In Russian)

Zhambalova S.G.

The Adaptive Potential of the Trans-Baikal Old Believer Society in the Conditions of Social and Economic Transformations of the XX - Early XXI Centuries

Scientific novelty. For the first time, the article considers the adaptive potential of the Trans-Baikal Old Believers (Semeiskie), which is considered a priori conservative, based on reliable historical and literary sources, and provides significant results. It is shown that the Trans-Baikal Old Believers were affected by every stage of the Russian socio-economic transformations of the XX – XXI centuries. The high adaptive potential of society is due to the traditional foundations of the Old Believers, which from childhood bring up ethno-confessional, social, labor and other potentials, commitment to community, the ability to overcome difficulties. In pre-revolutionary times, Semeiskie went to gold and fish industries in Yakutia and the Amur. The material and technical heritage of the millionaire collective farm, the acquired

high-quality social and living conditions due to high earnings, created the economic potential and skills for survival in the post-Soviet era. This is also facilitated by the geographical potential – the territorial accessibility of Petrovsk-Zabaikalsky, for a long time the place of sale of agricultural products, and the Siberian Coal Energy Company (SCEC) enterprise. *The aim of the article.* The adaptive potential of the Trans-Baikal Old Believers, Semeiskie is studied on the example of the population of the Nikolsk village in the Mukhorshibirsky district of the Republic of Buryatia against the background of social and economic transformations of the XX – early XXI centuries. *Tasks:* the article considers the specifics of adaptation activities in pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet times, the development of new economic resources and forms of management, the relapse of elements of traditional culture. *Research methods.* The article is based on published and unpublished field materials of the author and literary sources. They are considered using the temporal-comparative method. *Results.* During the XX – early XXI century the family population of the Nikolsk village demonstrates sustainable development. At all stages of social and economic transformations, there is a way out due to the high adaptive potential, the ability to modernize. Now it is a modern rural Russian society, which has all its typical features.

Keywords: Buryatia, Old Believers (Semeiskie), adaptive potential, social and economic transformations, economic potential, geographic potential

Л.Н. Жукова

DOI: 10.25693/SVGV.2021.35.2.002

УДК 39:629/121(=554)

Водные средства передвижения лесных юкагиров: реконструкции и современное состояние

Научная новизна. В статье рассматриваются водные средства передвижения, участвовавшие в формировании хозяйственной спецификации кочевых охотничьих и рыболовных племен юкагиров верхней Колымы. Верхнеколымские юкагиры в конце XIX – начале XX вв. кочевали на плотках треугольной формы, лодках дощатых и дощатых, одно- и многоместных. Основные сведения по водному транспорту собрал В.И. Иохельсон, дополняют их материалы Ю.Б. Симченко, который обобщил данные по древним каркасным лодкам в арсенале рыболовов и охотников на дикого северного оленя. В конце XX – начале XXI вв. лесные юкагиры ограниченно применяют промысловый дощатый челнок из трех досок.

Цель и задачи. Назрела необходимость на основе опубликованных данных исследователей и полевых материалов автора выявить и сопоставить традиционные водные средства передвижения лесных юкагиров на протяжении длительного времени. Хронологические рамки – от древности до начала XXI в.

Методы исследования. Анализ и реконструкции показали наличие специализированных плавсредств: легкие в управлении и переноске челноки промысловиков, грузовой транспорт для перекочевки семей, предполагавшие различия в размерах и конструкциях. Применение сравнительно-исторического метода позволило определить параллели с соседними северными народами. Непосредственный опрос информантов выявил функционирование уникальных каркасных кожаных лодок у тундровых юкагиров во второй половине XX в. Ретроспекции в палеоэтнографию местных племен позволили высказаться относительно древних типов лодок и плотов.

Результаты. Предполагается, что большегрузная лодка лесных юкагиров является комбинированной, соединяющей элементы национальных транспортных средств и, возможно, русского карбаса. Каркасная лодка с кожаным покрытием была у эвенов Якутии, по языковым данным, следы ее имеются у юкагиров тундры. У американских эскимосов существовал плот треугольной формы с кожаной обтяжкой. Являются ли треугольные плоты (юкагирский и эскимосский) и каркасная лодка эвенов свидетельствами существования многоместных плавсредств в далеком прошлом. Ставится вопрос происхождения дуговых копыльев у нарт чукотско-камчатского типа.

Ключевые слова: Якутия, юкагиры, плоты и лодки, традиции, реконструкции, современность

© Жукова Л.Н., 2021

I. Введение. Древняя охотничье-рыболовная культура лесных (верхнеколымских) юкагиров еще слабо изучена с точки зрения номадологии и палеоэтнографии. В конце XIX – начале XX вв. пионер юкагироведения В.И. Иохельсон охарактеризовал пеших кочевников-собаководов Северной Азии (самоназвание *одул*) как носителей «первобытной культуры», а быт их сравнивал «с примитивнейшим бытом полярных охотников... семейная и общественная жизнь [которых] еще протекала в условиях каменного века» [Иохельсон, 2005а: VII, XIII]. Верхнеколымские юкагиры (в отличие от нижнеколымских тундровых юкагиров-оленьеводов) называют себя *унуу омни* ‘речной народ’ [Иохельсон, 2005б: 548] и сохраняют в культурной памяти многие архаические элементы.

Основной целью работы является определение генезиса водных средств передвижения у речного народа на протяжении длительного времени. Хронологически становление ранней юкагирской культуры соответствует существованию на территории Якутии поздненеолитической ымыяхтахской культуры (5000–3000 кал. л. н.). Исследуется вопрос существования в прошлом двух основных видов перевозок – индивидуальных и коллективных. Оба вида обслуживались транспортом разных типов. Выявляются различия средств передвижения на протяжении ста лет (конец XIX – начало XX вв. и конец XX – начало XXI вв.). Специальные исследования по этому вопросу ранее не предпринимались, вследствие чего существуют лакуны, касающиеся в большей степени раннего периода. Исследование опирается на данные В.И. Иохельсона и Ю.Б. Симченко, которые проводили полевые работы среди юкагиров и собрали ценные сведения по обсуждаемому вопросу. Особую значимость приобретает юкагирская коллекция В.И. Иохельсона, в 1902 г. переданная собирателем в Американский музей естественной истории (Нью-Йорк) [Иванова-Унарова, 2017]. Привлекаются фотоматериалы, в том числе авторские, сделанные в краткие периоды посещения лесных юкагиров во время экспедиционных и командировочных работ в 1986–2007 гг.

II. Материалы и методы. Анализ и реконструкции показали наличие специализированных плавсредств: легкие в управлении и пере-

носке челноки промысловиков, грузовой транспорт для перекочевки семей, предполагающие различия в размерах и конструкциях. На основе сравнительно-исторического метода показаны параллели с северными народами. Применение ретроспективного метода позволило высказаться относительно древних типов лодок и плотов.

III. Результаты. Опираясь на публикации исследователей и собственные полевые материалы, автор статьи предпринимает анализ летних средств передвижения верхнеколымских юкагиров, сопоставляет отдельные их элементы с аналогичными в культурах других северных народов и предлагает гипотетические реконструкции ранних форм. В конце XX – начале XXI вв. одулы р. Ясачной (левый приток р. Колымы) сохраняют древний присваивающий тип хозяйства, трансформированный и отличающийся от традиционного, описанного В.И. Иохельсоном [2005б], родовую общину и общинную территорию, язычество как форму религиозного сознания. В холодное время года основу хозяйственно-экономической деятельности родовой общины «Тэки Одулок» с базой в с. Нелемное составляет охотпромысел (лось/олень, пушной зверь, боровая и перелетная птица), летом и осенью – рыболовство. Единственным домашним животным является собака.

У этого речного народа в течение столетия (конец XIX – конец XX вв.) многие элементы традиционной культуры претерпели стадиальные трансформации (жилище, одежда, предметы быта, орудия труда и проч.), в том числе средства передвижения. В первой половине XX в. в связи с упрочением советской власти, поселкованием, организацией колхозов, систем Дальстроя и Колымторга изменились экономические условия жизни одулов на р. Колыме и ее притоках. Активизировалась доставка различными видами транспорта продуктов питания, товаров и техники, решались многие жизненно важные вопросы. Преобразовались и транспортные средства. Традиционные плоты для семейного сплава, карбасы и лодки-долбленки стали анахронизмами. На смену традиционным пришли дюралевые лодки заводского производства, в районном центре поселке Зырянка для связи с приречными населенными пунктами появились катера и баржи. Кардинальные перемены прои-

зошли вследствие организации стационарных поселков и перемены образа жизни от кочевого к полукочевому (промысловики-мужчины) и оседлому (женская часть населения).

Во второй половине 1980-х гг. одулы с. Нелемное для поездок на значительные расстояния пользовались дюралевыми лодками «Казанка» с подвесными моторами «Вихрь», «Москва». На озерах чаще стояли из листового железа или дощатые ветки *эксиль*, частично заполненные водой для предотвращения высыхания. В связи с экономическим кризисом конца XX –

начала XXI вв., сокращением завоза горючих материалов и их высокой стоимостью многие промысловики для поездок на незначительные расстояния по реке, например для осмотра ближних рыболовных сетей, сообщений между стоянками рыбаков, пересели на челноки *эксиль* (рис. 1а). Признаками новаций стали челноки из листового железа (рис. 1б). Отрицательным качеством последних, по словам жителей, является их быстрая затопляемость. Ныне у одулов р. Ясачной функционально сохранился традиционный промысловый челнок из трех досок.

а

б

Рис. 1. а – Д.Г. Дьячков в традиционном *эксиль*, б – П.А. Шалугин около лодки из трех досок. Справа челнок из листового железа. 1993 г. ПМА

В целях популяризации национальной культуры жителями с. Нелемное была изготовлена лодка-долбленка с использованием электропилы на начальных этапах выемки древесины. Изделие хранилось в школьном музее и использовалось в культурно-массовых мероприятиях. Интересно, что после изготовления лодку обычно осматривают снаружи и обращают внимание на контуры овалов, остающихся от сучков и веток. В них пытаются различить абрисы представителей животного мира, рыб, птиц, зверей. Чем больше их находят, тем более «талантливей» лодка, способная приносить хозяину именно такую удачу на промысле (информация А.В. Слепцовой). Для приобщения детей к традиционным видам промысла одулы вытачивают из дерева и коры модели лодок (рис. 2).

В конце XX – начале XXI вв. в культурной памяти одулов сохранялись фрагментарные знания о древнем летнем транспорте, к сожалению,

не записанные в полной мере. Изготовление традиционных летних транспортных средств лесными юкагирами практически утрачено, что значительно затрудняет изучение этого весьма важного элемента культуры речного народа в

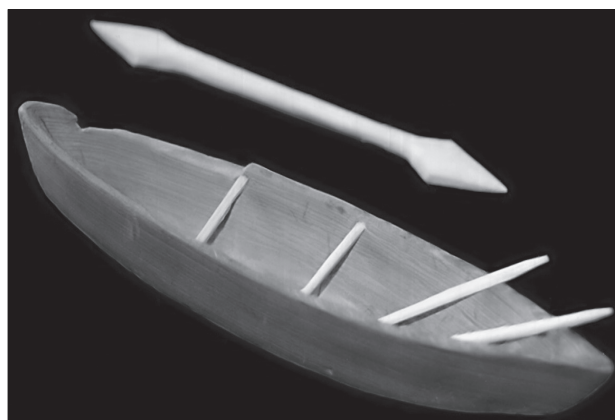

Рис. 2. Игрушка. Лодка с веслом и двумя шестами. Кора, дерево. Работа В.Г. Шалугина-Слепцова. ПМА

средневековые и более отдаленное время. Наиболее полные сведения собраны в конце XIX – начале XX вв. В.И. Иохельсоном.

Убедительных следов присутствия водных средств передвижения у аборигенов северной Якутии археологические материалы не показывают. В неолитическом погребении на нижней Колыме найдены пласты бересты, предполагается, что такие подстилки могли быть остатками берестяной лодки [Кистенев, 1980; 1992: 76]. Однако, как писали В.И. Иохельсон и юкагирский ученый и писатель Н.И. Спиридонов (Тэки Одулок), юкагиры до принятия христианства не хоронили в грунтовых могилах. Неолитические погребения в земле, скорее всего, не являются принадлежащими северным кочевым аборигенам [Жукова, 2015], пласты бересты могут указывать на традицию захоронения в средстве передвижения у пришлого в колымскую тундру населения. У племен Заполярья, живших преимущественно в зоне тундры, лесотундры и лиственничного редколесья, берестяные лодки едва ли были в обиходе.

Первую систематизацию транспортных средств верхнеколымских юкагиров предпринял В.И. Иохельсон [Иохельсон, 2005б: 542–548]. Его данные приняты как основные по юкагирам при составлении классификации лодок народов Сибири [Историко-этнографический..., 1961]. Орудиям и средствам промысла населения тундровой зоны Заполярья, в том числе юкагиров, посвящена глава 4 в монографическом исследовании Ю.Б. Симченко [1976].

Для верхней Колымы в пределах современной территории Северо-Востока Республики Саха (Якутия) характерны заболоченность и обводненность, здесь в теплое время года водные средства передвижения всегда имели исключительное значение. В прошлом этот фактор во многом обуславливал номадический (кочевой) характер культуры лесных юкагиров, кочевавших летом по большим и малым рекам региона на плотках и лодках. Полифункциональность водных ресурсов предполагала использование специализированных плавсредств в соответствии с потребностями кочевого быта: легкие в управлении и переноске челноки промысловиков, лодки грузовые для транспортировки во время перекочевки семей с женщинами, стариками, детьми. Средства перемещения, которые

могли быть использованы для военных, меновых и иных целей. Транспортный парк предполагал различия в размерах и конструкциях.

Верхнеколымские юкагиры в конце XIX – начале XX в. кочевали на плотках треугольной формы *мино*, лодках долбленых и дощатых, одно- и многоместных. Плот – примитивное судно, приспособленное для передвижения только вниз по течению реки. «*Мино* представлял собой бревна, связанные ивовыми веревками в форме треугольника, вершина которого составляла носовую часть... а основание – его корму. Плот перемещался с помощью одной или двух пар весел с уключинами» [Иохельсон, 2005б: 542–543, табл. XXVII, рис. 1]. На плоту из досок сооружали платформу до полуметра высотой, обычно на плоту сидели старики, женщины и дети, они же управляли. Молодые мужчины плыли впереди на челноках. *Мидочэ/мидосьо* – женский поезд на плотках летом и на санях с собаками зимой [Иохельсон, 2005а: 118, примечание 7 к тексту № 28]. Вот образное сравнение многочисленности юкагиров, спускавшихся в начале лета на плотках и лодках к месту общего сбора: «По реке вверх посмотрели – наши товарищи точно земля плыли (так много)» [Там же: 111, № 28].

В коллекции В.И. Иохельсона, хранящейся в Американском музее естественной истории, представлены макеты всех видов юкагирских лодок. Лодки *анабушка* и *экчил* выдолблены из стволов тополя или осины, растущих в верховьях Колымы и ее притока р. Коркодон [Иохельсон, 2005б: 450, 542–544; Иванова-Унарова, 2017: 762]. Причины различий *анабушка* и *экчил* собирателем не указаны. *Экчил* изготавливали из цельного ствола тополя теслом или ножом, длина его 5–6 м, ширина 65 см, борта тонкие, поэтому он легкий, «не более 65 фунтов [до 27 кг – Л. Ж.], можно без труда переносить на плечах от одной реки до другой» [Иохельсон, 2005б: 542, 544]. Брели ствол пряморастущего дерева, расщепляли его с помощью клиньев. Использовали мягкую южную часть ствола, называемую «брюхо», в отличие от твердой северной («позвоночник»). Лодка одно-, двухместная, для укрепления бортов в ее центральной части имеются две длинные круглые в сечении распорки, на концах лодки – две короткие. Гребец сидит между двумя распорками на подушке

из травы, покрытой кожей. Спина к нему и ближе к корме садится пассажир. Ю.Б. Симченко оригинальными у лесных юкагиров считает долбленые *экчил*, от которых они попали к тундровым юкагирам, северным якутам, чукчам и корякам [Симченко, 1976: 136]. Дощатые лодки одулов он считает заимствованиями у соседних народов.

По В.И. Иохельсону, более устойчив в воде дощатый челнок *ходоль*, русское название *ветка* [Иохельсон, 2005б: 545; Иванова-Унарова, 2017: 760]. В современных языковых материалах видим, что в написании и названиях лодок произошли изменения. Долбенка сохранила только одно название *анабускаа* (рус. *стружок*). Теперь *эксиль* называют одноместную лодку-ветку из трех досок, название *ходоль* не употребляется.

Борта челнока делали в одну доску, пришивая к днищу жильными нитками или веревками, скрученными из древесных волокон. Щели замазывали лиственничной смолой. Ю.Б. Симченко пишет: «...борта их по отношению к днищу делались почти под прямым углом и соединялись четырьмя распорками» и приводит характеристику такой лодки, данную Г. Геденштромом. «Лодки, особенно колымские, удивительно легки и быстры на ходу. Длинною она немного более сажени и состоят из трех досок. Краевые стоят прямо на днище, толщиной в три линии, в корме и носу поперечины; к концам они сгибаются; к днищу пришиваются толстыми жильными нитками. Днище состоит из овальной доски толщиной в дюйм... Юкагиры даже посреди реки прыгают в воду и, держась за лодку, выливают из нее воду, потом, упершись на весло, положенное поперек лодки, вскакивают в онаю и садятся, не потеряв равновесия» [Симченко, 1976: 136]. В профилировке долбленых и дощатых одноместных лодок имеется округленность носовой части в сравнении с удлиненной кормой. Сходство наблюдается и в наличии четырех распорок.

Юкагирское весло *чамдъэ* с двумя лопастями на концах, имеющими «вид тополиного листа». Вверх по течению и на мелкой воде пользовались двумя шестами *йабучиль*. Для преодоления короткого расстояния между водными объектами существовали волок *мудудьубэ*, т.е. челнок иногда выступал в качестве волокуши. В фольклоре нганасан, например, упоминается охот-

ник на дикого оленя, который был настолько бедным, что ходил пешком, таская в лодке все свое имущество. «При выходе на берег самоед тащит лодку по суше» [Там же].

Для перевозки членов семьи во время перекочевок кроме плотов применяли большегрузные лодки комбинированного типа. В.И. Иохельсон считал, что они заимствованы от русских: *харбэч*, рус. 'карбас' (*хаарбэс/хаарбэч* [Иохельсон, 2005б: 545; Николаева, Шалугин, 2002: 75; см. также: Иванова-Унарова, 2017: 761]), многие части лодки имеют русские названия. Интересно, что нижняя часть *хаарбэч* представлена долбленным челноком, борта составлены из двух рядов досок (набои). Набои «главным образом делают из тополя при помощи одного топора, так как употребление пилы у юкагиров еще неизвестно», пришивают молодыми березками, в пазы кладут мох (*уо-лэбийэ*) и заливают серой лиственниц [Иохельсон, 2005а: 202, примечание 6 к тексту № 69]. Длина лодок 3–4 сажени, борта соединены 4–6 дуговыми ребрами, имеютя уключины для 2–4 весел. В конце XIX – начале XX вв. юкагиры изготавливали и поставляли *хаарбэч* на рынки Верхнеколымска и Среднеколымска.

Плот *мино* и долбенка *анабускаа* в традиционной культуре одулов маркированы всегда отрицательно из-за передвижения на них только вниз по течению реки, а также как признаки архаики. В фольклорных текстах они обычно имеют семантические связи с миром мертвых, смертью. В одной из сказок мифический старик-людоед пользовался плотом как специфическим транспортом [Иохельсон, 2005а: 73–75, № 19]. В лодках иногда хоронили умерших летом. Отправляя *айбиш* 'тень, душа' умершего в страну предков, юкагиры, как и многие народы, считали, что душа продолжит заниматься теми же видами промысла, что и при жизни. Подтверждение чему находим у Н.И. Спиридонова (Тэки Одулок) в описании захоронений и сопровождающего инвентаря. В 1930 г. автор перечислил традиционные зимние и летние захоронения, добавив, что грунтовые могилы появились под влиянием христианства; следовательно, речь идет о дохристианских способах, которые в начале XX в. еще могли сохраняться. В летнее воздушное захоронение, совершаемое на дереве в виде гнезда *абут* (также 'нора', 'вме-

стилище', отсюда *шаадабут* 'гроб', от *шаал* 'дерево'), «у изголовья вешают сушеную рыбу – юколу, а возле кладут берестяную посуду. У ног же ставят импровизированную лодочку, вязку ивовых прутьев, заменяющих собою «невод», деревянные «крючья» и камешек» [Спиридонов (Тэки Одулок), 1996: 52]. Отметим присутствие «импровизированной лодочки», т.е. макета. Известно, что изготовлению макетов обычно предшествовало жертвование натуральных предметов, и лишь затем отдельные предметы стали заменять специально сделанными заместителями. Хорошо демонстрирует эту изменчивость на протяжении ста лет погребальный обряд тундровых юкагиров (начало XX – начало XXI вв.). Такие знаковые натуральные предметы, как похоронная одежда и нарты в конце XX – начале XXI вв. оказались замененными макетами незначительных размеров [Жукова, 2018]. Логично предположить, что летние воздушные захоронения речного народа в прошлом сопровождалась жертвованием натуральных лодок. Зимние захоронения совершались в наземных шалашах, не были связаны со стихией воды, в них лодка или ее макет отсутствовали.

Осмотревший на верхней Колыме древние юкагирские и тунгусские могилы В.И. Иохельсон описал их как надземные, воздушные в гробнице/колоде на столбах и помостах [Иохельсон, 2005б: 305–321]. Исследователь полагал, что способ захоронения в колоде на столбах (як. *арангас*) заимствован юкагирами от тунгусов. Однако перспективно рассматривать этот способ как производный от захоронения на дереве/помосте в лодке, выдолбленной из целого ствола дерева, в том числе распиленной поперек. Лодки-долбенки существовали у многих народов Сибири и использовались в качестве гроба. В.И. Иохельсон осмотрел юкагирское воздушное захоронение, сделанное в лодке на берегу р. Колымы. На высоте 5 м были срублены вершины двух лиственниц, на них сооружена платформа, на платформе находился деревянный ящик с долбленным челноком и трупом. В записях И.С. Гурвича, участника Комплексной академической экспедиции к колымским юкагирам в 1959 г., гроб из распиленной поперек лодки, соединенной деревянными гвоздями, отмечен в грунтовом захоронении юкагиров тундры [Юкагиры..., 1975: 76–78].

В начале 1990-х гг. в с. Нелемное одул Н.Н. Дьячков рассказал, что юкагиры в начале XX в. были настолько бедны, что не могли сделать гроб и хоронили в распиленной пополам лодке (устное сообщение н.с. ИГИиПМНС СО РАН одула В.И. Шадрина). Водным транспортом перевозили умерших юкагиры р. Коркодон (приток верхней Колымы). «Если родич умер летом, мы его увозим на каменный остров Толба, где лежат наши многие предки. Они там дерутся с окаменелым бородатым великаном, который ради наживы истреблял наших людей» [Тэки Одулок, 1987: 219]. Каменные останцы острова ассоциированы мифопоэтическим сознанием с семьей великана: «На самой вершине острова, высоко подняв голову, сидит окаменелый великан Чульди-Пулут – человек-демон. Рядом с ним пристроилась жена, а возле собака с поднятыми торчком ушами и с распущенным хвостом. Как будто она к чему-то прислушивается. Невдалеке стоит воткнутый в землю вверх острием Чомол-Чодуя [правильно: Чомол-Чоёйю. – Л. Ж.] – большой нож-меч, возле которого на земле валяется огромный кошелек с деньгами» [Там же: 211]. Таким образом, в теплое время года юкагиров, занимавшихся рыбным промыслом, в мир предков сопровождали лодки.

IV. Обсуждение. Предположение о том, что большие грузовые лодки юкагиров заимствованы от русских, вызывает сомнение. Технология их изготовления имеет общие элементы с легкими челноками одульских промысловиков: днище из долбленного ствола тополя, борта из досок, прошитых веревками из естественных волокон, конопатка мхом и полное отсутствие железных деталей. Кроме того, треугольный плот *мино* пригоден для сплава вниз по течению реки, и тогда возникает вопрос: на каких плавсредствах одульские семьи поднимались вверх по Колыме и ее притокам, возвращаясь после летнего праздника к местам зимовок? Если принять предположение, что многовесельное судно *ха-арбэч* заимствовано у русских, то ответа на этот вопрос пока нет. Скорее всего, заимствования заключаются в названиях лодки, ее деталей и возможных некоторых усовершенствованиях. В берестяных пиктограммах одульские семьи кочают вверх по течению рек на таких судах [Иохельсон, 2005б: 612г]. *Харбэч* тянули вверх по реке веревкой *игэйэ* с использованием тягловой

силы людей и собак; *хаарбэч* и плот *мино* имели кормовое весло *лахушии* [Николаева, Шалугин, 2002: 37]. В отдельных случаях несколько лодок соединяли, получая род катамарана *piorimni* ‘паром, скрепление нескольких лодок’ [Спирidonов (Тэки Одулок), 2003: 24].

В конструкции *хаарбэч* интерес вызывают дуговые ребра, соединяющие борта и проходящие поперек днища. Схожую конструкцию с применением ребер имеет одноместная охотничья байдарка чукчей. В коллекции Российского этнографического музея (РЭМ, г. Санкт-Петербург) такая байдарка осмотрена нами весной 2020 г. (№ 8023-86; поступление 1970 г.). Длина 269 см, ширина 110 см, с одной распоркой и 8 ребрами, причем два ребра цельные, шесть составные из двух частей. Байдарка обтянута шкурой лахтака.

Примечательно, что цельные дуговые ребра, выполняющие функцию копыльев, входят в конструкцию нарт чукотско-корякского типа. Нарты чукчей имеют от 2 до 7 таких копыльев [Юкагиры..., 1975: 62, рис. 12/2-4]. У коряков по 6 изогнутых копыльев имеют нарты для перевозки мелких вещей и ездовые мужские [Историко-этнографический..., 1961: 40, табл. 15/3, 5]. Каркас ездовой нарты чукотско-корякского типа, бытующей у тундровых юкагиров, также состоит из 6 копыльев, двух полозьев и двух длинных соединенных ремешками планок в качестве сиденья [Иохельсон, 2005б: 513, рис. 10] или семи дуговых копыльев с решетчатым сиденьем из реек [Юкагиры..., 1975: 62, рис. 12/1]. Наблюдается определенное сходство в использовании дуговых конструкций при изготовлении юкагирского *хаарбэч*, чукотской одноместной байдарки и нарт чукотско-корякского типа. Не исключено, что летние (лодки) и зимние (нарты) транспортные средства с дуговыми ребрами в качестве каркаса объединены общностью происхождения.

В данном контексте интерес вызывают сведения о древнем каркасном средстве передвижения – лодке с кожаным покрытием у жителей высоких широт. В.И. Иохельсон писал об отсутствии кожаных каркасных лодок у юкагиров, противопоставляя их жителям морского побережья, имевших байдары и байдарки [2005б: 548]. Так, у эскимосов Аляски и других тихоокеанских охотников на морского зверя еще до

знакомства с европейцами в обиходе были кожаные с деревянным каркасом одноместные байдарки и многовесельные плоскодонные суда типа байдар, оснащенные командой от четырех до шестнадцати человек [Анищенко, Кроуэлл, 2010: 200]. «Вместительные и легкие байдары были идеальным судном для торговых вояжей, переездов от одной стоянки к другой, а также для перевозки людей» [Там же: 203], они же были основными военными судами. Интересно, что у эскимосов чугач «байдары традиционно принадлежали женам состоятельных охотников и тоенов... благодаря чему в описаниях европейских путешественников байдары порой называются «женскими лодками»» [Там же: 205]. Хорошо приспособлены для морской охоты каркасные лодки с кожаной обтяжкой у чукчей, эскимосов и коряков. В начале 1990-х гг. г. Якутск посетила американская эскимоска Сара Силоу (по ее словам, *силоу* ‘гнилая рыба’), которая рассказала автору статьи, что ее родители каркас плота треугольной формы обтягивали выделанной шкурой. К сожалению, дополнительных сведений об уникальном, с нашей точки зрения, эскимосском плоте мы не смогли получить в РЭМ и Кунсткамере, а также в научной литературе.

В этом плане интересны исследования Ю.Б. Симченко. Автором собраны данные о древнем каркасном средстве передвижения – лодках с кожаным покрытием у жителей высоких широт, которые впоследствии были вытеснены лодками-долбленками и ветками [Симченко, 1976: 149]. Со ссылкой на работы В.Н. Чернецова исследователь пишет: «Не позднее конца IV в. до н.э. у населения территории между Зауральем и Енисеем на широте Ангары появляется однополосная первоначально нарта и лыжи», впоследствии «на большей территории Севера с распространением оленеводства древняя каркасная лодка-нарты была вытеснена нартами различных типов и деревянными лодками» [Там же: 150–151]. Ю.Б. Симченко обратил внимание на тот факт, что у большинства северных народов (ненцы, энцы, нганасаны, тундровые юкагиры, чукчи-оленьеводы) в XIX в. преобладали лодки, заимствованные у их южных соседей, однако не привел конкретные сравнительные данные. Автор приходит к следующему выводу: первоначально «автохтонам высоких широт была известна кожаная каркасная лодка,

которая была универсальным промысловым транспортным средством» [Там же: 137]. Вопрос наличия в прошлом у названных народов большегрузных семейных лодок исследователем не ставился.

Примечательно, что каркасную большегрузную лодку имели эвены. Ю.Б. Симченко ссылается на данные Г.М. Василевич, которая относит эвенскую кожаную каркасную лодку «к числу элементов культурного комплекса, отличающих ороchonский тип оленеводства от собственно эвенкийского. Эти лодки использовались эвенами только для переправ при перекочевках. Чехлы, сшитые из двух хорошо продыmlенных лосиных ровдуг, натягивали на тут же вырубленные жерди-каркас» [Там же: 151]. Транспортное средство было временным, и сооружение каркаса каждый раз возобновлялось. «Из тунгусских народов только эвены, ассимилировавшие, по видимому, каких-то палеоазиатов, применяли кожаную лодку» [Там же]. Между тем, исследования генетиков показывают, что близкими родственниками эвенов являются юкагирские племена [Федорова, 2008]. Вероятно, близкородственны юкагирам и эвенки-орочоны южной Якутии. Ороchоны сохраняют многие «культурные окаменелости», характеризующие их как древних охотников на лосей, впоследствии воспринявших тунгусский язык и оленеводство [Мазин, 1984]. Отдельные элементы традиционной культуры ороchонов имеют определенные сходства с юкагирскими [Жукова, 2012: 18–22].

Присутствие у тунгусоязычных эвенов каркасного транспортного средства и применение ровдуги из двух шкур лосей для изготовления чехлов имеет типологические параллели. Аляскинским эскимосам «на покрытие среднего размера *уминака* [байдары. – Л. Ж.] (около 10 м) требовались шкуры двух крупных моржей» [Анищенко, Кроуэлл, 2010: 207]. Нганасаны на обтяжку каркасной лодки брали две выделанные шкуры дикого оленя, снятые чулком. «Конструкция каркасных лодок охотников на дикого оленя была менее совершенной, чем у морских зверобоев. На таких лодках нельзя было совершать сколько-нибудь длительных плаваний. Через несколько часов, проведенных в воде, охотник был вынужден просушивать покрытие, так как оленья шкура не обладает такими отличными водоизоляционными свойствами, как кожи

морских животных. Каркасная лодка, во всей видимости, могла служить лишь в течение ограниченного времени» [Симченко, 1976: 149].

Таковыми же относительно короткими были сроки использования каркасной лодки эвенами: только для переправ при перекочевках, т.е. не для промысловых целей, а грузовых, для перевозки членов семьи на незначительные расстояния. Следовательно, кожаные лодки эвенов были вместительнее и с большей грузоподъемностью, нежели промысловые каркасные челноки тундровых охотников на дикого оленя. Полагаем, что такого ограничения по времени использования не имел названный выше эскимосский плот треугольной формы, обтянутый, скорее всего, крышкой из шкур морских животных. Напрашивается вопрос: не являются ли треугольные плоты (юкагирский *мино* и эскимосский с кожаной обтяжкой) и эвенская каркасная лодка так называемыми культурными окаменелостями, свидетельствами существования многоместных средств передвижения в далеком прошлом?

Треугольный эскимосский плот гипотетически можно рассматривать в качестве: 1) связующего звена между аборигенной материковой культурой пеше-водных охотников и рыболовов (пользователей плотом *мино*) и культурой морских зверобоев (транспорт с обтяжкой из шкур морских животных); 2) предшественника и инварианта большегрузных байдар (эскимосские «женские лодки»). Несомненна уходящая в древность характерная треугольная форма этих примитивных многоместных судов, потенциальных современников одноместных промысловых челноков. Дальнейшие исследования и получение дополнительной сравнительно-сопоставительной информации о юкагирских и эскимосских примитивных плотях могут внести ясность в поставленные вопросы.

В исследовании многоместных байдар тихоокеанских эскимосов авторы обратили внимание на присутствие в конструкциях и украшениях зооморфных элементов (мотивы «китового хвоста», «глаза»). «Во многих традиционных культурах Аляски лодки наделялись качествами одушевленных существ. Сама конструкция байдар и байдарок с деревянным «скелетом» – каркасом, «ребрами» – шпангоутами и кожаным покрытием напоминала тело морского животно-

го» [Анищенко, Кроуэлл, 2010: 210]. Экстраполируя это наблюдение ученых на культурные комплексы тундровых и лесных охотников на копытных, уместно поставить вопрос: не ассоциированы ли каркасные лодки северных номадов с покрышками из выделанных шкур лося/олени с телом основного промыслового зверя? Существуют ли те же семантические связи между нарт/лодкой с дугowymi копыльями-ребрами и животным? Можно предположить, что в основе конструкции нарт чукотско-коряцкого типа лежит каркасная лодка (тип одноместной охотничьей байдарки чукчей): в перевернутом виде верхние бортовые планки байдарки функционально превратились в полозья с соответствующими конструктивными изменениями и дополнениями. А кожаный чехол лодки трансформирован в отдельную сумку-одеяло для покрытия грузовых нарт [Иохельсон, 2005б: 515, рис. 13].

Ю.Б. Симченко выявил следы существования каркасной лодки у нижнеколымских юкагиров. «Термин «кожаная лодка» *амгынгольде* сохранился и в тундровом диалекте юкагирского языка (сообщение юкагира Т.Т. Трофонова, Колымская протока, 28 октября 1864 [1964? – Л. Ж.] г.)» [Симченко, 1976: 139]. В современных языковых материалах тундровых юкагиров этот термин отсутствует, возможно, слово записано автором не вполне точно и имеет составное происхождение: *амалвийи*- ‘быть хорошо выделанным’ (о коже) + *олдьэ* ‘ветка, челнок’ [Курилов, 2001: 39, 354]. «Уместно отметить, – пишет Ю.Б. Симченко, – что слова, обозначающие понятие «лодка» в ненецком, нганасанском и юкагирском (тундренный диалект) языках, являются однокоренными: нгано (ненецк.) – нгондуй (нганас.) – нгольде (юкагирск. тундр. диалект). Можно предполагать, что термин, которым называлась лодка, был унаследован этими различными по происхождению народами древнего аборигенного населения Заполярья, знавшего лодки одинаковой в общих чертах конструкции» [Симченко, 1976: 139]. Предположения ученого нуждаются в дальнейших исследованиях. Добавим, что название многоместной лодки лесных юкагиров с реберной конструкцией *хаарбэч* могло произойти от *хаар* ‘кожа, шкура, кора’ [Николаева, Шалугин, 2002: 75].

С другой стороны, общая деталь (дуговые ребра) в конструкции грузовой лодки лесных

юкагиров и одноместной байдарки чукчей может иметь позднее заимствованное происхождение. Оба судна не имеют выраженных признаков сходства с реконструированной кожаной каркасной лодкой-волокушей нганасан, предположительно, не имевшей дуговых ребер [Симченко, 1976: 141]. «Реберная» конструкция отсутствует в юкагирских челноках *эксиль*, макетах эскимосских многоместных байдар, подробно описанных в цитированной работе Е.В. Анищенко и А.Л. Кроуэлл. Нет ее в рассмотренных в 2020 г. многоместных байдарках чукчей, коряков и эскимосов из коллекции РЭМ.

В мае 2021 г. от жительницы Устьянского улуса В.В. Рожинной, эвенки, предки которой были юкагирами, получено сообщение об изготовлении членами ее семьи каркасной лодки из двух оленьих кож. Старшие члены семьи и сама В.В. Рожина (1949 г.р.) в детстве пользовались этой лодкой. По воспоминаниям, ее бабушка, жившая в с. Юкагир, тщательно сшивала кожи, накладывая их внахлест, шов в том числе имел вид крупного зигзага. Лодка *олдьэ* имела каркасную конструкцию с двумя распорками в центральной части, предназначалась для перевозки 1-2 человек. В процессе использования все швы *олдьэ* снаружи и изнутри постоянно смазывали нерпичьим или тюленьим жиром.

V. Заключение. В современном тренде освоения Арктики актуальны исследования, которые на примере периферийной группы малочисленных народов Севера показывают высокую степень единения сообществ с присваивающим типом хозяйства и природно-ландшафтной ниши (зависимость, освоение, но не изменение).

В исследовании на примере изучения юкагирской культуры поставлен вопрос о наличии у коренных жителей Восточной Сибири двух основных видов водных перевозок: индивидуальных и массовых. С древности и вплоть до новейшего времени оба вида обслуживались транспортом разных типов. Это лодки промысловиков одно-, двухместные и плоты или лодки для семейного и коллективного сплава. По-видимому, конструкции транспортных средств в разные хронологические периоды заметно отличались. Наименее изучены древние типы, в частности выявленные Ю.Б. Симченко каркасные лодки и их генезис. Предварительные исследования показали, что у таежных верхнеко-

лымских охотников и рыболовов и морских зверобоев северо-востока Азии в прошлом существовали водные средства передвижения двух основных типов: одно-, двухместные промысловые (лодка/челнок/байдарка) и многоместные семейные/групповые (плот *мино/хаарбэч*/байдара). Транспортные типы различались по назначению и конструктивно.

Кардинальные изменения водных средств передвижения у лесных юкагигов произошли в новейшее время. Материалы В.И. Иохельсона показали наличие в конце XIX – начале XX вв. для индивидуальных и массовых переездов плота и разного типа лодок. В конце XX – начале XXI вв. в силу разных причин сохранился только традиционный челнок промысловиков из трех досок *эксиль*. Объяснения находим в предпочтении, отдаваемом покупным лодкам заводского производства, а также в связи с переходом женского населения речного народа к оседлому образу жизни. Последнее обстоятельство исключает регулярные семейные кочевки весной и осенью, съезд родовых коллективов на ежегодное празднество, и, следовательно, постоянная необходимость в семейных транспортных средствах отсутствует. Отдельные семьи одулов выезжают летом на места рыбного промысла, пользуясь при этом лодками заводского производства с подвесными моторами.

В настоящее время в изучении традиционных плотов и лодок юкагигов много неясного, в том числе актуальными остаются вопросы применения в далеком прошлом лесными и тундровыми юкагирами (до становления оленеводческого хозяйства) каркасного транспорта с кожаной обтяжкой. Перспективно получение дополнительных сведений об эскимосском треугольном плоте. Кроме того, предположение о гипотетическом происхождении нарт чукотско-корякского типа от каркасной лодки с дуговыми ребрами требует новых аргументаций.

Список сокращений:

ПМА – полевые материалы автора

Список литературы:

Анищенко Е.В., Кроуэлл А.Л. Байдары тихоокеанских эскимосов по данным археологии и этногра-

фии // Археология и этнография коренного населения Америки. Сборник МАЭ. Т. 56. СПб.: Наука, 2010. С. 198–227.

Жукова Л.Н. Древние грунтовые погребения р. Колымы (палеоэтнографический анализ) // HomoEurasicus в системах социальных коммуникаций (Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции). М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 317–342.

Жукова Л.Н. Очерки по юкагирской культуре. Ч. 2. Мифологическая модель мира. Новосибирск: Наука, 2012. 360 с.

Жукова Л.Н. Погребальный обряд тундровых юкагигов: традиции и современность // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2018. № 4. С. 19–27.

Иванова-Унарова З.И. Юкагиры // Материальная и духовная культура народов Якутии в музеях мира (XVII – начало XX вв.). Кн. 1: Сибирская коллекция в музеях США. Якутск: Бичик, 2017. 784 с.

Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005а. 270 с.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / Пер. с англ. В.Х. Иванова и З.И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005б. 675 с.

Историко-этнографический атлас Сибири / под ред. М.Г. Левина и Л.П. Потапова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 498 с.

Кистенев С.П. Новые археологические памятники бассейна Колымы / Новое в археологии Якутии. Якутск: Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1980. С. 74–87.

Кистенев С.П. Родинское неолитическое захоронение и его значение для реконструкции художественных и эстетических возможностей человека в экстремальных условиях Крайнего Севера // Археологические исследования в Якутии. Новосибирск: Наука, 1992. С. 68–83.

Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1984. 200 с.

Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М.: Наука, 1976. 311 с.

Спиридонов Н.И. (Тэки Одулок). Одулы (юкагиры) Колымского округа. 2-е изд. Якутск: Северовед, 1996. 80 с.

Тэки Одулок. На Крайнем Севере. Якутск: Кн. изд-во, 1987. С. 96–236.

Федорова С.А. Генетические портреты народов Республики Саха (Якутия): анализ линий митохондриальной ДНК и Y-хромосомы. Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2008. 235 с.

Юкагиры. Историко-этнографический очерк / под ред. А.П. Окладникова. Новосибирск: Наука, 1975. 244 с.

Словари:

Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001. 256 с.

Николаева И.А., Шалугин В.Г. Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский (верхнеколымский диалект). СПб: Дрофа, 2002. 191 с.

Спиридонов Н.И. (Тэки Одулок). Юкагирско-русский словарь. Эвенско-русский словарь. Якутск, 2003. 58 с.

References:

Anishchenko E.V., Krouell A.L. *Baydary tik-hookeanskikh eskimosov po dannym arkheologii i etnografii* [Baidars of the Pacific Eskimos according to archaeology and ethnography]. *Arkheologiya i etnografiya korenogo naseleniya Ameriki. Sbornik Muzeia arkheologii i etnografii RAN* [Archeology and Ethnography of the America Indigenous Population. Collection of the Museum of Archeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences]. Volume 56. St. Petersburg, 2010. Pp. 198–227. (In Russian).

Fedorova S.A. *Geneticheskie portrety narodov Respubliki Sakha (Yakutiya): analiz liniy mitokhondrial'noy DND i Y-khromosomy* [Genetic portraits of the peoples of the Republic of Sakha (Yakutia): analysis of mitochondrial DND and Y-chromosome lines]. Yakutsk: Yakutsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2008. 235 p. (In Russian).

Iokhel'son V.I. *Materialy po izucheniyu yukagirskogo yazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge* [Materials on the study of the Yukaghir language and folklore collected in the Kolyma district]. Yakutsk: Bichik Publ., 2005a. 270 p. (In Russian).

Iokhel'son V.I. *Yukagiry i yukagirizirovannye tungusy. Perevod s angliyskogo yazyka V.Kh. Ivanova i Z.I. Ivanovoy-Unarovoy* [Yukagirs and Yukagirized Tunguses. Translation from English by V. Kh. Ivanova and Z.I. Ivanova-Unarova]. Novosibirsk: Science Publ., 2005b. 675 p. (In Russian).

Istoriko-etnograficheskiy atlas Sibiri. Pod redaktsiey M.G. Levina i L.P. Potapova [Historical and ethnographic atlas of Siberia. Edited by M.G. Levin and L.P. Potapova]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the Union of Soviet Socialist Republics Publ., 1961. 498 p. (In Russian).

Ivanova-Unarova Z.I. *Yukagiry* [Yukaghirs]. *Material'naya i dukhovnaya kul'tura narodov Yakutii v muzeyakh mira (XVII – nachalo XX vv.). Kniga 1: Sibirskaya kolleksiya v muzeyakh Soedinennykh shtatov Ameriki* [Material and spiritual culture of the peoples of Yakutia in the museums of the world (XVII – early XX

centuries). Book 1: Siberian collection in US museums]. Yakutsk: Bichik Publ., 2017. 784 p. (In Russian).

Kistenev S.P. *Novye arkheologicheskie pamyatniki basseyna Kolymy* [New archaeological sites in the Kolyma basin]. *Novoe v arkheologii Yakutii* [New in the archeology of Yakutia]. Yakutsk: Yakutsk branch Academy of Sciences of the Union of Soviet Socialist Republics Publ., 1980. Pp. 74–87. (In Russian).

Kistenev S.P. *Rodinskoe neoliticheskoe zakhoroneniye i ego znachenie dlya rekonstruktsii khudozhestvennykh i esteticheskikh vozmozhnostey cheloveka v ekstremal'nykh usloviyakh Kraynego Severa* [Rodinka Neolithic Burial and Its Significance for Reconstruction of Human Artistic and Aesthetic Potential in Extreme Conditions of the Far North]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Yakutii* [Archaeological research in Yakutia]. Novosibirsk: Science Publ., 1992. Pp. 68–83. (In Russian).

Kurilov G.N. *Yukagirsko-russkiy slovar'* [Yukaghir-Russian Dictionary]. Novosibirsk: Science Publ., 2001. 256 p. (In Russian).

Mazin A.I. *Traditsionnye verovaniya i obryady evenkov-orochonov (konets XIX – nachalo XX veka)* [Traditional beliefs and rituals of the Orochon Evenks (late 19th – early 20th centuries)]. Novosibirsk: Science Publ., 1984. 200 p. (In Russian).

Nikolaeva I.A., Shalugin V.G. *Slovar' yukagirsko-russkiy i russko-yukagirskiy (verkhnekolymskiy dialekt)* [Dictionary of Yukaghir-Russian and Russian-Yukaghir (Upper Kolyma dialect)]. St. Petersburg: Drofa Publ., 2002. 191 p. (In Russian).

Simchenko Yu.B. *Kul'tura okhotnikov na oleney Severnoy Evrazii* [The culture of deer hunters in Northern Eurasia]. Moscow: Science Publ., 1976. 311 p. (In Russian).

Spiridonov N.I. (Teki Odulok). *Oduly (yukagiry) Kolymskogo okruga* [Oduls (Yukagirs) of the Kolyma District]. 2nd edition. Yakutsk: Northern Studies Publ., 1996. 80 p. (In Russian).

Spiridonov N.I. (Teki Odulok). *Yukagirsko-russkiy slovar'. Evensko-russkiy slovar'* [Yukaghir-Russian dictionary. Even Russian dictionary]. Yakutsk, 2003. 58 p. (In Russian).

Teki Odulok. *Na Kraynem Severe* [In the Far North]. Yakutsk: Book Publ., 1987. Pp. 96–236. (In Russian).

Yukagiry. Istoriko-etnograficheskiy ocherk. Pod redaktsiey A.P. Okladnikova [Yukaghirs. Historical and ethnographic sketch. Edited by A.P. Okladnikova]. Novosibirsk: Science Publ., 1975. 244 p. (In Russian).

Zhukova L.N. *Drevnie gruntovye pogrebeniya r. Kolymy (paleoetnograficheskiy analiz)* [Ancient ground burials of the Kolyma River (paleoethnographic analysis)]. *HomoEurasicus v sistemakh sotsial'nykh kommunikatsiy (Materialy VI Vserossiyskoy nauchno-prak-*

ticheskoy konferentsii) [HomoEurasicus in social communication systems (Materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference)]. Moscow - Berlin: Direct-Media, 2015. Pp. 317-342. (In Russian).

Zhukova L.N. *Ocherki po yukagirskoy kul'ture. Chast' 2. Mifologicheskaya model' mira* [Essays on the Yukaghir culture. Part 2. Mythological model of the

world]. Novosibirsk: Science Publ., 2012. 360 p. (In Russian).

Zhukova L.N. Pogrebal'nyy obryad tundrovykh yukagirov: traditsii i sovremennost' [The funeral rite of the tundra Yukagirs: tradition and modernity]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik* [North-Eastern Journal of Humanities]. 2018. № 4. Pp. 19-27. (In Russian).

L.N. Zhukova

Water Transports of the Forest Yukagirs: Reconstructions and Modern State

Scientific novelty. The article deals with the water transports that participated in the formation of the economic specification of the nomadic hunting and fishing tribes of the Yukagirs of the Upper Kolyma. The Upper Kolyma Yukagirs in the late XIX – early XX centuries roamed on triangular rafts, dugout and plank boats, single – and multi-seat. The main information on water transport was collected by V. I. Jochelson, supplemented by his materials by Yu. B. Simchenko, who summarized the data on ancient frame boats in the arsenal of fishermen and hunters of wild reindeer. At the end of the XX – beginning of the XXI centuries the forest Yukagir limited use of fishing plank shuttle of three boards. *The aim and tasks.* There is a need to identify and compare traditional water transport vehicles of forest Yukagirs for a long time on the basis of published data of researchers and author's field materials. The chronological limits are from antiquity to the beginning of the XXI century. *Research methods.* Analysis and reconstruction showed the presence of specialized watercraft: easy-to-operate and carry fishing shuttles, cargo transport for moving families, suggesting differences in size and design. Parallels are determined with the northern peoples. *Results.* It is assumed that the heavy-cargo boat of the forest Yukagirs is a combined one, connecting elements of national transports and possibly, Russian carbas. The Evens of Yakutia had a frame boat with a leather cover, according to language data, traces of it are found in the tundra Yukagirs. The American Eskimos had a triangular-shaped raft with a leather-covered one. Are the triangular rafts (Yukagir and Eskimo) and the frame boat of the Evens evidence of the existence of multi-seat watercraft in the distant past? The question of the origin of the arc hooves of the Chukotka-Kamchatka type sleds is raised.

Keywords. Yakutia, Yukagirs, rafts and boats, traditions, reconstructions, modernity

Р.И. Бравина

DOI: 10.25693/SVG.V.2021.35.2.003

УДК 902(1-925.14)+929Кашин

Научная биография В.А. Кашина в археологии Северо-Восточной Азии: открытия, идеи, перспективы

Статья посвящена археологическим исследованиям В.А. Кашина в бассейнах крупных рек Северо-Восточной Азии: Алдана, Индигирки и Колымы.

Научная новизна. Персональный подход в изучении деятельности отдельно взятого ученого представляет собой одну из необходимых предпосылок для дальнейших исследований по решению имеющихся в определен-

ном направлении гипотез, интерпретаций и теоретических проблем. Данная статья представляет собой опыт подобного изучения на примере научного наследия археолога В.А. Кашина.

Цель статьи – систематизация и анализ археологических открытий и теоретических положений В.А. Кашина в изучении Северо-Восточной Азии, выявление и сравнение выдвинутых по данной проблеме в разные годы точек зрения.

Методы исследования: проблемно-хронологический, синхронный и ретроспективный. Основополагающими для данного исследования явились принципы историзма, системности и научной объективности.

Результаты. Обобщены и систематизированы работы В.А. Кашина, уточнен список открытых им памятников с краткой характеристикой и определено их значение для дальнейших исследований древней истории Северо-Востока Азии.

Ключевые слова: Северо-Восток Азии, Средняя Колыма, археология, палеолит, мезолит, неолит, стоянки, погребения, В.А. Кашин

В.А. Кашин, май 2003 г.

И. Введение. Несмотря на изначально проявленный археологами интерес к древней истории Колымы в конце 40-х – начале 70-х гг. XX в. (А.П. Окладников, Н.Н. Диков, Ю.А. Мочанов, С.А. Федосеева), данному региону в целом, по сравнению с районами рек Лены, Индигирки, а также Чукотки и Камчатки, было уделено значительно меньше внимания. Начатые в 1990-е гг. исследования В.А. Кашина в значительной мере восполнили этот пробел. История археологического изучения Колымского края получила должное освещение в публикациях В.А. Кашина [Кашин, 2013: 11–14], С.Б. Слободина [Слободин, 2001: 9–25], А.А. Сулейманова [Сулейманова, 2020], а также в рукописи докторской

диссертации Н.Д. Архипова [2000]. Биография и научная деятельность самого ученого в кратком виде изложены в предисловии посмертного издания его трудов, написанном автором настоящей статьи [Кашин, 2013].

Основной целью работы является систематизация и анализ археологических открытий и теоретических положений В.А. Кашина в изучении Северо-Восточной Азии. В последнее время одной из главных задач в историографии археологии стал учет открытых в разные годы объектов археологического наследия. К сожалению, за их перечнем сами авторы открытий зачастую остаются в тени – этим и определяется актуальность статьи. Автором предпринята попытка проследить процесс развития гипотез и интерпретаций ученого на современном уровне археологической науки. Одной из задач статьи является выполнение морального долга перед памятью коллеги накануне его 75-летнего юбилея. Отдать дань уважения предыдущим поколениям исследователей – только таким образом возможна актуализация прошлого, выявление его востребованности сегодня и в будущем.

Проработав в системе ЯНЦ СО РАН 45 лет, В.А. Кашин внес весомый вклад в становление и развитие археологического направления в научных исследованиях ИГиПМНС. В публикациях подобного рода обычно ориентируются на строгую научность изложения. Тем не менее позволим себе несколько отойти от основного стиля и вспомнить дождливый сентябрьский день 2009 года. Тогда в одном из кабинетов Института по ул. Петровского собрались на рабочее заседание вновь создаваемого сектора археологии к.и.н. В.А. Кашин, к.и.н. Е.А. Строгова, лабо-

рант В.В. Калинина и автор статьи. У Н.А. Алексеева, известного этнографа, фольклориста, организатора-директора ИГИИПМНС СО РАН, было заветное желание: возродить в институте направление археологии и в первую очередь — исследования по этногенезу и ранней истории древних и средневековых этнических сообществ Якутии. И этим, наверное, диктовалось его предложение автору статьи, этнографу, возглавить новый сектор. Председатель СО РАН академик А.П. Деревянко поддержал его устремление, и нам дали задание в кратчайшие сроки разработать новый проект НИР на 2010–2012 гг. Николай Алексеевич, будучи зав. сектором фольклора, выделил нам в поддержку своих сотрудников: кандидатов филологических наук А.А. Кузьмину, О.И. Чарину и А.Н. Данилову. Так с самого начала наши исследования приобрели междисциплинарный характер. В тот первый день моросящий с утра дождь превратился к вечеру в сильный ливень. И Виталий Александрович Кашин, улыбнувшись, сказал: «Это хороший знак. Небо нас благословило...»

II. Материалы и методы. Важнейшим корпусом источников, положенным в основу работы, явились научные статьи и монографические труды В.А. Кашина. Особый интерес представляют археологические и междисциплинарные исследования на основе данных археологических изысканий ученого, в которых в разной мере уточняются, дополняются, подтверждаются или опровергаются его гипотезы. При написании статьи использовались проблемно-хронологический, синхронный и ретроспективный методы.

III. Результаты. В.А. Кашин начал работать в Якутском филиале СО АН СССР (ныне ЯНЦ СО РАН) в 1964 г., сначала в Институте космических исследований и аэронавигации, а затем, в 1965 г., в Институте языка, литературы и истории в секторе истории. Будучи лаборантом и студентом-заочником, в 1970 г. он опубликовал свою первую статью «Культурные комплексы каменного века на стоянке Сумнагин II», которая вошла в сборник трудов Приленской археологической экспедиции «По следам древних культур Якутии» [По следам..., 1970]. Стоянка была открыта в 1965 г. Ю.А. Мочановым на 25-метровой цокольной террасе, к которой примыкала высокая пойма со

стоянкой Сумнагин I. В.И. Кашин принимал непосредственное участие в раскопках этого уникального памятника. Площадь распространения находок превышала 1500 кв. м. В смешанном культурном слое было найдено 7914 каменных предметов и 1366 фрагментов керамики [Археологические памятники, 1983: 34–35]. Среди инвентаря стоянки значительное место занимала керамика, представленная сетчатыми, шнуровыми, вафельными, гладкостенными с налепными валиками, рубчатыми с овальными и зубчатыми вдавлениями фрагментами [Кашин, 1970: рис. 2]. Каменные предметы были представлены нуклеусами, наконечниками стрел, скребками, режущими и рубящими орудиями, пластинами и отщепами [Там же: рис. 3–6]. Характеризуя инвентарь памятника, материал которого относится к разновременным комплексам сылахской, белькачинской и ымыяхтахской неолитических культур, хронологически относящихся к IV–II тыс. до н.э., автор отметил генетическую связь местных неолитических культур с позднепалеолитической. Сравнительный анализ предметов, несущих элементы соседних культур, позволил автору сделать вывод о том, что местные неолитические племена были тесно связаны с древними племенами Лены, Прибайкалья и Забайкалья [Там же: 107–109].

В 1972 г. В.А. Кашин закончил историко-филологический факультет Якутского государственного университета и защитил дипломную работу по теме «Опыт выделения локальных вариантов раннеолитической культуры на территории Якутии», фактически явившуюся первым опытом разработки подобного проекта по археологии Крайнего Севера. Уже в этой работе он продемонстрировал высокую научную культуру, лаконичную манеру изложения, прекрасное знание материала — все те качества, которыми впредь всегда отличались его работы.

В.А. Кашин многие годы возглавлял группы и отряды Приленской археологической экспедиции ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. В 1974, 1975 и 1978 гг. он провел археологическую рекогносцировку верхнего течения Индигирки, охватив своими исследованиями территории Момского и Оймяконского районов. Основным результатом исследований стало открытие стоянок Юбилейный, Калядин, Кыйымыт и Киняс. На стоянке Юбилейный на площади 240 кв. м была

получена коллекция из 108 каменных предметов, сделанных преимущественно из плиток темно-серого кремня и кремнистого сланца. По мнению В.А. Кашина, «своим местоположением в самом центре горной системы хребта Черского, в непосредственной близости к Оймяконскому меридиану, стоянка обнаруживает поразительную приспособляемость древнего человека к предельно экстремальным условиям существования, открывает новую перспективную археологическую область» [Кашин, 1983б: 101]. Рассматривая проблемы датировки и культурной принадлежности памятника, исследователь отметил ее значительную специфику: аналогии с другими стоянками Северной Якутии прослеживались «в рамках отдельных элементов, но не комплекса в целом», и он мог быть только предположительно отнесен к сылахской раннеолитической культуре [Там же]. С.Б. Слободин, исследователь археологии Верхней Колымы, отметил, что материалы с этой стоянки позволили проследить от Лены до Колымы своеобразную раннеголоценовую традицию изготовления пластинчатых черешковых наконечников, определенную как уолбинская [Слободин, 2001: 25].

Стоянка Калядин, на которой было вскрыто 127 кв. м площади, по мнению В.А. Кашина, однозначно являлась памятником ымыяхтахской позднеолитической культуры. На стоянке Кыйымыт, открытой на одноименной речке, впадающей в Индигирку справа, был получен невыразительный материал. Разведка 1978 г. охватила маршрут от пос. Оймякон до пос. Усть-Нера протяженностью 248 км в устье левого притока Индигирки – Киняс-юрэх [Архипов, 2000: 91]. Эти местоположения были отмечены на «Карте археологических памятников Северо-Восточной Азии» [Мочанов, Федосеева, 1980: рис. 2], а стоянки Кыйымыт и Киняс вошли в археологическую карту Оймяконского района [Дьяконов, 2014], но материалы из них не были опубликованы.

В 1976 и 1978 гг. В.А. Кашин обследовал правые притоки р. Алдан – рр. Томпо и Восточная Хандыга, где были открыты стоянки Томпо, Суп I, II, Кюрбелях, Каменный I и II [Археологические памятники, 1983: 63].

С 1979 по 1982 гг. Виталий Александрович обучался в очной аспирантуре при Институте истории, филологии и философии СО АН СССР

в Новосибирске у академика А.П. Окладникова, которого всю жизнь считал своим учителем и примером высшего служения науке [Кашин, 1998]. В эти годы им был опубликован ряд статей по историографии палеолита Якутии [Кашин, 1981, 1982, 1983а, 1983б]. В этот же период он руководил раскопками известных Устиновских палеолитических поселений в Приморье [Васильевский, Кашин, 1983]. Вопрос о хронологической привязке археологических материалов памятника Устиновка I остается до сих пор дискуссионным. Часть ученых, ссылаясь на мнение В.А. Кашина, подтвержденное радиоуглеродной датой 7800 ± 500 л. н., относит устиновские культуросодержащие отложения к раннему голоцену [Крупянюк, 2015: 103]. В 1981 г. В.А. Кашин как умелый и талантливый полевой исследователь, обладающий достаточно глубокими для археолога знаниями по геологии, был приглашен к участию в международной Северо-Монгольской экспедиции.

В апреле 1991 г. В.А. Кашин успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Палеолит Северо-Восточной Азии (история и итоги исследований 1940–1980 гг.)». Н.А. Архипов в своей докторской диссертации, посвященной истории археологических исследований в Якутии, дал высокую оценку диссертационному исследованию В.А. Кашина, отметив полноту использования источников, широту охвата проблем и «острополемиический» характер работы [Архипов, 2000: 17–18]. Материалы диссертации были положены в основу вышедшей в Новосибирске монографии «Палеолит Северо-Восточной Азии (история и итоги исследований 1940–1980 гг.)» [Кашин, 2003].

С 1991 г. В.А. Кашин работал в Институте проблем малочисленных народов Севера СО РАН, где организовал и заведовал сектором археологии и руководил постоянно действующей археологической экспедицией. За десять полевых сезонов на Средней Колыме, в местах традиционного проживания малочисленных народов Севера, он открыл и частично обследовал 47 археологических памятников, в том числе уникальные в Евразийском Заполярье Помазкинский, Кигиляхский и Каменский археологические комплексы, включающие поселения открытого типа, мастерские и кратковременные охотничьи стоянки, а также уникальные памят-

ники погребального обряда древнего населения – могильник Помазкино III и тройное детское захоронение Каменка II. На стоянках Помазкино III и IV выделены комплексы каменных орудий и керамики, отнесенной к сылахской культуре Якутии. Более представительные комплексы помазкинских стоянок, как и само захоронение, были отнесены к ымыяхтахской культуре и на основе сопоставления с другими памятниками Якутии и Чукотки датированы серединой или второй половиной II тыс. до н.э. [Кашин, 1993; Кашин, Калинина, 1997; Кашин, 2001, 2008а, 2008б]. Круг его профессиональных интересов этого периода был сосредоточен на разработке темы «Древнейшие истоки культур малочисленных народов Севера». Им были представлены археологические программы в блок международного проекта «Циркумполярная культура народов Арктики и Севера» и ПРООН (Программа развития ООН), а также проект «Арктическая экспедиция» международного научного центра по развитию северных территорий.

В последние годы своей жизни В.А. Кашин являлся руководителем двух трехлетних инициативных проектов в рамках приоритетных направлений СО РАН: «Археология Средней Колымы. Поздний неолит» (2004–2006 гг.) и «Неолит Средней Колымы» (2007–2009 гг.), в которых впервые был опознан и выделен наиболее полный комплекс артефактов, характеризующих эпоху неолита Средней Колымы, и обнаружены его своеобразные черты и особенности, заставляющие критически отнестись к существующим ныне представлениям об этнокультурном единообразии неолита Якутии и его генезисе.

IV. Обсуждение. Результатом исследований В.А. Кашина на Средней Колыме стало посмертное издание монографии «Неолит Средней Колымы» [Кашин, 2013], в которой изложена его концепция генезиса неолитических культур Северо-Восточной Азии. Автор, следуя высказанной А.П. Окладниковым гипотезе о существовании «нижнеленской» культурной области, выделяет на основе ряда сходных черт территорию «распространения «северного» варианта ымыяхтахской культуры или даже особой культуры субарктического позднего неолита». Эта позиция, высказанная ранее в работе «Стоянка «Юбилейный» и её место в культуре ка-

менного века Якутии» [1983б], противоречила точке зрения С.А. Федосеевой [1975: 94], которая после изучения ряда археологических памятников на Нижней Колыме пришла к выводу, что «как в таежной, так и в тундровой зонах Северо-Восточной Азии в неолите последовательно сменяли одна другую сылахская, белькачинская и ымыяхтахская культуры, внутри которых при более детальном изучении, очевидно, выявятся отдельные локальные варианты. Существование этих культур не оставляет места для особой культуры субарктического неолита». С.П. Кистенев, присоединяясь к мнению С.А. Федосеевой, отметил, что «археологические исследования в верховьях Колымы еще раз подтвердили несостоятельность выдвинутых ранее предположений о том, что... древние стоянки на Северо-Востоке Азии в основном сосредоточены в низовьях рек, тяготея к арктическому побережью» [Кистенев, 1993]. С.Б. Слободин, поддерживая мнения своих коллег, справедливо заметил, что ставить точку в этой дискуссии рано по причине неравномерности археологической изученности этих географических районов, постоянно расширяющейся фактологической базы, смешанного характера большинства исследованных комплексов и недостатка абсолютных датировок [Слободин, 2001: 25]. Это замечание до сих пор остается актуальным.

Весьма важные материалы для характеристики мировоззрения и духовной культуры позднего неолита Средней Колымы дают погребальные комплексы, выявленные на стоянках Каменка II и Помазкино III. На первой из них найдено коллективное захоронение детей. Антропологические исследования показали, что погребенными были генетически родственные мальчик 8-9 лет, девочка 6-7 лет и новорожденная девочка. Старших детей хоронили в одежде, богато украшенной плоскими перламутровыми колечками из створок пресноводных ракушек. Судя по их расположению, украшения нашивались на одежду только спереди и только от пояса до колен. У девочки был головной убор, украшенный многочисленными (1187 шт.) колечками из ракушек значительно меньшего, чем на одежде, размера. Детей сопровождал немногочисленный, но выразительный погребальный инвентарь. Между черепами старших детей лежали тщательно обработанный со всех сторон

нож из халцедона и шило из метаподии лося. Около останков новорожденной девочки находился также великолепно обработанный миниатюрный ножичек из кремня. На лобной кости мальчика лежал небольшой обломок вафельной керамики. Особо примечательны находки трех разных по размеру (согласно количеству и физико-возрастным данным усопших) зубов снежного барана и двух симметрично обломанных и сошлифованных по дистальным отделам половинок нижней челюсти жвачного животного. Само их присутствие в погребении и положение в изголовье указывают на то, что они имели некое сакральное значение и играли важную роль в наборе ритуальных действий [Кашин, 2013: 140]. С ритуальными традициями погребения, несомненно, связан и выявленный здесь ритуал преднамеренного посмертного деформирования черепов путем нанесения ударов тупым предметом в области надпереносья, левой височной и центральной лобной (или теменной) костей [Шпакова, 2001: 143–144].

На стоянке Помазкино III найден могильник, состоящий из двух одиночных погребений. Однотипные могилы представляют собой грунтовые ямы глубиной 46–48 см от древней дневной поверхности, перекрытые сверху в 2–4 слоя крупными плитами известняка. Вокруг каменных крышек поверхность посыпана охрой. На дне одной могильной ямы лежали разрозненные останки человека, на дне другой – скелет человека в анатомическом порядке, лежащий в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток. По предварительной оценке И.И. Гохмана и Ю.К. Часова (Институт этнологии и антропологии РАН), первое погребение (с разрозненными костями) принадлежит мужчине зрелого возраста (около 50 лет), второе – молодой женщине в возрасте около 25 лет. В каждом захоронении присутствовали погребальные вещи: ножевидные пластины; многофасеточные резцы, наконечники стрел и копья; халцедоновый топорovidный скребок, долото, тесло, фрагменты и т.д. На шейных позвонках женского скелета размещались бусы, составленные из 1625 мелких дисков-колец, выточенных из ракушек. Над черепом поперек лежала голенная кость лебедя (очевидно, родового тотема), а слева, у бедра, – два черепа соболей. Единичные позвонки и ребра рыбы фиксировались справа

от черепа и под ним. В 2 м к востоку от женского захоронения были обнаружены следы поминальной трапезы: выложенный известняковыми плитами очаг с обильным углистым заполнением и пережженными костями; крупная каменная наковальня, окруженная раздробленными костями животных (преимущественно северного оленя); скопление каменных, костяных и керамических изделий [Кашин, 2013: 141–142].

Материалы из неолитических погребений Средней Колымы стали предметом исследований антропологов, что внесло новые данные в проблему определения происхождения арктических народов. Выявленное у детей из захоронения Каменка II своеобразное сочетание краниологических и одонтологических признаков связывается с метисационными процессами, происходившими в среде древних представителей арктических и североазиатских монголоидов [Шпакова, 2001: 151]. Аналогии обнаружены между реконструированными «взрослыми» размерами черепа девочки из Каменки II и материалами женского погребения из могильника на стоянке Помазкино III, а также женскими черепами из погребений конца III – начала II тыс. до н.э. в бассейне среднего течения р. Селенги. Рассмотрена возможность отнесения женских черепов из колымских захоронений к особому антропологическому типу в составе байкальской группы. Сделано предположение о допустимости существования межпопуляционных контактов, обусловивших обмен женским контингентом [Чикишева и др., 2017].

Анализ фактических материалов позволил В.А. Кашину сделать вывод, что «неолит Средней Колымы на каждом этапе своего развития имеет существенные особенности в сравнении с неолитом бассейна Средней Лены» и основанием тому явилась «перманентная эволюция автохтонных культурных традиций, которые обогащались результатами культурных контактов и эпизодических проникновений инокультурных популяций» [Кашин, 2013: 148]. Данный тезис, помимо заключений антропологов о миграционных процессах, происходивших на территории Северо-Востока Азии, подтверждается и методами естественных наук. В Университете Миссури (США) проведен геохимический (не разрушающий энерго-дисперсионный рентгенофлюоресцентный) анализ обсидиановых ар-

тефактов из неолитических стоянок Колымы, показавший, что материал, из которого они изготовлены, происходит из коренного источника на оз. Красное, расположенного в 1300 км к востоку – на территории Чукотки, и это является еще одним примером сверхдальнего транзита сырья, возможных миграционных процессов и торгово-обменных операций человека на Крайнем Северо-Востоке Азии в древности [Kuzmin et al, 2018].

V. Заключение. Открытые В.А. Кашиным археологические памятники, в основном неолитические, позволили ввести в научный оборот большой объем фактологического материала по историческому прошлому Северо-Востока Азии. На основе стратиграфических и радиоуглеродных данных, типологии орудий и керамики им выделены этапы раннего, среднего и позднего неолита. В его работах выделяются и анализируются однослойные однокомпонентные и многослойные несмешанные стоянки с четко различимой последовательностью культурных слоев, определяются общие и специфические характеристики залегания в них археологических материалов, даны сводные описания комплексов и наиболее характерных орудий, керамики, а также сырья, из которого они сделаны. Полученные результаты позволили ученому поставить вопрос о специфике неолитических материалов изучаемого им района, которая определялась, по его мнению, приоритетной основой хозяйства бродячих племен. Если полуоседлые белькачинцы занимались охотой и рыболовством, то колымские кочевники – в основном охотой. Ближайшие аналогии колымскому среднему неолиту он видел на Западной Чукотке. Особое место занимают неолитические погребения, исследованные В.А. Кашиным, материалы которых приоткрывают завесы над религиозными верованиями и мировоззрением древних обитателей Колымы, а их краниологическая часть, ставшая предметом исследований антропологов, вносит новые данные в проблему изучения происхождения арктических народов.

Открытия и результаты исследований В.А. Кашина продолжают расширять новые междисциплинарные горизонты в изучении и осмыслении важных и сложных проблем древней истории Крайнего Севера.

Список литературы:

Археологические памятники Якутии: бассейны Алдана и Олекмы. Новосибирск: Наука, 1983. 402 с.

Архипов Н.Д. Археология Якутии (история, итоги и задачи: XVIII–XX вв.): Дис.... д-ра ист. наук. М., 2000. 420 с.

Васильевский Р.С., Кашин В.А. Раскопки многослойного поселения Устиновка I в 1980 г. // Палеолит Сибири. Новосибирск, 1983. С. 44–66.

Дьяконов В.М. Археологические памятники Оймяконского района Республики Саха (Якутия) // VIII Диковские чтения: мат-лы науч.-практ. конф., посв. 60-летию образования Магаданской области. [Отв. ред. А.И. Лебединцев]. Магадан, 2014. С. 87–89.

Кашин В.А. Исследования на Заполярной Колыме // Археологические открытия 2008. М., 2008а. 439 с.

Кашин В.А. История и некоторые итоги изучения геологии палеолита Якутии // Палеолит Сибири. Новосибирск, 1983а. С. 111–123.

Кашин В.А. К историографии палеолита Якутии // Археология Северной Азии: сб. ст. Новосибирск, 1982. С. 48–54.

Кашин В.А. Колымское наследие А.П. Окладникова // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века и сопредельных территорий: мат-лы междунар. симпозиума. Т.2. Новосибирск, 1998.

Кашин В.А. Культурные комплексы каменного века на стоянке Сумнагин II // По следам древних культур Якутии. Якутск, 1970. С. 94–109.

Кашин В.А. Неолит Средней Колымы: сб. трудов [Отв. ред. Р.И. Бравина]. Новосибирск: Наука, 2013. 224 с.

Кашин В.А. Неолитическое захоронение детей на Средней Колыме – Kashin V.A. Neolithic Burial of Children in the Middle Kolyma // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 2 (6). С. 78–81.

Кашин В.А. Основные этапы изучения раннеголоценовых памятников Якутии // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981. С. 4–8.

Кашин В.А. Палеолит Северо-Восточной Азии (история и итоги исследований 1940–1980 гг.) [Отв. ред. Р.С. Васильевский]. Новосибирск: Наука, 2003. 235 с.

Кашин В.А. Погребальный обряд в неолите Колымы // Языки, культура и будущее народов Арктики: тезисы междунар. конф. (г. Якутск, 17–21 июня 1993 г.). Т. 2. Якутск, 1993. С. 94.

Кашин В.А. Стоянка «Юбилейный» и её место в культуре каменного века Якутии // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые связи Азии с Америкой. Новосибирск, 1983б. С. 93–102.

Кашин В.А., Калинина В.В. Помазкинский археологический комплекс как часть циркумполярной культуры. Якутск: Северовед, 1997. 111 с.

Кашин В.А. Северная специфика позднего неолита Якутии // *Окно в неведомый мир*. Новосибирск: Наука, 2008б. С. 144-149.

Кистенев С.П. Результаты исследований в зоне затопления Усть-Среднеканской ГЭС (Верхняя Колыма) // *Исторический опыт освоения восточных районов России*. Вып. 1. Владивосток, 1993. С. 25-28.

Крупяно А.А. Палеолит Приморья: проблемы периодизации // *Вестник Бурятского университета*. 2015. № 7. С. 101-109.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Основные итоги археологического изучения Якутии // *Новое в археологии Якутии*. (Труды Приленской археологической экспедиции). Якутск, 1980. С. 3-19.

По следам древних культур Якутии. 1964-1968 [Отв. ред. Ю.А. Мочанов, Ф.Г. Сафронов]. (Труды Приленской археологической экспедиции). Якутск, 1970. 211 с.

Слободин С.Б. Верхняя Колыма и Континентальное Приохотье в эпоху неолита и раннего металла. Магадан, 2001. 202 с.

Сулейманов А.А. Академия наук СССР и археологическое изучение арктических районов Якутии в 1980-е – 1991 гг. // *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2020. № 2 (31). С. 55-66.

Федосеева С.А. Стоянка Конзабой – памятник ымыяхтахской поздненеолитической культуры на Колыме // *Якутия и ее соседи в древности*. Якутск, 1975. С. 88-94.

Чикишева Т.А., Зубова А.В., Рахимова Н.Н. и др. Антропологическое исследование неолитического погребения на памятнике Помазкино III (Средняя Колыма) / Т.А. Чикишева, А.В. Зубова, Н.Н. Рахимова, П.В. Волков, Д.В. Поздняков // *Теория и практика археологических исследований*. 2017. № 4 (20). С. 112-137.

Шпакова Е.Г. Антропологическая характеристика детского погребения поздненеолитического времени со стоянки Каменка II // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2001. № 2 (6). С. 140-153.

Kuzmin Ya.V., Alekseyev A.N., Dyakonov V.M., Grebennikov A.V., Glascock M.D. Determination of the source for prehistoric obsidian artifacts from the lower reaches of Kolyma River, Northeastern Siberia, Russia, and its wider implications // *Quaternary International*. 2018. Volume 476. Pp. 95-101.

References:

Arkheologicheskie pamyatniki Yakutii: basseyny Aldana i Olekmy [Archaeological sites of Yakutia: the

basins of Aldan and Olekma]. Novosibirsk: Science Publ., 1983. 402 p. (In Russian)

Arkhipov N.D. *Arkheologiya Yakutii (istoriya, itogi i zadachi: XVIII–XX vv.): diss. ...d-ra ist. Nauk* [Archeology of Yakutia (history, results and tasks: XVIII–XX centuries): Dissertation of the Doctor of Historical Sciences]. Moscow, 2000. 420 p. (In Russian)

Chikisheva T.A., Zubova A.V., Rakhimova N.N. i dr. *Antropologicheskoe issledovanie neoliticheskogo pogrebeniya na pamyatnike Pomazkino-III (Srednyaya Kolyma)* [Anthropological study of the Neolithic burial at the site of Pomazkino-III (Middle Kolyma)]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*. [Theory and practice of archaeological research]. 2017. № 4 (20). Pp. 112-137. (In Russian)

D'yakonov V.M. *Arkheologicheskie pamyatniki Oymyakonskogo rayona Respubliki Sakha (Yakutiya)* [Archaeological sites of the Oymyakonsky district of the Republic of Sakha (Yakutia)]. *VIII Dikovskie chteniya: mat-ly nauch.-prakt. konf., posv. 60-letiyu obrazovaniya Magadanskoy oblasti. Otv. red. A.I. Lebedintsev* [VIII Dikovskie readings: materials of scientific-practical. conf., dedicated. The 60th anniversary of the formation of the Magadan region. Resp. ed. A.I. Lebedintsev]. Magadan, 2014. Pp. 87-89. (In Russian)

Fedosееva S.A. *Stoyanka Konzaboy – pamyatnik ymyyakhtakhskoy pozdneneoliticheskoy kul'tury na Kolyme* [Konzaboy camp – a monument of the Ymyyakhtakh late Neolithic culture in Kolyma]. *Yakutiya i ee sosedi v drevnosti* [Yakutiya i ee sosedi v drevnosti]. Yakutsk, 1975. Pp. 88-94. (In Russian)

Kashin V.A. *Issledovaniya na Zapolyarnoy Kolyme* [Research in the Polar Kolyma]. *Arkheologicheskie otkrytiya 2008* [Archaeological discoveries 2008]. Moscow, 2008a. 439 p. (In Russian)

Kashin V.A. *Istoriya i nekotorye itogi izucheniya geologii paleolita Yakutii* [History and some results of studying the geology of the Paleolithic of Yakutia]. *Paleolit Sibiri* [Paleolithic Siberia]. Novosibirsk, 1983a. Pp. 111-123. (In Russian)

Kashin V.A. *K istoriografii paleolita Yakutii* [On the historiography of the Paleolithic of Yakutia]. *Arkheologiya Severnoy Azii: sb. st.* [Archeology of North Asia: collection of articles]. Novosibirsk, 1982. Pp. 48-54. (In Russian)

Kashin V.A. *Kolymskoe nasledie A.P. Okladnikova* [Kolyma heritage of A.P. Okladnikova]. *Paleoekologiya pleystotsena i kul'tury kamennogo veka i soprodel'nykh territoriy: mat-ly mezhdunar. Simpoziuma* [Paleoecology of the Pleistocene and the culture of the Stone Age and adjacent territories: materials of the Intern. Symposium]. Volume 2. Novosibirsk, 1998. (In Russian)

Kashin V.A. *Kul'turnye komplekсы kamennogo veka na stoyanke Sumnagin II* [Cultural complexes of the

Stone Age at the Sumnagin II site]. *Po sledam drevnikh kul'tur Yakutii* [In the footsteps of the ancient cultures of Yakutia]. Yakutsk, 1970. P. 94-109. (In Russian)

Kashin V.A. *Neolit Sredney Kolymy. Otv. red. R.I. Bravina* [Neolithic of the Middle Kolyma. Resp. ed. Bravina R.I.]. Novosibirsk: Science Publ., 2013. 224 p. (In Russian)

Kashin V.A. *Neoliticheskoe zakhoronenie detey na Sredney Kolyme* [Neolithic Burial of children in the Middle Kolyma]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2001. № 2 (6). Pp. 78-81. (In Russian)

Kashin V.A. *Osnovnye etapy izucheniya rannegolotsenovykh pamyatnikov Yakutii* [The main stages of the study of the early Holocene monuments of Yakutia]. *Sibir 'vproshlom, nastoyashchem i budushchem* [Siberia in the past, present and future]. Novosibirsk, 1981. Pp. 4-8. (In Russian)

Kashin V.A. *Paleolit Severo-Vostochnoy Azii (istoriya i itogi issledovaniy 1940-1980 gg.) Otv. red. R.S. Vasil'evskiy* [Paleolithic of North-East Asia (history and results of research 1940-1980). Resp. ed. R.S. Vasil'evskiy]. Novosibirsk: Science Publ., 2003. 235 p. (In Russian)

Kashin V.A. *Pogrebal'nyy obryad v neolite Kolymy* [Funeral rite in the Neolithic of the Kolyma]. *Yazyki, kul'tura i budushchee narodov Arktiki: tezisy mezhdunar. konf. (g. Yakutsk, 17-21 iyunya 1993 g.)* [Languages, culture and the future of the peoples of the Arctic: theses of the international. conf. (Yakutsk, June 17-21, 1993)]. Volume 2. Yakutsk, 1993. Pp. 94. (In Russian)

Kashin V.A. *Severnaya spetsifika pozdnego neolita Yakutii* [Northern specificity of the late Neolithic of Yakutia]. *Okno v nevedomyy mir* [Window to an unknown world]. Novosibirsk: Science Publ., 2008b. Pp. 144-149. (In Russian)

Kashin V.A. *Stoyanka «Yubileyny» i ee mesto v kul'ture kamennogo veka Yakutii* [Site "Yubileiny" and its place in the culture of the Stone Age of Yakutia]. *Pozднеpleystotsenovyie i rannegolotsenovyie svyazi Azii s Amerikoy* [Late Pleistocene and Early Holocene relations of Asia with America]. Novosibirsk, 1983b. Pp. 93-102. (In Russian)

Kashin V.A., Kalinina V.V. *Pomazkinskiy arkheologicheskiy kompleks kak chast' tsirkumpolyarnoy kul'tury* [Pomazkinsky archaeological complex as part of the circumpolar culture]. Yakutsk: Northern Studies Publ., 1997. 111 p. (In Russian)

Kistenev S.P. *Rezultaty issledovaniy v zone zatopeniya Ust'-Srednekanskoy GES (Verkhnyaya Kolyma)* [Results of researches in the flood zone of Ust-

Srednekanskaya hydroelectric power station (Upper Kolyma)]. *Istoricheskiy opyt osvoeniya vostochnykh rayonov Rossii* [Historical experience of mastering of east districts of Russia.]. Producing 1. Vladivostok, 1993. Pp. 25-28. (In Russian)

Krupyanko A.A. *Paleolit Primor'ya: problemy periodizatsii* [Paleolithic of Primorye: problems of periodization]. *Vestnik buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University]. 2015. № 7. Pp. 101-109. (In Russian)

Kuzmin Ya.V., Alekseyev A.N., Dyakonov V.M., Grebennikov A.V., Glascock M.D. Determination of the source for prehistoric obsidian artifacts from the lower reaches of Kolyma River, Northeastern Siberia, Russia, and its wider implications. *Quaternary International*. 2018. Volume 476. Pp. 95-101. (In English)

Mochanov Yu.A., Fedoseeva S.A. *Osnovnye itogi arkheologicheskogo izucheniya Yakutii* [The main results of the archaeological study of Yakutia]. *Novoe v arkheologii Yakutii* [New in the archeology of Yakutia (The works of the Prilensk Archeological Expedition)]. Yakutsk, 1980. Pp. 3-19. (In Russian)

Po sledam drevnikh kul'tur Yakutii. 1964-1968. Otv. red. Yu. A. Mochanov, F. G. Safronov [In the footsteps of the ancient cultures of Yakutia. 1964-1968]. (*Trudy Prilenskoy arkheologicheskoy ekspeditsii*) [(The works of the Prilensk Archeological Expedition)]. Yakutsk, 1970. 211 p. (In Russian)

Shpakova E.G. *Antropologicheskaya kharakteristika detskogo pogrebeniya pozdneneoliticheskogo vremeni so stoyanki Kamenka II* [Anthropological characteristics of a late Neolithic children's burial from the Kamenka II site]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2001. № 2 (6). Pp. 140-153. (In Russian)

Slobodin S.B. *Verkhnyaya Kolyma i Kontinental'noe Priokhot'e v epokhu neolita i rannego metalla* [Upper Kolyma and Continental Priokhotye in the Neolithic and Early Metal Age]. Magadan, 2001. 202 p. (In Russian)

Suleymanov A.A. *Akademiya nauk SSSR i arkheologicheskoe izuchenie arkticheskikh rayonov Yakutii v 1980-e – 1991 gg.* [Academy of Sciences of the USSR and archaeological study of arctic districts of Yakutia in 1980-1991]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik* [The North-Eastern humanitarian vestnik]. 2020. № 2 (31). Pp. 55-66. (In Russian)

Vasil'evskiy R.S., Kashin V.A. *Raskopki mnogosloynogo poseleniya Ustinovka I v 1980 g.* [Excavations of the multilayer settlement Ustinovka I in 1980]. *Paleolit Sibiri* [Paleolithic Siberia]. Novosibirsk, 1983. Pp. 44-66. (In Russian)

R.I. Bravina

V.A. Kashin's Scientific Biography in Exploring of North-Eastern Asia: Discoveries, Ideas and Perspectives

The article is devoted to the archaeological research of V. A. Kashin in the basins of large rivers of North-Eastern Asia – Aldan, Indigirka and Kolyma. *Scientific novelty.* A personal approach to studying the activities of an individual scientist is one of the necessary prerequisites for further research to solve the hypotheses, interpretations and theoretical problems in this area. The article is the first experience of such a study on the example of the archaeologist V. A. Kashin scientific heritage. *The aim of this article* is to systematize and analyze the archaeological discoveries and theoretical propositions of V. A. Kashin in the study of North-Eastern Asia, to identify and compare the points of view put forward on the problem. *Research methods:* comparative-historical, problem-chronological, synchronous and retrospective. The principles of historicism, consistency, and scientific objectivity were fundamental to the research. *Results.* V. A. Kashin's works are summarized and systematized, the list of monuments discovered by him is clarified, their brief characteristics and significance for further research of the ancient history of Northeast Asia are given.

Keywords: North-Eastern Asia, Middle Kolyma, archeology, Paleolithic, Mesolithic, Neolithic, sites, burials, V.A. Kashin

Л.М. Готовцева

DOI: 10.25693/SVGV.2021.35.2.004

УДК 811.512.157'373

«Сборник якутских пословиц и поговорок» Н.В. Емельянова: особенности структурирования языкового материала

Научная новизна. Рассматривается современное состояние изучения якутских пословиц и поговорок, проводится их периодизация, намечаются возможные пути его развития. Особый интерес представляет лексический состав пословиц и поговорок, поскольку в них представлен богатый языковой, фольклорный материал, который имеет большую ценность с научной точки зрения.

Статья посвящена «Сборнику якутских пословиц и поговорок», первому полному, систематизированному изданию (Якутск, 1965; составитель Н.В. Емельянов), который не был до сих пор объектом специального рассмотрения.

Цель исследования состоит в том, чтобы на основе языкового материала «Сборника якутских пословиц и поговорок» Н.В. Емельянова выявить и описать структурные и семантические особенности якутских паремий.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие *задачи*: дать общую характеристику состояния изучения якутских пословиц и поговорок в лингвистическом аспекте и наметить возможные пути его развития; проанализировать содержание представленного в сборнике языкового материала: диалектных слов, типов вариантов в составе пословиц и поговорок; описать паремии как источники пополнения фразеологического фонда якутского языка; определить способы перевода паремий на русский язык; квалифицировать материал сборника в качестве лингвокультурологических источников.

Методы исследования. Использован компонентный анализ смысловой структуры паремий, опирающийся на данные словарей и описательный метод, с применением приемов классификации, систематизации и интерпретации языкового материала.

Для разграничения паремиологических вариантов и синонимов используется метод семантической идентификации. Анализ способов перевода единиц проводится с помощью сопоставительного анализа.

Результаты. Обзор работ по паремии показал, что фольклористами, лингвистами предпринимаются попытки определить место паремий в составе других устойчивых сочетаний слов и в общей системе языка. В составе пословиц и поговорок обнаружены интересные сведения по диалектному употреблению тех или иных единиц, их вариантам, архаизмам. Распад паремий на словосочетания осуществляется в результате: 1) обособления начальных компонентов; 2) обособления конечных компонентов. Способы перевода паремий на русский язык в целом таковы: подбор эквивалента из арсенала русского языка; перевод с помощью словосочетаний; комбинирование нескольких способов передачи якутской пословицы.

В текстах пословиц и поговорок представлена якутская лингвокультура, в их семантике аккумулирован многовековой опыт народа в познании окружающего мира.

Ключевые слова: пословица, поговорка, сборник пословиц и поговорок, паремиологический источник, систематизация, языковая картина мира

I. Введение. История изучения паремий в якутском языке начинается с того времени, когда устойчивые сочетания слов стали фиксироваться в публикациях И.А. Худякова (1890, 1918), В.Л. Серошевского (1896), С.В. Ястремского (1900), словаре Э.К. Пекарского (1907–1930), А.А. Попова (1936). В этих изданиях некоторым пословицам и поговоркам давались пояснения, часть из них была переведена на русский язык.

Особого внимания заслуживает сборник «Якутские пословицы и поговорки» А.Е. Кулаковского [1925]. Примечательно, что составитель дает не только толкование значения, подробный перевод значений пословиц и поговорок, но и некоторые комментарии к внутренней форме паремий, которые представляют большую ценность для пользователей. Этот период можно рассматривать как предварительный этап изучения пословиц и поговорок, который характеризуется накоплением паремиологического материала.

Второй период изучения якутских пословиц и поговорок (ЯПП) связан с появлением фольклористических и лингвистических работ. Были изданы известные труды Н.В. Емельянова [1962; Сборник..., 1965] и Г.У. Эргиса [Эргис, 1974], сыгравшие решающую роль в развитии якутской фольклористики. В них вырабатываются теоретические принципы инвентаризации паремий, предпринимаются попытки определить место пословиц и поговорок в системе устойчивых словесных комплексов (УСК) и отграничить их от фразеологизмов, дается жанровая характеристика этого вида устойчивых сочетаний слов.

Вопрос о том, являются ли пословицы и поговорки составной частью фразеологии или они целиком относятся к сфере фольклора, возник давно и был тесно связан с проблемой объема фразеологии.

В отношении объема фразеологии ученые придерживаются диаметрально противоположных точек зрения. Это обусловлено разным под-

ходом к фразеологическому материалу, разными методами его изучения, разным пониманием фразеологии. Одни ученые понимают термин «фразеология» в узком смысле, в таком случае относят к фразеологии только фразеологические единицы со структурой словосочетания и номинативной функцией. Сторонники широкого понимания фразеологии включают в состав фразеологии не только номинативные фразеологические обороты со структурой словосочетания, но и фразеологические обороты коммуникативного характера, имеющие структуру предложения, то есть пословицы, поговорки и крылатые выражения [Борисова, 1999].

Н.В. Емельянов устанавливает различие паремий, включаемых в сборник: пословица (өс хоһооно) – ‘смысл обычая’, ‘содержание обычая’ или ‘обычай (правило), закрепленный в стихах’, поговорки (өс номоһо) – образные определения предметов и явлений общественной жизни и природы, их характеристика [Сборник..., 1965: 6], по своим функциям эквивалентны отдельным членам предложения и заменяют их. Пословица же законченное суждение о различных явлениях, вывод, поучение, например: *арыы үрдүгэр уу дагдайбат, кырдьык үрдүгэр сымыйа ыттыбат* ‘над маслом вода не всплывает, над правдой кривда не поднимается’ [Сборник..., 1965: 7]. Таким образом, делается разграничение паремий, исходя из их особенностей в структурном плане.

Свое отношение к вопросам объема фразеологизмов якутского языка Н.В. Емельянов высказывает в монографии «Якутские пословицы и поговорки». Придерживаясь мнения академика В.В. Виноградова о том, что фразеологические единицы есть «единицы более сложного порядка, эквивалентные слову» [Емельянов, 1962: 21], он не относит пословицы к фразеологизмам, считая, что это расширяет понятие устойчивых фразеологических сочетаний. По его мнению, поговорки по своему содержанию и функции близки к фразеологизмам [Емельянов, 1962: 12].

Заслуживают внимания точки зрения ученых-лингвистов по поводу объема фразеологии. Н.К. Антонов, рассматривая фразеологию в «широком» смысле, включает в ее разряд пословицы и поговорки [Антонов, 1967: 95]. «Узкого» подхода к объему фразеологии придерживаются Н.С. Григорьев [Григорьев, 1974: 4–5], П.С. Афанасьев [Афанасьев, 1977: 15–16], А.Г. Нелунов [Нелунов, 1981: 29–34]. Они выводят за пределы объекта исследования фразеологии УСК нефразеологического типа: пословицы и поговорки, крылатые слова со структурой предложения. Анализ точек зрения на объем фразеологии в якутском языке посвящена статья Т.Н. Николаевой [Николаева, 2009: 95–100].

Труды этих авторов существенно продвинули исследование теоретических основ якутской и тюркской паремиологии и фразеологии. Но отметим, что в этот период еще не сложилось достаточно устойчивого представления о свойствах и статусе пословиц и поговорок.

Третий период начинается с 90-х гг. XX в. и характеризуется новыми подходами к исследованию якутских пословиц и поговорок. В.М. Никифоров в статье «Историческая основа пословиц и поговорок народа саха» [Никифоров, 1994: 94–101] привлекает для интерпретации тексты, относящиеся в основном к событиям XVII–XVIII вв. В материалах, собранных А.А. Поповым и изданных в 1936 г. [Якутский фольклор, 1936], по его замечанию, из 180 пословиц и поговорок более полутора десятка отражают взаимоотношения пришлого и местного населения [Никифоров, 1994: 95].

Подвергнув анализу паремии, относящиеся ко времени колониальной системы царизма, автор статьи отмечает «несоответствие, которое существует между картиной недалекого прошлого, представленной официальной исторической наукой XX, и реальной действительностью XVII–XIX столетий в Якутии» [Никифоров, 1994: 100]. Далее он пишет: «фольклористы же должны обратить внимание на то, что в трех (75 %) из четырех текстов смысл пословиц и поговорок донесен до широкого читателя в искаженном виде» [Никифоров, 1994: 100]. В.М. Никифоров ратует за комплексный подход к изучению фольклорного материала, междисциплинарное изучение пословиц и поговорок.

Комплексному описанию паремиологических единиц с позиций лингвокогнитологии посвящена кандидатская диссертация Л.П. Борисовой [Борисова, 1999]. Для нас особый интерес представляет точка зрения Л.П. Борисовой о разграничении якутских пословиц и поговорок, так как критерии разграничения пословиц и поговорок до сих пор вызывают у ученых споры. Она пишет, что нельзя согласиться с теми исследователями, которые предлагают считать объектом фразеологии только образные пословицы, имеющие прямое значение, а также с теми лингвистами, которые включают в состав фразеологии только поговорки, а пословицы относят к особому классу языковых единиц [Борисова, 1999]. Исследование с учетом достижений современной лингвистики и паремиологии позволило ученому отнести якутские пословицы и поговорки к фразеологическому составу якутского языка.

Основанием для разграничения ЯПП Л.П. Борисова считает семантический план, поскольку в структурном отношении они являются коммуникативными единицами со структурой предложения. Отличительными чертами ЯПП называет а) дидактическую направленность пословицы и отсутствие ее у поговорки; б) выражение обобщенной закономерности пословицами, а поговорка является результатом простого сравнения или наблюдения, обобщает по функции; в) особенности в структурном плане: пословицы представлены повествовательными или побудительными предложениями, а поговорки – повествовательными, восклицательными или вопросительными предложениями [Борисова, 1999]. Работа Л.П. Борисовой отличается новым подходом к изучению паремий, в ней содержится богатый теоретический материал по основным аспектам русской и сравнительной паремиологии. Проведенная в диссертационном исследовании корректировка определения паремии вообще и различия пословицы и поговорки, в частности, с учетом формальных и семантических особенностей якутского синтаксиса позволит в дальнейшем уточнить статус якутских пословиц и поговорок при их сопоставлении с фразеологическими единицами и другими типами УСК.

Л.Л. Габышева рассматривает паремии как семиотические знаки и отмечает семантические

и структурные связи паремий с другими фольклорными текстами. Являясь знаками типичных ситуаций, обобщением жизненного опыта и обучением, пословицы и поговорки тесно связаны со сказками назидательного характера или притчами. Вовсе не случайно отождествление в народных воззрениях пословицы и притчи [Габышева, 2009: 109]. Способность фольклорного текста к трансформации, например, сказки в паремию, и, наоборот, «разворачивание» слова или паремии в повествовательный текст Л.Л. Габышева связывает со структурой семиотических механизмов устной памяти культуры [Габышева, 2003: 38–39].

Статья С.М. Прокопьевой, Т.Н. Николаевой «Образная паремиология во фразеологической картине мира (на материале «Якутских пословиц и поговорок» А.Е.Кулаковского)» [Прокопьева, Николаева, 2004: 255–261], посвящена исследованию пословиц и поговорок якутского языка как потенциальной и реальной единицы фразеологии. Указывая на недостаточную разработанность проблемы фразеологической принадлежности определения корпуса паремиологических единиц, авторы предпринимают попытку изучить эту проблему с учетом современной теории лексикона; определяют статус зоонимических паремий во фразеологической системе современного якутского языка.

Пословично-поговорочный фонд якутского языка – сложные образования, представляющие, с одной стороны, явления языка, устойчивые, воспроизводимые в соответствующих коммуникативных ситуациях сочетания, во многом сходные с фразеологическими единицами, с другой – логические единицы, выражающие то или иное суждение, с третьей – художественные миниатюры, в яркой форме обобщающие факты и реалии окружающего мира, в котором все предметы и явления взаимосвязаны [Прокопьева, Николаева, 2004: 261].

В статье Т.Н. Николаевой, Л.М. Готовцевой пословицы и поговорки рассматриваются как источники пополнения фразеологического фонда якутского языка [Николаева, Готовцева, 2014: 261]. На основе анализа семантики и структуры пословиц и поговорок анализируются механизмы их синтаксического распада на словосочетания.

Последнее время характеризуется появлением ряда статей по концептам. В лингвокультуро-

логическом аспекте изучаются концепты «части тела человека», «родственники» на примере паремий русского, французского и якутского языков [Борисова, 2015: 111–119; 2017: 11–13]. Исследователи в качестве дополнительного материала привлекают пословицы и поговорки для определения концептуальных признаков в структуре базовых бинарных концептов «жизнь – смерть», «добро – зло», «свой – чужой» [Готовцева, Николаева, Прокопьева, 2017: 21–30], концепта «судьба» [Скрябина, 2019: 226–229]. Обращение авторов статей к концептам продиктовано пониманием того факта, что концепты наиболее ярко объективируются именно в пословицах и поговорках.

В целом в третий период изучения якутских паремий статус пословиц и поговорок уточняется при их сопоставлении с фразеологическими единицами (Борисова; Прокопьева, Николаева).

Отметим, что отличительной особенностью труда Н.В. Емельянова, помимо полноты собранного им пословичного богатства якутского языка, является также довольно строгая выдержанность словаря.

II. Материалы и методы. Материалом исследования послужили паремии из «Сборника якутских пословиц и поговорок» Н.В. Емельянова, выявленные методом сплошной выборки. Применяется компонентный анализ смысловой структуры паремий на основе данных словарей и описательный метод с применением приемов классификации, систематизации и интерпретации языкового материала. Для разграничения паремиологических вариантов и синонимов используется метод семантической идентификации. Механизмы синтаксического распада пословиц и поговорок на словосочетания осуществляется посредством структурно-семантического анализа. Анализ способов перевода единиц проводится с помощью сопоставительного анализа.

III. Результаты. Общее направление сборника – инвентаризация пословиц и поговорок. В сборник Емельянова вошло около 2500 разного типа устойчивых сочетаний слов: пословиц и поговорок, фразеологизмов. Источником послужили рукописные собрания, хранящиеся в архиве Якутского филиала СО АН СССР, а также ранее опубликованные пословицы и поговорки (в том числе собранные им самим из разных ис-

точников 347 пословиц, начиная с 1955–1962 гг.), записи И.А. Худякова (123 пословицы), С.В.Ястремского (225 пословиц), В.Л. Серошевского (около 50 пословиц), А.Е. Кулаковского (около 1070 пословиц и поговорок), словарь Пекарского (около 1500) пословиц, поговорок, алгысов), сборник «Якутский фольклор» [Якутский..., 1936] (182 пословицы и поговорки).

Паремии расположены по тематико-идеогRAFическому принципу; распределены по 8 тематическим группам: 1) Тыл, саҥа-ингэ, сурах-сaдьык, өс хоһооно ‘Слово, молва, пословица и поговорка’; 2) Баай. Дьаданы. Кылаастар сыһыаннаһыылара ‘Богатство. Бедность. Классовые отношения’; 3) Бар-дьон баҕа санаата ‘Народные идеалы’; 4) Киһи, кини майгыта-сигилитэ, дьон куһаҕан өрүттэрэ ‘Человек, его характер, пороки людей’; 5) Олох-дьаһах. Кэргэн ‘Жизнь и быт. Семья’; 6) Саха олобун иннигэр – бөлүһүөк ‘Якут – перед своим очагом философ’; 7) Араас өс хоһоонноро, өс номохторо ‘Разные пословицы и поговорки’; 8) Сэбиэскэй кэмнээби өс хоһоонноро, өс номохторо ‘Пословицы и поговорки советского периода’. Тематические разделы в свою очередь разделены на подгруппы. Например, тематическая группа 3) Бар-дьон баҕа санаата ‘Народные идеалы’ состоит из 11 подгрупп. Такая организация материала делает эффективным поиск нужной пословицы или поговорки. Для удобства пользователя в конце сборника содержится алфавитный указатель по содержанию и смыслу пословиц и поговорок.

Как указывает в предисловии составитель, поскольку многие пословицы многозначны, систематизация по тематическому принципу пословиц и поговорок имеет определенную трудность и носит условный характер. Так, пословица *салан киһиттэн хара тыа маһа ытыыр* ‘от неумелого человека плачут деревья дремучего леса’ говорит о неумехе-плотнике или столяре. Однако, отмечает Н.В. Емельянов, «ограничив смысл пословицы только таким толкованием, мы сузили бы её обобщающее значение. Она говорит о неумелости вообще, о неумелости не только плотника или столяра, но и людей других профессий» [Емельянов, 1965: 10].

Интерес вызывают материалы сборника, в которых содержится описание источников происхождения тех или иных пословиц и поговорок. Составитель отмечает, что якутские посло-

вицы очень древние, многие из них имеют тюркско-монгольские корни. Так, в пословице *хахай бодотугар түспүт* ‘принял львиный облик и нрав’, по определению А.Е. Кулаковского, говорится про старых, обедневших людей, ставших беззастенчивыми в вымогательстве от окружающих, пользуясь для этого бывшей своей славой и почетом [Кулаковский, 1925: 99]. По мнению Н.В. Емельянова, в этой пословице нет образа льва – «царя зверей», по-видимому, в ней сохранилось общее монголо-тюркское значение *гахай* ‘свинья, кабан’ [Сборник..., 1965: 5].

Заслуживает внимания его точка зрения по этимологии выражения *хой баһа тыл*. По определению Е.И. Убрятовой, выражение *хой баһа тыл* ‘пустое слово, чушь’ означало «слово, как голова барана», т.е. *бран.* баранья башка. Н.В. Емельянов склонен считать, что *хой* – это синоним слова *хол*, *кый*, т.е. ‘дальний’ (по словарю Пекарского [Словарь..., 1959: ст. 3439]), и переводит эту поговорку ‘слово, далекое от истины’.

К якутским пословицам составитель приводит параллели из книги Махмуда Кашгарского, например, *куш аласы ташинда, киши аласы ичиндэ* ‘көтөр эриэнэ таһыгар, киһи эриэнэ иһигэр’ – пестрота птицы снаружи, пестрота человека внутри; шорские *am kistes tanyzar, kizi erbektes tanezar* ‘сылгы кистэһэн билсэр, киһи кэпсэтэн билсэр’ – кони узнают друг друга ржанием, люди знакомятся, разговаривая друг с другом [Сборник..., 1965: 5] и др.

Важно отметить, что составитель указывает под каждой пословицей и поговоркой источник, откуда она взята, когда и кем записана.

Материалы сборника являются ценным лингвокультурологическим источником. Особого внимания заслуживают примечания, где можно найти замечания, пояснения не только по тем или иным языковым явлениям, но и по этнографии и фольклору [Сборник..., 1965: 217–227]. Таким образом, материал даст возможность пользователям делать лингвистические и лингвокультурологические комментарии.

Этнокультурный компонент значения можно обнаружить в содержании тех пословиц и поговорок, внутренняя форма которых отражает национально-культурные реалии:

– традиционные формы жизнедеятельности и хозяйствования: *ынабы (обуһу) иккитэ*

сүлүлүбэт ‘с коровы (быка) шкуру дважды не снимают’; бурдук төбөтө астаннабына эрэ ас буолар ‘хлеб становится пищей после перемола и выпечки’ (с. 197); кус түспэтэх уута суох, тиинг ыттыбатах маһа суох ‘нет воды, куда бы не садилась утка, нет дерева, куда бы не поднималась белка’;

– обычай: уот иччитигэр дылы маппакка бараннын ‘подобно духу-хозяину огня, не упускаешь ни одного случая’ (с. 116) – Дух-хозяин – самый почитаемый якутами дух (иччи) огня; Кээлээни ындыта кэлтэгэйдээбитигэр дылы ‘подобно тому, как накренился вьюк Кээлээни’ (с. 185);

– имена собственные: бэс ыйыгар Бээчээн муннун үлүпүтүгэр дылы ‘подобно Бячану, отморожившему себе нос в июне месяце’; сэтгэ кэрэх этиттэн маппыт Тэлээһэйгэ дылы ‘подобно Тэлээсяю, опоздавшему на семь трапез’.

– предметы повседневного быта – одежда: бэрдэ бэргэһэ саба, үтүөтэ үтүлүк саба ‘его смелость с шапку, его добро с рукавицу’ (с. 130); сылгы сыатынан, киһи тангаһынан ‘лошадь жиром, человек одеждой’ (с. 181);

– пища: бэһэ бэттэх, аһа антах ‘сосновые заболони ближе, а пища дальше’ (с. 115) саламааттаан баран хайабын харыстаабыт диэбиккэ дылы ‘сваривши саламат, пожалел хайах (масла), как говорится’ (с. 117);

– посуда: кытыйа кытыйатын кытта кырбаһар, хамыйах хамыйабын кытта хабырыһар ‘миска бьется с миской, ложка сталкивается с ложкой’ (с. 194), чаба чабычах саба ‘его хвастовство с берестяную посудину’ (с. 130);

– орудия труда: сүгэ түһүөр дылы дүлүн сынньанар ‘пока опустится топор, бревно отдыхает’ (с. 198), сүгэ суолун кыптыый суола диэбиккэ дылы ‘подобно тому, как принять следы топора за следы ножниц’ (с. 134).

Как показывают вышеприведенные примеры, в текстах пословиц и поговорок представлена якутская лингвокультура, в их семантике аккумулирован многовековой опыт народа в познании окружающего мира.

В “Сборнике якутских пословиц и поговорок» можно найти интересные сведения по диалектному употреблению тех или иных лексем в составе пословиц и поговорок, их вариантам.

Известная в литературном языке пословица кутуйах иинин кэнэттэ ‘не знать, куда деваться

от страха’ имеет диалектный вариант чыгыракаан иинин кэнэттэ; былырыынны дьирики харабын эриэхсит диэбиккэ дылы ‘подобно сказавшей: «А глазки-то, глазки прошлогдного бурундука»’, дьирики литературный вариант моботой ‘бурундук’ (с. 116); бастын балык мэйиитэ баһылыкка, бастын баалкы үлэһиккэ ‘голова доброй рыбы – хозяину, добрая дубина – работнику’. Мэйиш – диалектизм, использован в значении литературного бас ‘голова’ (с. 219); көрсүө киһи өйө байбал диригин, халлаан үрдүгүн курдук (с. 84). ‘Ум разумного глубок, как море, высок, как небо’. Дается такое пояснение көрсүө – в говоре северных якутов имеет значение ‘умный’ (с. 84). Отметим, что в «Диалектологическом словаре якутского языка» слово көрсүө не зафиксировано. В БТСЯЯ второе значение лексемы көрсүө поясняется как ‘умный, толковый, мудрый’ [БТСЯЯ, 2007: 339], но без стилистической пометы.

В тексте пословиц и поговорок можно обнаружить много устаревших слов, пояснение которых дается в примечаниях: Балыксыт бардам, тот дохсун ‘Рыболов вспылчив, сытый дерзок’. Балыксыт (рыболов) – классовая прослойка дореволюционной якутской бедности [Сборник..., 1965: 219]; хамначчыт харыһыйара эрэ халаабыһа, манаһара эрэ манаагыта ‘хамначчиту беречь лишь свой мешок, стеречь лишь свою ношу’. Хамначчыт – батрак, бедняк, работающий по найму у богачей [Сборник..., 1965: 219].

Исследователи указывают, что вариантность является неотъемлемым свойством языка фольклора [Петров, 1978: 113; Слепцов, 1990: 219–228]. В сборнике нами выявлены фонетические варианты некоторых пословиц и поговорок: Барыһымсах сылдьан манкырыыт буолбукка дылы ‘подобно тому, как, гоняясь за барышем, обанкротиться’ (с. 58) манкырыыт/монкуруут (о ~ а). Саната суох киһи супту кэрсиз аатырар ‘Молчаливый человек всегда слывет за скромного’ (с. 41) кэрсиз /көрсүө (ө ~ э). В примерах наблюдается варьирование неогубленных и огубленных вариантов произношения; ачатын ылларбыт ‘лишился своих тонких кишок (т.е. лишен возможности осуществить какую-нибудь мечту, цель)’ (с. 93), ача/ыча. Варьирование (а ~ ы) в силу соответствия широких и узких гласных.

Во многих пословицах лексические варианты представляют единицы, где взаимозаменяе-

мые компоненты представляют собою тематически родственные слова: *суут атаба (илиитэ) уһун, дьыала сытыйбат* ‘ноги (руки) суда длинные, дело не гниет’ (с. 53) *илии/атах* ‘рука/нога’; *төрөөбүт кулун (торбос) быата суох буолбат, төрөөбүт оҕо суута суох буолбат* ‘родившийся жеребенок (теленек) не бывает без веревки, родившийся ребенок не бывает без пеленок’ (с. 35) *кулун /торбос* ‘жеребенок/теленек’; *эр бэрдэ, элик (элдьигэн) үтүөтэ* ‘молдец из молодцов, удалец из удалцов’ *элик/элдьигэн* ‘молдец/удалец’; *атыыр обус (обус, ынах) тириитин иккитэ сүлбэттэр* ‘с быка (вола, коровы) дважды не сдирают шкуру’ (с. 47) *вол/корова* ‘бык/корова’; *ойуун ойууну көрдөбүнэ, көһүөркүүр (күүркэйэр)* ‘шаман шамана увидит, начинает издеваться’ (с. 58). *көһүөркүүр/күүркэйэр* ‘кичиться/возбуждаться’; позиционные варианты: *танара сэрэби таптыыр* ‘бог любит осмотрительность’ (с. 61), *сэрэби танара таптыыр* ‘осторожность любит бог’ (с. 82); квантитативные варианты: *эһэ кымырдабаастаан сизбитигэр (кымырдабаастаабытыгар) дылы* ‘подобно медведю, лывящему муравьев (такой мелочник)’ (с. 114).

В современном литературном языке отмечаются следующие механизмы вычленения фразеологической единицы из состава пословиц: 1) обособление начальных компонентов: *Былыргыны былыт саппыт, аныгыны айыы айбыт* ‘прошлое покрыто облаками, настоящее создано божествами’ (с. 198). Производная ФЕ *Былыргыны былыт саппыта* ‘давным-давно позабыто (и незачем ворошить)’; былое быльем поросло’ (букв. старое облако скрыло) восходит к пословице [ЯРФС, 2002: 151]; 2) обособление конечных компонентов: *Баай, мэник иккигэ халлаан хабарбатынан, муора тобугунан* ‘богачу да шаловливому небо по горло, море по колено’ (с. 37). Производная ФЕ *халлаан хабарбатынан, муора тобугунан* ‘все нипочем, ничто не страшно; море по колено кому-л.’ [ЯРФС, 2002: 325]; *туос иһиттээххэ топпот, мас иһиттээххэ мангалайа туолбат* ‘из берестяной посуды не насыщается, из деревянной посуды не наполняется его утроба’ (с. 117). Производная ФЕ *мангалайа туолбат* ‘не наедаться, не насыщаться’ [ЯРФС, 2002: 7].

Что касается перевода пословиц и поговорок, то Н.В. Емельянов пишет, что ему не уда-

лось избежать недостатков при переводе, хотя Г.У. Эргис считает переводы точными.

Если значение и употребление пословиц и поговорок в якутском и русском языках совпадают, то по-русски подбирается близкая по семантике пословица или поговорка, которая имеет помету *ср.*: *айыыбын тугу кистизэмий* ‘что греха таить?’ *куһаҕан биккэ дылы* ‘подобно дурной примете’; перевод с помощью словосочетаний: *харчы туһугар хамаба киһи* ‘насчет денег проворный человек’, *танараба мастаммыкка дылы* ‘подобно тому, как грозить небу палкой’.

Широко практикуется комбинирование нескольких способов передачи якутской пословицы: дается описательный перевод, далее в скобках поясняется значение единицы, затем приводится русский эквивалент с пометой *Ср.* (сравни) например, *оруо маһы ортотунан тыллаах* ‘говорит, словно рубит, где попало (т.е. не считается со здравым смыслом)’ (с. 26) *Ср.* русск. ‘наломал дров’; буквальный перевод и русский эквивалент: *таптал харахха баар* ‘любовь живет в глазах’ *Ср.* русск. ‘Любовь начинается с глаз. Глазами влюбляются’ (с. 79). *Танара сэрэби таптыыр* (с. 13) переводится ‘бог любит осмотрительность’ *Ср.* русск. ‘на бога надейся, а сам не плошай’, *сатабыллаах сата баһын холбуур* дословно: ‘умеющий соединяет даже (головы) сата’. *Ср.* русск. ‘Дело мастера боится’; *Туттуонг иннинэ толкуйдаа, кэрдизгэ иннинэ кэмэйдээ* (с. 18). ‘Прежде чем делать, подумай, прежде, чем рубить, отмерь’. *Ср.* русск.: ‘Семь раз отмерь, один раз отрежь’.

С целью более полного раскрытия семантики, наряду с его буквальным переводом разъясняется (обычно в скобках) смысл на русском языке: *Абабыт иһэ сэттэ сириэнэ сииктээх* ‘Живот у попа с семьей швами (т.е. ненасытен)’ (с. 18). *Киһи эриэнэ иһигэр, көтөр эриэнэ таһыгар* ‘У двуногого (человека) пестрота внутри, у птицы пестрота снаружи. *Ср.* русск. ‘Рысь пестра сверху, а человек лукав изнутри’.

Встречаются случаи, когда после поговорки дается помета “непереводима”: *сах быһылаана, өлүү дүбдүргэнэ* непереводима: ‘дьявольская, бедственная суматоха, волнение’ (с. 185), *кэриэ-хэ кэрингиттэн тахсыбат, торуоха тору-нуттан тахсыбат*, непереводима: ‘человек не уходит от окружающей среды’ (с. 92). *Ср.* русск. ‘Яблоко от яблони далеко не упадет’.

Иногда даются параллели из тюркских языков: *киһи эриэнэ иһигэр, көтөр эриэнэ таһыгар* 'пестрота человека внутри его, пестрота птицы - вне ее'; Ср. др. тюрк. куш аласы ташина, киши аласы ичиндэ – Махмуд Кашгарский.

Неразработанность теоретических основ изучения статуса пословиц и поговорок в этот период сказалась в том, что в сборник включено достаточное количество фразеологизмов: *элэ-была тылын эттэ* 'высказал все свои душевные слова (просил так и этак)', *ийэ-аба ырыатын ылатта* 'заставить запеть отцовскую и материнскую песню' (т.е. просить о пощаде), *үтэхэлэрэ туолуоба, үтүгэннэрэ үксүбэ* 'рожон их переполнится, беды (несчастья) их умножатся', *сир түннүгэ* 'окно земли (об очень умном человеке, любящем философские беседы)'; *тиинг мэйии* 'беличья память (т.е. обладает хорошей памятью)', *ис миинэ киһи* 'человек, приятный, как бульон из потрохов', *онголо мэйии* 'память как их кедровки'.

В предисловии к сборнику Н.В. Емельянов отграничивает якутские пословицы и поговорки от других афористических выражений и фразеологизмов народной речи. Так, он считает, что «жанр пословиц якутского народа возник как свод обычаев, правил поведения, как своего рода неписанный закон, отражающий жизненный опыт народа; служит устным кодексом правовых, моральных и религиозных взглядов народа» [Сборник..., 1965: 6].

В пословичный жанр якутского фольклора Н.В. Емельянов включает также

– народные изречения алгыс тыллар – благопожелания: *охтоохтон охтума, саалаахтан самныма* 'не падай перед пускающим стрелы, будь непобедимым перед владеющим луком', *изримэ дьизини тэрин, аал уоту отун* 'обзаведись уютным домом, разведи негасимый огонь';

– присловья о местностях, реках, отдельных якутских родах: *Бүтэй Бүлүү эбэ хотун, Бөрө саба соргулаах Бөрө бөтүгнэр* 'Волки-бетюныцы с волчьей удачей';

– условные приговорки, встречающиеся в фольклоре: *Былыргы дьыл мындаатыгар, урукку дьыл уорбатыгар* 'На хребте старинных годов, на спине прошлых лет' (т.е. давным-давно, в древности);

– үгэ-хоһоон, күлүү-элэк тыллар – побасенки-прибаутки: *Кукаакы кулубалаах, киргил кинээ-*

стээх, суор суруксуттаах, чаччыгыныар чаччы-ыналаах 'Имеющий в качестве головы сойку, в качестве князца – черного дятла, в качестве писаря – ворона, в качестве старшины – дрозда'.

– билгэлэр – приметы, которые сложились на основе трудового опыта людей и наблюдений над явлениями природы и жизнью животных.

Все эти разновидности народных изречений (пословицы, поговорки, благопожелания, присловья, условные приговорки) объединяют общие признаки: меткость, краткость, образность, ритмическая организация, трудовая основа происхождения, изменчивость смысла в связи с историческим развитием человеческого общества [Сборник..., 1965: 8].

«Сборник якутских пословиц и поговорок», составленный Н.В. Емельяновым, является самым полным, систематизированным изданием, в котором представлен богатый языковой, фольклорный материал, и представляет собой большую ценность с научной точки зрения.

IV. Обсуждение. В последнее время отмечается особый интерес исследователей к составлению сборников, включающих паремии разных народов. Считаем, что этот путь для якутской паремиологии является бесспорно плодотворным и перспективным.

Обзор работ концептов на материале пословичных и поговорочных текстов показывает состоятельность концептуального анализа в выявлении этнокультурного своеобразия концептосферы народа саха и имеет перспективу для дальнейшего развития.

Ждут своего разрешения такие аспекты исследования, как жанровый статус якутских пословиц и поговорок, актуализация пословицы в дискурсе; способы и средства деривации; лингвокультурологический, лингвоаксиологический сопоставительный анализ паремий якутского языка с родственными тюркскими и контактирующим русским языком и т.д.

V. Заключение. Архивные материалы по фольклору, словари различного типа, фразеологические словари якутского языка, выпуски сборников пословиц и поговорок способствовали накоплению паремиологического материала, его первоначальной инвентаризации и систематизации.

В ходе исследования выделено 3 периода в изучении якутских пословиц и поговорок, крат-

кий обзор которых показывает, что ученые справедливо выступают за комплексный подход к исследованию якутских пословиц и поговорок. Для современной лингвофольклористики актуальным остается вопрос о месте паремий среди других устойчивых сочетаний слов и в общей системе языка.

Особый интерес в обсуждаемом «Сборнике якутских пословиц и поговорок» известного якутского фольклориста Н.В. Емельянова вызывает лексический состав пословиц и поговорок, поскольку в них представлен богатый языковой материал, который имеет большую ценность с научной точки зрения. Автор разделил паремии, исходя из тематико-идеографического принципа, на 8 тематических групп. В составе пословиц и поговорок Н.В. Емельянов выявил некоторые диалектные формы литературных лексем, выделил фонетические, лексические, позиционные, количественные варианты некоторых пословиц и поговорок. Заслуживают внимания выделенные устаревшие слова в составе паремий, которые содержат дополнительные сведения о социально-экономических отношениях в общественной жизни якутов.

На основе анализа семантики и структуры пословиц и поговорок проанализированы механизмы их синтаксического распада на словосочетания. Так, распад паремий на словосочетания осуществляется в результате 1) обособления начальных компонентов; 2) обособления конечных компонентов.

Для передачи семантики пословиц и поговорок составитель прибегает к различным способам перевода на русский язык: перевод с помощью эквивалента, описательный перевод (посредством свободных словосочетаний), комбинированный способ передачи значения.

В целом анализ языка якутских пословиц и поговорок, предпринятый Н.В. Емельяновым, оказался чрезвычайно плодотворным и находится в русле общих тенденций развития лингвофольклористики. В сборнике разработаны основные принципы и пути изучения языка пословиц и поговорок, которые не только представляют собой неоценимое богатство в словарном отношении, но и демонстрируют многовековой опыт народа в познании окружающего мира.

Список сокращений:

бран. – бранное слово
букв. – буквально
диал. – диалектное слово
др. тюрк. – древне-тюркское
ср. – сравни
русс. – русское

Список литературы:

- Антонов Н.К. Саха билингги тылын лексиката. Якутск: Якутское кн. изд-во. 1967. 102 с.
- Афанасьев П.С. Лексикология якутского языка. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1977. 76 с.
- Борисова И.З. Образ родственников в пословичной картине мира (на примере русского, якутского языков) // Вестник Воронежского университета. 2017. № 2. С. 11-13.
- Борисова И.З. Сравнительно-сопоставительный анализ пословиц с компонентом «голова», «рука», «нога» // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2015. № 4-2. С. 111-119.
- Борисова Л.П. Лингвокогнитивный аспект исследования паремиологических единиц (на материале пословиц и поговорок якутского языка и их эквивалентов): Дисс. ... канд. филол. н. М., 1999. 208 с.
- Верхоянский сборник. Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И.А. Худяковым // Записки Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества по этнографии. Иркутск, 1890. Т. 1. Вып. 3. С. 1-10.
- Габышева Л.Л. Слово в контексте мифопоэтической картины мира (на материале языка и культуры якутов): Автореф. дис.... д-ра филол. н. М., 2003. 48 с.
- Габышева Л.Л. Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти. Новосибирск: Наука, 2009. 143 с.
- Габышева Л.Л. Семантические и структурное сходство якутских паремий // Поэтика эпического повествования. Якутск, 1993. С. 118-122.
- Готовцева Л.М., Николаева Т.Н., Прокопьева А.К. Базовые бинарные концепты как фрагменты языковой картины мира якутов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. № 3 (17). С. 21-30.
- Емельянов Н.В. Якутские пословицы и поговорки. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1962. 96 с.
- Кулаковский А.Е. Якутские пословицы и поговорки. Сб. трудов исследовательского общества «Саха кэскилэ». Якутск, 1925. Вып. 2. 121 с.
- Кулаковский А.Е. Научные труды. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1979. 484 с.

Кулаковский А.Е. Якутские пословицы и поговорки. Якутск, 1945. 100 с.

Нелунов А.Г. Глагольная фразеология якутского языка. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1981. 128 с.

Никифоров В.М. Историческая основа пословиц и поговорок народа саха // Якутия и Россия: 360 лет совместной жизни. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1994. С. 94-101.

Николаева Т.Н. Точка зрения на объем фразеологии (на материале немецкого и якутского языков) // Материалы междунар. научно-практического семинара «Россия и Европа: как подобрать слова». Томск, 2009. С. 95-100.

Николаева Т.Н., Готовцева Л.М. Пути пополнения фразеологического фонда якутского языка // Системные изменения в языках России / Тезисы докладов междунар. науч. конф. Института лингвистических исследований [Отв. ред. Е.В. Головкин]. 2014. С. 53-56.

Образцы народной литературы якутов, собранные И.А. Худяковым. Петроград, 1918. Вып. 2. Ч. 1. С. 191-197.

Ойоткинова Н.Р. Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров: монография [Отв. ред. О.Н. Лагута]. Новосибирск, 2012. 354 с.

Петров Н.Е. Стиховая форма олонхо – источник устойчивости и богатства дореволюционного якутского языка // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока. Материалы всесоюз. конф. фольклористов. Якутск, 1978. С.117.

Прокопьева С.М., Николаева Т.Н. Образная паремология во фразеологической картине мира (на материале «Якутских пословиц и поговорок» А.Е. Кулаковского) // А.Е. Кулаковский в контексте историко-культурного развития в XX веке. Якутск: Изд-во СО РАН, 2004. 320 с.

Сборник якутских пословиц и поговорок [Сост. Н.В. Емельянов]. Якутск: Якуткнигоиздат, 1965. 246 с.

Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования [Под ред. Н.И. Веселовского]. СПб.: Рус. геогр. о-во, 1896. Т. I. 168 с.

Скрябина А.А. Национально-специфическое содержание концепта дьылҕа судьба в языковой картине мира народа саха // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Т.12. №2. Вып. 2. С. 226-229.

Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенациональных норм. Новосибирск: Наука, 1990. 275 с.

Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1969. 439 с.

Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974. 402 с.

Якутский фольклор [Тексты и переводы А.А. Попова]. М.-Л.: Сов. писатель, 1936. 319 с.

Ястремский С.В. Грамматика якутского языка [Под ред. Э.К. Пекарского] // Труды якутской экспедиции, снаряженной на средства И.М. Сибирякова. Иркутск, 1900. Отд. II. Т. II. Ч. 2. Вып. 2. С. 273-281.

Словари:

БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка / под общ. ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2007. Т.4. 672 с.

Григорьев Н.С. Саха тылын сомоҕо домоҕун тылдьыта. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1974. 127 с.

Словарь якутского языка [Сост. Э.К. Пекарский]. Т. I- III, Вып. 1-13. СПб.-Л.: Изд. АН, 1907-1930; Изд. II, 1958-1959.

ЯФРС – Якутско-русский фразеологический словарь [Сост. А.Г. Нелунов]. Новосибирск, 1998. Т.1: 2002. Т.2: 2002.

Reference:

Afanas'ev P.S. *Leksikologiya yakutskogo yazyka* [Lexicology of the Yakut language]. Yakutsk: Book Publ., 1977. 76 p. (In Russian)

Antonov N.K. Saha bilinni tylyn leksikata. Yakutsk, 1967. 102 p. (In Russian)

Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka [Big explanatory dictionary of the Yakut language] / pod obshh. red. P. A. Slepceva. Novosibirsk: Nauka, 2007. T.4. 672 s. (In Russian)

Borisova I.Z. Obraz rodstvennikov v poslovichnoj kartine mira (na primere russkogo, jakutskogo jazykov) [The image of relatives in the proverbial picture of the world (on the example of Russian, Yakut languages)]. *Vestnik Voronezhskogo universiteta* [Voronezh University Bulletin]. 2017. № 2. Pp. 11-13. (In Russian)

Borisova I.Z. Sravnitel'no-sopostavitel'nyj analiz poslovic s komponentom "golova", "ruka", "noga" [Comparative analysis of proverbs with the components "head", "hand", "leg"]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istorija i filologija* [Journal of the Udmurt University. Series History and Philology]. 2015. № 4-2. Pp. 111-119. (In Russian)

Borisova L.P. *Lingvokognitivnyj aspekt issledovanija paremiologicheskix edinic (na materiale poslovic i pogovorok jakutskogo jazyka i ih jekvivalentov): Diss. ... kand. filol. Nauk* [Linguo-cognitive aspect of the study of paremiological units (based on proverbs and sayings of the Yakut language and their equivalents): Diss. ... Cand. philol. Sciences]. Moscow, 1999. Pp. 208. (In Russian)

- Emel'janov N.V. *Jakutskie poslovice i pogovorki* [Yakut proverbs and sayings]. Yakutsk, 1962. 96 p. (In Russian)
- Gabysheva L.L. *Fol'klornyj tekst: semioticheskie mehanizmy ustnoj pamjati* [Folklore text: semiotic mechanisms of oral memory]. Novosibirsk: Science Publ., 2009. 143 p. (In Russian)
- Gabysheva L.L. *Slovo v kontekste mifopojeticheskoj kartiny mira (na materiale jazyka i kul'tury jakutov): Avtoref. ... dokt. filol. nauk* [The word in the context of the mythopoetic picture of the world (based on the language and culture of the Yakuts): Author's abstract. ... doct. philol. sciences]. Moscow, 2003. 48 p. (In Russian)
- Gabysheva L.L. Semanticheskie i strukturnoe shodstvo jakutskih paremij [Semantic and structural similarity of the Yakut paremias]. *Pojetika jepicheskogo povestvovanija* [Poetics of epic narration]. Yakutsk, 1993. Pp. 118-122. (In Russian)
- Gotovceva L.M., Nikolaeva T.N., Prokop'eva A.K. Bazovye binarnye koncepty kak fragmenty jazykovoj kartiny mira jakutov [Basic binary concepts as fragments of the Yakut linguistic picture of the world]. *Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij* [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research]. 2017. № 3(17). Pp. 21-30. (In Russian)
- Grigor'ev N.S. *Saha tylyn somoŝo domoŝun tyld'yta* [Dictionary of phraseological units of the Yakut language]. Yakutsk, 1974. 127 p. (In Yakut)
- Hudjakov I.A. *Kratkoe opisanie Verhojanskogo okruga* [Brief description of the Verkhoyansk District]. Leningrad: Science Publ., 1969. 439 p. (In Russian)
- Jakutskij fol'klor. Teksty i perevody A.A. Popova* [Yakut folklore. Texts and translations by A.A. Popova]. Moscow-Leningrad: Soviet writer Publ., 1936. 319 p. (In Russian)
- Jakutsko-russkij frazeologicheskij slovar'. Sostavitel' A.G. Nelunov* [Yakut-Russian phraseological dictionary. Compiled by A.G. Nelunov]. Novosibirsk, 1998. Volume 1: 2002. Volume 1: 2002. (In Russian)
- Jastremskij S.V. Grammatika jakutskogo jazyka. Pod redaktsiej Je.K. Pekarskogo [Grammar of the Yakut language. Edited by E.K. Pekarsky.]. *Trudy jakutskoj jekspedicii, snarjazhennoj na sredstva I.M. Sibirjakova* [Proceedings of the Yakut expedition equipped with funds from I.M. Sibirjakov.]. Irkutsk, 1900. Compartment 2 II. Volume II. Part 2. Issue 2. Pp. 273-281. (In Russian)
- Jergis G.U. *Očerki po jakutskomu fol'kloru* [Essays on Yakut folklore]. Science Publ., 1974. 402 p.
- Kulakovskij A.E. *Jakutskie poslovice i pogovorki. Sbornik trudov issledovatel'skogo obshhestva "Saha kjeskilje"* [Yakut proverbs and sayings. Proceedings of the research society "Sakha Keskile"]. Yakutsk, 1925. Release 2. 121 p. (In Russian)
- Kulakovskij A.E. *Jakutskie poslovice i pogovorki* [Yakut proverbs and sayings]. Yakutsk, 1945. 100 p. (In Russian)
- Kulakovskij A.E. *Nauchnye trudy* [Scientific works]. Yakutsk, 1979. 484 p. (In Russian)
- Nelunov A.G. *Glгол'наја фразеологія якутскаго јазыка* [Verb phraseology of the Yakut language]. Yakutsk, 1981. 128 p. (In Russian)
- Nikiforov V.M. Istoricheskaja osnova poslovic i pogovorok naroda saha [The historical basis of the proverbs and sayings of the Sakha people]. *Jakutija i Rossiya: 360 let sovместной жизни* [Yakutia and Russia: 360 years of marriage]. Yakutsk: Yakutsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1994. Pp. 94-101. (In Russian)
- Nikolaeva T.N. Tochka zreniya na ob'em frazeologii (na materiale nemetskogo i jakutskogo yazykov) [Point of view on the volume of phraseology (based on the material of the German and Yakut languages)]. *Materialy Mezhdunar. nauchno-prakticheskogo seminar "Rossija i Evropa: kak podbrat'slova"* [Materials of the international. scientific-practical seminar "Russia and Europe: how to choose the words"]. Tomsk, 2009. Pp. 95-100. (In Russian)
- Nikolaeva T.N., Gotovceva L.M. Puti popolnenija frazeologicheskogo fonda jakutskogo jazyka [Ways to replenish the phraseological fund of the Yakut language]. *Sistemnye izmenenija v jazykah Rossii: Tezisy dokladov mezhdunar. nauch. konf. Institut lingvisticheskikh issledovanij. Otvetstvennyj redaktor E.V. Golovko* [Systemic changes in the languages of Russia: Abstracts of international reports. scientific. conf. Institute for Linguistic Research. Executive editor E.V. Golovko]. 2014. Pp. 53-56. (In Russian)
- Obrazcy narodnoj literatury jakutov, sobrannye I.A. Hudjakovym* [Samples of the Yakut folk literature, collected by I.A. Khudyakov]. Petrograd, 1918. Release 2. Part 1. Pp. 191-197. (In Russian)
- Ojnotkinova N.R. *Altajskie poslovice i pogovorki: pojetika i pragmatika zhanrov: monografija. Otvetstvennyj redaktor O.N. Laguta* [Altai proverbs and sayings: poetics and pragmatics of genres: monograph. Responsible editor O.N. Laguta]. Novosibirsk, 2012. 354 p. (In Russian)
- Petrov N.E. Stihovaja forma olonho – istochnik ustojchivosti i bogatstva dorevoljucionnogo jakutskogo jazyka [The verse form of Olonkho is a source of stability and wealth of the pre-revolutionary Yakut language]. *Jepicheskoe tvorčestvo narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka. Materialy Vsesojuz. konf. fol'kloristov* [Epic creativity of the peoples of Siberia and the Far East. Materials of the All-Union. conf. folklorists]. Yakutsk, 1978. Pp.117. (In Russian)
- Prokop'eva S.M., Nikolaeva T.N. Obraznaja paremiologija vo frazeologicheskoi kartine mira (na materiale

“Jakutskih poslovic i pogovorok” A.E.Kulakovskogo [Figurative paremiology in the phraseological picture of the world (based on “Yakut proverbs and sayings” by A.E. Kulakovsky). *A.E.Kulakovskij v kontekste istoriko-kul’turnogo razvitija v XX veke* [A.E. Kulakovsky in the context of historical and cultural development in the twentieth century]. Yakutsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2004. 320 p. (In Russian)

Sbornik jakutskih poslovic i pogovorok. Sostavitel’ N.V. Emel’janov [Collection of Yakut proverbs and sayings. Compiled by N.V. Emel’janov]. Yakutsk, 1965. 246 p. (In Russian)

Seroshevskij V.L. *Jakuty. Opyt jetnograficheskogo issledovanija. Pod redaktsiej N.I. Veselovskogo* [Yakuts. The experience of ethnographic research. Edited by N.I. Veselovsky]. St. Petersburg: Russian Geographical Society ed., 1896. Volume 1. 168 p. (In Russian)

Skrjabina A.A. Nacional’no-spezificheskoe sodержanie koncepta d’yl’ha sud’ba v jazykovej kartine mira naroda saha [Nationally specific content of the concept dyl’ha fate in the linguistic picture of the world of the Sakha people]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and

practice]. Tambov: Gramota Publ., 2019. Volume 12. №2. Release 2. Pp. 226-229. (In Russian)

Slepcov P.A. *Jakutskij literaturnyj jazyk. Formirovanie i razvitie obshhenacional’nyh norm* [Yakut literary language. Formation and development of national norms]. Novosibirsk: Science Publ., 1990. 275 p. (In Russian)

Slovar’ jakutskogo jazyka. Sostavitel’ Je. K. Pekarskim [Dictionary of the Yakut language. Compiled by E. K. Pekarsky], Volume 1 – Sh. Release 1 – 13. Saint Petersburg – Leningrad: Publication of the Academy of Sciences – 1907-1930; Publication II – 1958-1959. (In Russian)

Verhojanskij sbornik. *Jakutskie skazki, pesni, zagadki i poslovicy, a takzhe russkie skazki i pesni, zapisannye v Verhojanskom okruge I.A. Hudjakovym* [Verkhoyansk collection. Yakut fairy tales, songs, riddles and proverbs, as well as Russian fairy tales and songs recorded in the Verkhoyansk district by I.A. Khudyakov]. Zapiski Vostochno-Sibirskogo otdela Russkogo Geograficheskogo obshhestva po jetnografii [Notes of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society for Ethnography]. Irkutsk, 1890. Volume 1. Release 3. Pp. 1-10. (In Russian)

L.M. Gotovtseva

“Collection of Yakut Proverbs and Sayings” by N.V. Emel’yanov: Features of the Structuring of Language Material

Scientific novelty. The current state of the study of Yakut proverbs and sayings is considered, their periodization is carried out, and possible ways of its development are outlined. Of particular interest is the lexical composition of proverbs and sayings, since they contain rich linguistic and folklore material and are of great value from a scientific point of view. The article is devoted to the “Collection of Yakut Proverbs and Sayings”, the first complete, systematized edition (Yakutsk, 1965; compiled by N.V. Emel’yanov), which until now has not been the object of special consideration. *The aim of the study* is that on the basis of the linguistic material of the “Collection of Yakut Proverbs and Sayings” by N.V. Emel’yanov to identify and describe the structural and semantic features of the Yakut paremias. To achieve the aim of the research, the following *tasks* were set: to give a general description of the state of the study of Yakut proverbs and sayings in the linguistic aspect and outline possible ways of its development; to analyze the content of the linguistic material presented in the collection: dialect words, types of variants in the composition of proverbs and sayings; describe paremias as sources of replenishment of the phraseological fund of the Yakut language; to determine the ways of translating paremias into Russian; to qualify the material of the collection as linguistic and cultural sources. *Research methods.* A component analysis of the semantic structure of paremias based on dictionaries and a descriptive method based on their semantization are used. To distinguish between paremiological variants and synonyms, the method of semantic identification is used. The analysis of methods of converting units is carried out using a comparative analysis. *Results.* A review of works on paremia showed that folklorists and linguists are making attempts to determine the place of paremia in the composition of other stable word combinations and in the general system of the language. As part of proverbs and sayings, interesting information was found on the dialectal use of certain units, their variants, and archaisms. The disintegration of paremias into phrases is carried out as a result of: 1) separation of the initial components; 2) isolation of the final components. The methods of translating paremias into Russian in general are as follows:

selection of an equivalent from the arsenal of the Russian language; translation using phrases; combining several ways of transmitting the Yakut proverb.

In the texts of proverbs and sayings, the Yakut linguoculture is presented, in the semantics of which the centuries-old experience of the people in the knowledge of the surrounding world is accumulated.

Keywords: proverb, saying, collection of proverbs and sayings, paremiological source, systematization, linguistic picture of the world

Н.М. Борисова

DOI: 10.25693/SVGV.2021.35.2.005

УДК 811.512.157'373.46

Специфика закономерностей образования общественно-политической терминологической лексики в сахаязычных газетах

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в якутском терминоведении предпринята попытка осмыслить и систематизировать способы образования общественно-политической терминологической лексики (ОПТЛ) в языке сахаязычной периодической печати. Выбранная тема обосновывается тем, что сегодня способы образования новой ОПТЛ в сахаязычной прессе требуют особого внимания, так как ОПТЛ в языке газеты характеризуется постоянным изменением, обновлением слов-терминов и терминологических словосочетаний, а расширение ее состава способствует точному и однозначному пониманию.

Целью статьи является выявление специфики закономерности образования якутской ОПТЛ в газетах. *Задачи:* дать краткий анализ истории изучения якутской ОПТЛ, на материале сахаязычных газет проанализировать сужение и расширение терминологизации ОПТЛ, выявить способы образования якутской ОПТЛ в газетах, определить способы передачи заимствованной ОПТЛ.

Материалом анализа послужила общественно-политическая терминологическая лексика, использованная в сахаязычных газетах в период 2015–2019 гг. Изучение языкового материала осуществляется в контексте лингвистических *методов* анализа текста и лексических единиц. Наряду с описательным методом, используются элементы контент-анализа, которые позволяют сравнить способы передачи заимствований ОПТЛ в языке газеты.

Результаты. Важным теоретическим результатом исследования является то, что оно развивает существующие способы образования и приемы передачи заимствованной ОПТЛ, которые характеризуют специфику закономерностей ее образования в языке газеты. Выделены такие способы образования ОПТЛ, как терминологизация, терминообразование и терминозаимствование. Пересечение и взаимодействие этих трех специфических способов дает основание рассматривать их в качестве закономерностей образования ОПТЛ.

Ключевые слова: общественно-политическая терминологическая лексика, терминологизация, терминообразование, терминозаимствование, слова-термины, терминологическое словосочетание, сахаязычная газета

I. Введение. Изучение общественно-политической терминологической лексики на материале языка газеты играет немаловажную роль в развитии литературного языка народа саха. ОПТЛ характеризуется постоянным обновлением и расширением состава слов-терминов и терминологических словосочетаний, что обуславливает необходимость их точного, однозначного пере-

вода. Этим обуславливается потребность в анализе ОПТЛ, так как имеющиеся по данной проблеме работы преследуют в основном цель теоретической разработки, не направлены на решение прикладных задач.

Данная статья посвящена способам и основным закономерностям образования ОПТЛ сахаязычных газет за период 2015–2019 гг. Целью

исследования является выявление особенностей способов образования якутской ОПТЛ в газетах и их закономерностей. Задачи: дать краткий анализ истории изучения якутской ОПТЛ, на материале сахаязычных газет проанализировать сужение и расширение терминологизации ОПТЛ, выявить способы образования якутской ОПТЛ в газетах, определить способы передачи заимствованной ОПТЛ.

Теоретической основой исследования послужили классические и современные труды специалистов в области терминологии языка.

Начало исследований в области русской терминологии было положено в первой работе Д.С. Лотте «Очередные задачи технической терминологии» [Лотте, 1931], которая вышла в 1931 г. Немногим позже появились труды, основанные на работах В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, В.П. Даниленко, В.М. Лейчика, Д.С. Лотте, А.А. Реформатского и других. Они стали почвой для создания российской терминологической школы. В последующие годы К.Л. Авербух, Т.Л. Канделаки, Б.Н. Головин, А.С. Герд, П.А. Капанадзе, В.М. Лейчик, А.И. Моисеев, В.Н. Прохорова, В.П. Даниленко, А.В. Суперанская, С.Е. Никитина и др. интенсивно продолжали свои исследования по разным вопросам терминологии. Бурный рост лингвистических изысканий и высокий интерес к политической коммуникации во второй половине XX в. привели к выделению ее профессором А. Бурхардом в отдельную научную дисциплину, получившую название «политолингвистика» [Катаева, 2009: 1].

В настоящее время начался новый этап терминологической проблематики. Как пишет С.А. Маник: «В новом тысячелетии появляются новые лексикографические формы и проекты, позволяющие детализировать лингвистическую информацию об описываемом общественно-политическом термине, проиллюстрировать особенности его употребления, а также обновлять и актуализировать данные в корпусе» [Маник, 2018: 197].

В якутском языкознании «первоначальная фиксация в письменных источниках якутских слов в терминологическом значении относится к середине XIX века, когда началась работа по изданию элементарных учебных пособий, практических грамматик и словарей» [Быганова,

2007]. Новый виток в развитии якутского языка начался после революционных событий 1917 г. Характерной чертой этого периода является стремление авторов максимально использовать терминообразующие способы родного языка для обозначения новых понятий, связанных с коренными преобразованиями, которые на тот момент происходили в жизни общества. Таким образом, в период 1920-30 гг. разрабатывались термины первой необходимости, в этом непосредственное участие принимали известные деятели культурно-языкового строительства П.А. Слепцов-Ойунский, А.Е. Кулаковский-Өксөкүлээх Өлөксөй, А.А. Иванов-Күндэ, Г.В. Баишев-Алтан Сарын и другие.

Вторая половина XX в. ознаменовалась изданием различных словарей якутского языка, в том числе в 1955 г. был издан первый краткий терминологический словарь якутского языка [Саха..., 1955]. Демократические изменения постсоветского периода стали по-новому влиять на формирование и развитие терминологии языка саха. Замечания и характеристики терминологии появляются в работах П.С. Афанасьева, Н.К. Антонова, П.А. Слепцова, Л.А. Афанасьева и др.

В 1995 г. по терминологии якутского языка была написана работа на тему «Якутская терминология (этапы формирования и становления)» [Быганова, 1996]. В 2005 г. Е.И. Оконешиников защитил докторскую диссертацию на тему «Лингвистические аспекты терминологии якутского языка» [Оконешиников, 2005]. Вслед за ней в 2013 г. были защищены две кандидатские диссертации: А.С. Акимовой «Способы образования якутской общественно-политической терминологической лексики (на материале словарей и периодической печати)» [Акимова, 2013] и Ю.М. Борисовой «Методы формирования якутского общественно-политического терминологического словаря» [Борисова, 2013].

Вопросы применения терминологии в языке газеты начали освещаться в 1970-80-е гг. в исследованиях З.В. Соловьевой, В.С. Тереховой, Н.П. Кириленко, О.И. Ревуцкого и др. Позже, в 2006 г., появилось исследование Ци Ванчжи «Термины в языке газеты» [Ци Ванчжи, 2006], которое было посвящено проблемам функционирования терминов в языке газетной публицистики.

Тем не менее эти работы не в полной мере охватывают вопросы изучения функционирования ОПТЛ в языке газеты, особенно практическое осмысление ее образования. Что касается термина «общественно-политическая терминологическая лексика» и его аббревиатуры, то придерживаемся мнения А.С. Акимовой: «ОПТЛ – это часть терминологии, которая включает в себя названия тех понятий и явлений политической, социальной, экономической, мировоззренчески-философской сфер жизни общества, которые на определенное время становятся социально значимыми и активно обсуждаются политическими и общественными деятелями в СМИ... Состав ОПТЛ неоднороден и включает в себя политическую, правовую, экономическую, общественную и религиозную лексику» [Акимова, 2013: 8].

Образование терминов, по мнению В.П. Даниленко, в разное время характеризовалось использованием различных словообразовательных элементов [Даниленко, 1977: 89–90]. В частности, регулярность (однотипность) их образования является одной из словообразовательных отличительных черт ОПТЛ в языке газеты. Терминологизация, терминообразование и терминозаимствование для определения специфики закономерностей образования ОПТЛ в языке газеты рассматриваются следующим образом.

1. Терминологизация ОПТЛ путем сужения и расширения значений многозначных слов: а) многозначность ОПТЛ характеризуется расширением значений; б) наблюдается многозначность ОПТЛ с сужением значения, связанного с такими признаками, как предмет и величина, сущности и свойства, явление и величина, явление и процесс, процесс и результат.

2. Возникновение ОПТЛ уникальных образований со специфическими средствами языка-оригинала: а) слова-термины в притяжательной форме; б) слова-термины во множественном числе; в) терминологизация парных слов-терминов; г) авторские неологизмы и окказионизмы.

Автор статьи «Диалектная лексика как ресурс терминологии якутского языка» Е.Р. Николаев на примере одной диалектной единицы проследживает корни ее успешной терминологизации в традиционном занятии якутов – в охоте, в охотничьем промысле. По его мнению, терминологи-

зацию диалектизма *хаалык* ‘лыжная палка’ (*хаалыктаах хаамыы* ‘ходьба с палками – скандинавская ходьба’) можно объяснить экстралингвистическими факторами. Автор выявил, что «диалектологическими источниками являются узколокальные диалектные единицы, преимущественно северо-восточной зоны диалектов языка саха таких, как *хаалык*, *ыбанар*, *сынах*, *эмпэрэ*» [Николаев, 2019: 247].

Действительно, в массмедиа на языке саха в благоприятных условиях в любое время могут возродиться существующие ресурсы материальной и духовной культуры якутского народа. Например, такие термины-новообразования из этнической газеты «Кыым», как *урбаан* ‘предпринимательство’, *урбаанньыт* ‘предприниматель’, *күргэ* ‘мост’, (*Өлүөнэни туоруур күргэ* ‘мост через реку Лена’), *көлө* ‘транспорт’ (*көлө Министирэристибэтэ* ‘Министерство транспорта’), *Уһук Илин* ‘Дальний Восток’, *Аан Илин* ‘Ближний Восток’, *түмэл* ‘музей’, *билим* ‘наука’ и т.д.

Следует отметить, что лексико-семантические процессы, в том числе терминообразование, связаны с национально-специфическими особенностями языка.

3. Происходит процесс универсализации терминообразующих аффиксов ОПТЛ. «В результате взаимопроникновения статических именных (аффиксальных) и динамических глагольных элементов образуются отглагольные существительные-термины. При этом в качестве динамического элемента выступает основа слова, в качестве статистического – терминообразующий аффикс, имеющий свободное функционирование по различным отраслям знаний. Универсализация аффиксов происходит в тех случаях, когда они присоединяются к первичным и производным динамическим глагольным основам» [Оконешников, 2005: 29]:

а) глагольная основа + аффиксы -ыы/-ии /-уу /-үү;

б) глагольная основа + афф. -ааһын/-ээһин/-ооһун/-өөһүн, обозначающие действие или процесс;

в) глагольная основа + аффиксы -ааччы/-ээчи...;

г) глагольная основа + афф. -к/-ык в терминообразовании начинает проявлять особую активность;

д) слова-термины по схеме глагол + аффиксы -л/-лта, обозначающие название предметов и объектов, абстрактные понятия;

е) производная и непроизводная именная основа в сочетании с афф. обладания -лаах.../-даах.../-наах.../-таах...

4. Прослеживаются заимствования ОПТЛ из русского языка и через русский из других языков [Акимова, 2013, Борисова, 2020]: а) эквивалентный перевод ОПТЛ; б) фонетизированное написание ОПТЛ; в) калькирование ОПТЛ; г) смешанное заимствование ОПТЛ.

II. Материалы и методы. В ходе исследования были использованы методы лингвистического наблюдения и анализа основных закономерностей образования ОПТЛ в якутоязычных газетах «Саха Сирэ», «Кыым» и «Туймаада» за период с 2015 по 2019 гг. В исследовании наряду с описательным методом используется элемент контент-анализа.

III. Результаты. В языке саха формирование ОПТЛ происходило в периодической печати, поскольку в период становления Советской вла-

сти переводные тексты, освещающие общественно-политические события, занимали центральное место в газете. С самого начала развития якутской письменности они изобилуют русизмами, а некоторая их часть передается описательным путем. В целом в отношении употребления русизмов «наблюдается следующая общая тенденция: чем ответственнее и значительнее общественно-политическое содержание якутского текста и серьезнее ситуация, обстановка, при которой выпускается работа, тем большее количество русизмов она содержит» [Слепцов, 1975: 17].

Рассмотрим употребление наиболее доминирующей ОПТЛ на страницах якутской периодической печати за 3 периода (табл.).

Данные таблицы позволяют сделать вывод, что на страницах периодической печати в годы войны ОПТЛ заметно пополнялась терминами-русизмами. В 1960-80 гг. на страницах якутской периодической печати также преобладали термины-русизмы. А с 1990-х гг. якутская и заимствованная из русского языка ОПТЛ в газетах

Таблица

Процессы изменения доминирующей ОПТЛ по периодам

Во время Великой Отечественной войны	1960-80 гг.	1990-е гг.
<i>герой, героической, байыаннай бириэмэ, германской империализм, патриот, патриотизм, байыаннай дьыала, гражданнар, гитлеризм, героизм, моральной-политической; моральной-бойобуой качества, турук, информбюро, бүттүүн уопсай воинской эбээһинэс, мобилизация, союзниктар, антигитлеровской коализация, Оборона государственной комитета, агрессия, гуманизм, капитуляция, фашизм, рейхстаг, национал-социализм, антифашистской не сходили со страниц газет и книг</i>	<i>пятилетка, Верховной Совет, Советской Союз, комсомол, Советской былаас (власть), Советской Армия, Советской-партийнай оскуола, социалистической реализм</i>	<i>баһылык 'глава', өйөбүл 'понятие', сизэр-силик 'церемония', дьаһалта 'администрация', хардарыта бииргэ үлэлээһин 'совместный труд', бас билии 'собственность', таска таһаарыы 'экспорт', куттал суох буолуута 'безопасность', сүбэ мунньах 'совещание', аныгы тыын 'современный дух', түмсүү 'союз', көбүлүүр бөлөх 'группа поддержки', хардарыта сыһыаннаһы 'взаимоотношение', ис политической уонна экономической балаһыанньа 'внутриполитическое и экономическое положение', хардарыта эппитинэс 'взаимоответственность'</i>

уравновешиваются, а некоторая часть изменяется в пользу собственных ресурсов.

В качестве объекта использования ОПТЛ в разных газетных жанрах периодики 1990-х гг. были выбраны 30 номеров газет «Саха сирэ» за 1995–1999 гг. Для выявления наиболее употребительной ОПТЛ взяли 9 официальных сообщений, 5 репортажей, 13 заметок, 10 корреспонденций, 4 интервью, 2 очерка и 2 фельетона по 1100–1200 словоупотреблений в каждом. Таким образом, проанализировано 8045 словоупотреблений. Учитывая сравнительно небольшой объем выборки, можно утверждать, что ОПТЛ в обследованной выборке из 30 номеров газет «Саха сирэ» за 1990-е гг. составляет 7,5%. В количественном отношении ОПТЛ больше употребляется в информационных жанрах, в частности, в официальных материалах (3%) [Борисова, 2012: 48].

Кроме того, на 8045 словоупотреблений приходится 177 ОПТЛ, которые дают 605 словоупотреблений (7,52 %) в обследованном материале. Из этих 177 ОПТЛ примерно половина является вполне понятной для любого русскоговорящего читателя, даже совершенно не знающего язык саха, так как эти слова совпадают по форме и значению с соответствующими русскими словами [Там же: 51].

Остановимся подробнее на основных (регулярных) способах образования ОПТЛ сахаязычных газет за период 2015–2019 гг. В частности, рассмотрим терминологизацию, терминообразование и терминозаимствование для определения специфики закономерностей образования ОПТЛ в языке газеты.

1. Терминологизация ОПТЛ путем сужения и расширения значений многозначных слов:

а) многозначность ОПТЛ характеризуется расширением значений:

ПРОТИВНИК 1) ‘утарсааччы’, 2) ‘өстөөх’. Кини утарсааччытыттан куттаммат, бэйэтигэр эрэллээх буолар (Саха сирэ 26.05.2016. С. 19). Дьоппуон камикадзе-лүөччүктэрэ бэйэлэрин ураты турукка киллэрээт – өстөөхтөрүн хараабылларыгар халлаантан дьурулуулара диш (Кыым 06.04.2017. С. 45)

ОСУДИТЬ 1) ‘буруйдаа’, 2) ‘дүүллээ’, 3) ‘сэмэлээ’. Итинник түгэннэргэ Бөтүрүөбүс биһигини бэйэбитин буруйдүүра... (Туймаада 07.07.2016. С. 15). Кини үлэтин, сыыспытын-

таппытын бөбөс дьууллүүр, сыаналыыр ханнык да бырааба суох (Туймаада 07.07.2016. С. 15). МАЗ массыынанан онгорор собуокка сылдьан эмиэ судаарыстыба биэрбит үбүн таба туттубатахтарын сэмэлээбитэ (Туймаада 19.09.2019. С. 5). В этих примерах выступает ОПТЛ со значением процесса и действия;

б) наблюдается многозначность ОПТЛ с сужением значения, связанным с различными признаками:

– предмет и величина:

СИР 1) ‘земля’, 2) ‘страна’, 3) ‘территория’. Холубур, 30 гаа сири ыһарга 450 кг сиэмэ наада (Кыым 16.04.2015. С. 5). Омук сириттэн уһун уонна кылгас болдьохтоох кирэдьииттэри судаарыстыба ылбат буолбута улаханлык обууста (Туймаада 29.08.2019. С. 3). Ол да иһин ыһыллы, санаа түһүүтэ тахсар, устунаан киин сиргэ көһүү барар (Кыым 25.10.2018. С. 11)

– ОПТЛ с признаками сущности и свойства:

ҮГЭС 1) ‘привычка, обыкновение’, 2) ‘традиция, обычай’. Сүүс сүөһүлээх киһиттэн, үгэс курдук, бааһынай буоларга биэс киһи сорунар буолабына, олортон мунутаан иккитэ кыахтаах собуус буолар (Кыым 16.04.2015. С. 5). Онон төрүт үгэспитин тилиннэрэр туһугар элбэх сирдэниэбин, сахабыт сылгытын сайыннарыабын! (Туймаада 11.01.2018. С. 4). Ол саҕана университет араас эйгэбэ үтүө үгэстэрэ үөскээбиттэрэ, систиэмэ олохтоммута (Саха сирэ 11.07.2019. С. 12)

– явление и величина (больше и меньше):

ТҮМСҮҮ 1) ‘сбор’, 2) ‘объединение’. От үлэтин кэмигэр аймах иһигэр түмсүү, үтүө сыһыан, аптыһыы олохтонорун таһынан, оболор үлэбэ үөрэнэллэр, убайдарын-эдьиийдэрин кытта алтыһаллар, олох муударанын баһылыллар (Кыым 29.07.2016. С.34). Маны таһынан, “Ыччат олонхоһут” түмсүү бэрэс-сэдээтэлэ буолар (Саха сирэ 01.11.2017. С. 18)

ОМУК 1) ‘народ’, 2) ‘нация’. Арбаа Европа сайдыылаах омуктарын итэбэллэрэ – католическай уонна протестанскай христианств (Туймаада 09.03.2017. С. 3). Манны мустубут омук ыччатыгар Юрий олонголоон иһитиннэрбитин үгүстэр биһирээтилэр (Саха сирэ 01.11.2017. С. 18)

– явление и процесс:

ТУТУУ 1) ‘имя действия от держать’, 2) ‘строительство’.

Саамай элбэх сүөһүнү, сылгы тутан олорор хаһаайыстыбанан “Бөртө” ХЭУо буолар (Кыым 26.09.2019. С. 19). Өй күүһүн өрө тутуохха (Саха сирэ 10.10.2018. С. 8). Ити түмэл аттынан “Олонхо дойдута» комплексы, Арктика култууратын киинин тутуу былаанналар (Кыым 19.09.2019. С. 4)

– процесс и результат:

КЭПСЭТИИ 1) ‘разговор, беседа’, 2) ‘договор, соглашение’; 2) ‘дебаты’. Кэпсэтиигэ үөрэҕи ситим быһыытынан (сетевое образование) тэрийиши сүрүн мизэстэни ылыаҕа (Кыым 11.08.2016. С. 29). Соторутааҕыта СӨ экэниэмикэҕэ миниистирэ Алексей Стручков суруналыыстарга пресс-конференция биэрэригэр: “Ыам ыйыгар Кытай инвестордарын кытта бу бырайыагы олоххо киллэриини быһаарар кэпсэтии ыытыллыаҕа”, – диэн эппитэ (Саха сирэ 12.05.2016. С. 7). А.Навальнай кыайбата биллэр эрэри, утары көрсөн кэпсэтиигэ (дебат) бүтүн Арасыйыа көрөн олордубуна “куһаҕан чахчылары” аҕалтыан сөбө (Туймаада 11.01.2018. С. 3)

ИРДЭБИЛ 1) ‘положение’, 2) ‘требование, спрос’. Биһиги сокуонунан сүрүннэнэр судаарыстыбаҕа олоробут, куортамнааһынна хайаан да ыйыылар-кэрдишлэр, ирдэбиллэр, нурмалар, тарыыптар, болдьохтор, нолуоктар баар буолуохтаахтар диэн бигэ өйдөбүллээхтин (Туймаада 15.02.2018. С. 15). Саҥа ирдэбилгэ эппиэттэхэр курдук, уларытыы син биир кириэҕэ (Кыым 29.08.2019. С. 5). Манна дьон-сэргэ олорор дьэтин-уотун тупсаҕайдык тутуутуттан саҕалаан, аныгы үйэ ирдэбиллэргэ эппиэттиир социальнай эбийиэктэри тутууну былааннаатыбыт (Саха сирэ 11.07.2019. С. 5).

2. Происходит ОПТЛ уникальных образований со специфическими средствами языка-оригинала.

а) слова-термины в притяжательной форме:

КЫАЙЫЛААҕА ‘победителя’. 1500 м дьахталларга кэлин сылларга өрөспүүбүлүкэҕэ иннин биэрэ илик Уһук Илин кыайылааҕа Ирина Осипова иннигэр өрөспүүбүлүкэ чөмпүйэнтэтигэр Марианна Макарова түһэн, бу дистанцияҕа кыайыыга дураһыйарын итэҕэтиилээхтик көрдөрдө (Саха сирэ 04.07.2019. С. 31)

ОЛОХТООҕО ‘жителя’. Билигин саныыбын, арааһа, биир да Саха сиригэр олохтооҕо утарбата

буолуо, арыый даҕаны ырааҕы көрөр киһи барыта, сөбүлэхэрэ буолуо (Кыым 07.07.2016. С. 15)

ҮӨРЭХТЭЭҕЭ ‘образованного’. Бааһынай (фермер) хаһаайыстыбаларын салайааччыларыттан 583 киһи үрдүк үөрэхтээбиттэн, дьахтара – 215, аграрнай үөрэхтээҕэ – 184, орто анал үөрэхтээҕэ – 486, итинтэн аграрнай хайысхаҕа үөрэммитэ – 126 (Кыым 25.10.2018. С. 11);

б) слова-термины во множественном числе:

УЛАРЫЙЫЛАР ‘перемены’. Доруобуйа харыстабылыгар ыытыллар уларыыйыларга саҥа былаас туруорбуг сорууга – киһиэхэ болҕомтолоох, киһилии үтүө сыһыаннаах мэдиссиинэни тэрийиши (Кыым 19.09.2019. С. 4)

ЫРЫТЫЛАР ‘анализы’. Кини хас быыбар кэнниттэн ырытыылары онгорор, онтон бири эрэ аҕаллым (Туймаада 11.01.2018. С. 3)

БЫҺААРЫЛАР ‘решения’. Кэнниттэн куластанан, илии баттанан, быһаарыылар ыыллаллар (Саха сирэ 10.10.2018. С. 9)

ЫНЫРЫЛАР ‘созывы’. Мин 2-с ынырыыттан саҕалаан бары ынырыылар бастакы мунньахтарыгар сылдыбытым (Саха сирэ 10.10.2018. С. 9)

УЛАРЫТЫЛАР ‘изменения’. Бастакы кыбаартал көрдөрүүтүнэн, бүддьүөт ороскуотугар уларытыылар кириэхтэрэ (Саха сирэ 12.15.2016. С. 7)

ЫЙЫТЫЛАР ‘вопросы’. Эрийсиһээх, байсыылаах ыйытыылар арыый намыраабыттарын кэннэ, атын журналистар кэм арыый боччумнаах ыйытыылары биэрэн бардылар (Туймаада 14.07.2016. С. 5);

в) терминологизация парных слов-терминов:

БААЙ-ДУОЛ – богатство. Баай-дуол нолуогар – уларыыйы эбэтэр нолуок “вычетын” туһунан өссө биһрдэ (Кыым 11.10.2018. С. 9)

ОЛОХ-ДЬАҤАХ. Манньык услуобуйаҕа олох-дьаҥах коммунальнай хаһаайыстыбатын тэрийиши уустуктааҕа (Туймаада .02.07.2015. С. 13)

СИР-УОТ. Хомойуох иһин, ол оттуур сирбит сирэ-уота алдьанан, оттоммот буолан, быраҕыллан турар (Кыым 29.07.2016. С. 34)

ҮП-ХАРЧЫ. Үбүлээһин устудьуон ахсааньттан быһаччы тутулукутаах, онон, бастатан туран, үбү-харчыны ыскайдаабакка, сөпкө туһанар ньыманы тобулуохтаахпыт (Кыым 29.08.2019. С. 5)

БЫҢЫЫ-МАЙГЫ – обстановка. Билигин Донбасска буола турар ынырыктаах быһыы-майгы биир сыл анараа өттүгэр Крымга тах-сыан сөбө (Саха сирэ 17.03.2015. С.5)

ОЛОХ-ДЬАҤАХ – быт, ҮЛЭ-ХАМНАС – де-тельность. Кылаабынайа, тыа дьоно барыта сүөһү тутуохтаах – бу төрүт култуура, олох-дьаҥах, үлэ-хамнас, быһата, омук төрдө-төбөтө буолар (Кыым 16.04.2016. С. 5)

АС-ҮӨЛ – продовольствие. Холобур, норуот туттар табаардарынан, ас-үөл бородуктаты-нан, техническэй бородуктасуулар бэйэ-бэйэни хааччыйар усуллубуйалары тэрийиэхтэрэ (Саха сирэ 17.03.2015. С. 5);

г) авторские неологизмы и окказионализмы:

ТҮМЭЛ ‘музей’. Пресс-киин Киров уулусса-тыгар турар Габышев аатынан түмэлгэ үлэлиэбэ (Кыым 07.07.2015. С. 15)

УҢҮЙААН ‘детсад’. Нэдиэлэбэ түөрт күннэ 10-13 ч. диэри уһуяанна, оскуолаҥа ха-быллыбатах 3-5 саастаах оҕолор дьарыкта-наллар (Кыым 29.08.2019. С. 6)

УРБААННЫЫТ ‘предприниматель’. Манна кыттыбыт нэһиликтэр баһылыктара, бааһынай хаһаайыстыбалар, урбаанньыттар үлэлэрин сайыннарарга элбэҕи биллилэр, ону ин-никитин туһанахтара диэн эрэнэбин (Саха сирэ 11.07.2019. С. 5).

3. Происходит процесс универсализации тер-минообразующих аффиксов ОПТЛ.

а) глагольная основа + аффиксы -ыы/-ии/-уу/-үү:

ЫРЫТЫЫ ‘обозрение’. Суруналыыс ыры-тыыта (Саха сирэ 04.07.2019. С. 31)

БӨДӨҢСҮТҮҮ ‘укрупнение’; ДЬАЙЫЫ ‘действие’. Окуруктарга төһөнөн улахан боло-муочуйаны биэрэллэр да, соччонон бу “бөдөҥсүтүү” дьайыыта улаатан иһиэбэ өйдөнөр (Кыым 25.01.09.2018. С. 5)

ДЬҮҮЛЛЭҢИИ ‘обсуждение’. Үөрэҕи хас биирдии оҕоҕо туһулаан тэрийэр туһугар сүрүн кэнсиэпсийэни, сокуону, үбү-харчыны, тэрээһин үлэтин дьүүллэһии эмиэ барыаҕа (Кыым 11.08.2016. С. 29)

б) глагольная основа + афф. -ааһын/-ээһин/-ооһун/-өөһүн:

КУОЛАСТААҤЫН ‘голосование’. “Биир ньы-гыл Россия” барыллаан куоластааһынын түмүгэ ханнык да түгэннэ оннунан хаалыа диэн тоһоҕо-лоон бэлиэтээбитэ (Саха сирэ 12.05.2016. С. 6)

ҮБҮЛЭЭҢИН ‘финансирование’. Оонньууну ыытыыга үбүлээһин эрэйд суох барда (Кыым 20.04.2017. С. 11);

в) глагольная основа + аффиксы -ааччы/-ээччи:

ТӨРҮТТЭЭЧЧИ ‘основоположник’. Аны ту-ран, “Родина” баартыйа Саха сиригээҕи салаа-тыныччат ортотугар лаппа биллэр “Ураанхай” успуорт-кулдуу биир төрүттээччитэ, эмиэ энэргизтик идэлээх Алексей Лаптев салайар (Кыым 07.07.2016. С. 5)

ААҢААЧЧИ ‘читатель’. Ол иһин, ити кэпсэ-тии кэмигэр киирбит хоруйдарбын ааҥааччыларбытыгар анаан бэчээттибит (Саха сирэ 10.10.2018. С. 9)

САЛАЙААЧЧИ ‘руководитель’. Оччотугар бу биригээдэни тэрийбит салайааччы аҕа ууһун обичинатын баһылыга буола түһэр (Туймаада 09.03.2017. С. 4);

г) глагольная основа + афф. -к/-ык в термино-образовании начинает проявлять особую актив-ность:

СУРУК ‘письмо’. Онон биһиги С.З. Борисов-ка тус бэйэтигэр сүүнэ улахан сиригэн тайаан сытар оройуоннары холбуур хайдах да сатам-матын туһунан сурук суруйбуннун (Кыым 25.10.2018. С. 5)

ТУРУК ‘состояние, стабильное состояние’. Онон кинилэр психофизиологической турукта-рын мөлтөбүн итинэн быһаарыахха сөп (Туй-маада 12.09.2019. С.17). Муниципалитет түөрт хайысханы ыйбыта: дьиэ кэргэн туруктаах бу-олуутун хааччыйыы, бэтэрээннэри, инбэлиит-тэри уонна кинилэр дьиэ кэргэттэрин, эдэр дьону өйөөһүн (Кыым 29.08.2019. С.16)

д) слова-термины по схеме глагол + аффиксы -л / -лта:

– название предметов и объектов:

ДЬАҤАЛТА ‘администрация’. Бу – Дьокуу-скай куорат уокуруктааҕы дьаһалтатын иһинээҕи дьиэ кэргэн салаата СӨ Үлэбэ мини-стиэристикэтэ биллэрбит куонкуруһугар кыт-тан, грант ылан, саҕалаабыт үлэтэ (Кыым 29.08.2019. С. 16)

– абстрактные понятия:

ИТЭҢЭЛ ‘вера’. Итэҥэл көрүгэ биир сиргэ хам хараҕаламат, эмиэ сайдан иһэр (Саха сирэ 28.07.2019. С. 10);

е) производная и непроизводная именная ос-нова в сочетании с афф. обладания -лаах.../-

даах.. /-наах.. /-таах... образуют слова-термины типа:

САБЫЫЛААХ ‘конфиденциальный’. *Сабы-ылаах кабина иһэ “харанга”, ким да онно көрбөт, манаан турбат* (Туймаада 11.01.2018. С. 3)

СИТЭРИИЛЭЭХ ‘исполнительный’. *Бу кэ-тээн көрөр сэбиэккэ боломуочуйалаах федеральной уорган, субъект ситэриилээх былааһын, муниципальной былаас, салайар хампаанньа, атын да судаарыстыбаннай уорганнар бэрэ-стэбииттэллэрэ киририэхтээхтэр* (Саха сирэ 06.03.2015. С. 4);

4. Прослеживаются заимствования ОПТЛ из русского языка, а также через русский – других иноязычных заимствований:

а) эквивалентный перевод ОПТЛ:

ҮП – финансы. *Агаардас Арасыйыа бүддьүтүттэн субъектарга алта сылга сөбүмэр үп – 1 триллион солкуобай көрүлүөхтээх* (Саха сирэ 11.07.2019. С. 5)

ЭРГИЭН – торговля. *СӨ Нэһилиэнньэ дьа-рыктаах буолуутун судаарыстыбаннай кэми-тиэтэ иһитиннэрбитинэн, өрөспүүбүлүкэбэ 2015 сылтан ыла эргизэн, дьону уонна таһаҕаһы тизэйэр-таһар, уопсастыбаннай ас-үөл уо.д.а.эйгэлэргэ ордук омук дьоно үлэлииллэрэ улааппыт* (Кыым 13.04.2017. С. 11)

МӨККҮӨР – дискуссия. *Кини наукаҕа үктэнэр кэмигэр, мөккүөр бөбөтө мөнгүрээн турара* (Туймаада 13.10.2016)

СИТИҦИИ – достижение. *Ректор биир ситиһиитэ – истипиэндыйэ кээмэйин үрдэтии* (Саха сирэ 11.07.2019. С. 12);

б) фонетизированное написание ОПТЛ:

БЫЫБАР ‘выбор’. *Билигин быыбар буолла да куомуннаһы-чабардаһы көстүүлэрэ тах-саллар, ол эмиэ орунаах* (Туймаада 11.01.2018. С. 4)

НОРУОТ ‘народ’. *Белоруссияҕа сүрүннээн биир итэҕэл, православнай итэҕэл баара нору-от ыһыллытын туппута* (Туймаада N476 19.09.2019. С. 5)

БЭРЭСИДЬИЭН ‘президент’, БЫРАБЫЫ-ТАЛЫСТЫБА ‘правительство’, БЭРЭССЭДЭ-ЭТЭЛ ‘председатель’. *Дойду бириэсидьинэ Владимир Путин соруудаһынан Арасыйыа бы-рабыыталыстыбатын бэрэссэдээтэлэ Дми-трий Медведев ыам ыйын 31 күнүгэр 696 №-дээх уураахха илии баттаата* (Саха сирэ 11.07.2019. С. 5)

КҮБҮРҮНЭЭТЭР ‘губернатор’. *күбүрү-нээтэр. Маныха майгынныыр ыйаабы 2016 сыллаахха Новосибирскай уобалас күбүрү-нээтэрэ Владимир Городецкай таһааран турар* (Кыым 13.04.2017. С.11);

в) калькирование ОПТЛ:

СИРИ БАС БИЛЭЭЧЧИ ‘собственник на землю’. *Ол кэнниттэн декларация туттарбыт сири бас билээччигэ эбэтэр интэриэстээх си-рэйгэ кадастровай сыананы онгоорууга бэрилли-бит сибидиэнньэ киирбитин-киирбэтэбин туһунан уведомление ытталлар* (Кыым 11.10.2018. С. 9)

БИИРДИИЛЭЭН УРБААННЬЫТ ‘индиви-дуальный предприниматель’. *Дохуоту, ороскуо-ту уонна хаһаайыстыбаннай дьайыылары учу-оттуур кинигэттэн выпуска (биирдиилээн ур-баанньыттарган ирдэнэр)* (Кыым 11.10.2018. С. 9)

ОЛОХ ТАҦЫМА ‘уровень жизни’. *Маныха, биллэн туран, күннээҕи олох таһыма, сүөһү ши-тиитин уопсай култуурата кырата суох оруоллаабын эттилэр* (Саха сирэ, 05.12.18. С. 19)

ОҦОРОН ТАҦААРЫЫ ‘производство’. *Бэйэ оҦорон таһаарыыта үрдүк хаачыстыба-лаах буоларыгар хонтуруол күүһүрдүлүөхтээх* (Саха сирэ, 11.07.2019. С. 4);

г) смешанное заимствование ОПТЛ:

МЭДИССИИНЭ НАЦИОНАЛЬНАЙ КИИ-НЭ ‘Национальный медицинский центр’. *Оруо-буна бастакы бэрэсидьин М.Е. Николаев Мэ-диссиинэ национальнай киинин туттарарга быһаарбыт* кэмин саҕанаабы быһыы-майгы ха-тыланна (Кыым 19.09.2019. С. 4)

ЭКСПЕРТНЭЙ СЭБИЭТ ‘экспертный со-вет’. *Ол курдук, фонда экспертнэй сэбиэтин мунньаҕа бортокуолламматабын санаппыт* (Туймаада 14.07.2016. С. 7)

ГРАЖДАНСКАЙ УОПСАСТЫБА ‘граждан-ское общество’. *Ол да иһин сэбиэскэй судаары-стыбаларга, гражданскай уопсастыбаҕа танара үөрэбин оскуолаҕа биридимизт быһыытыннан булгуччулаахтык үөрэтии күүһүлээһин курдук сыаналанар* (Саха сирэ 18.07.2019. С. 10)

КЫЛААБЫНАЙ СПЕЦИАЛИСТАР ‘глав-ные специалисты’, ФЕРМЕРСКЭЙ ХАҦАА-ЙЫСТЫБА ‘фермерское хозяйство’. *Сопхуо-старга салайар үлэбэ үлэлээбит управлющай-*

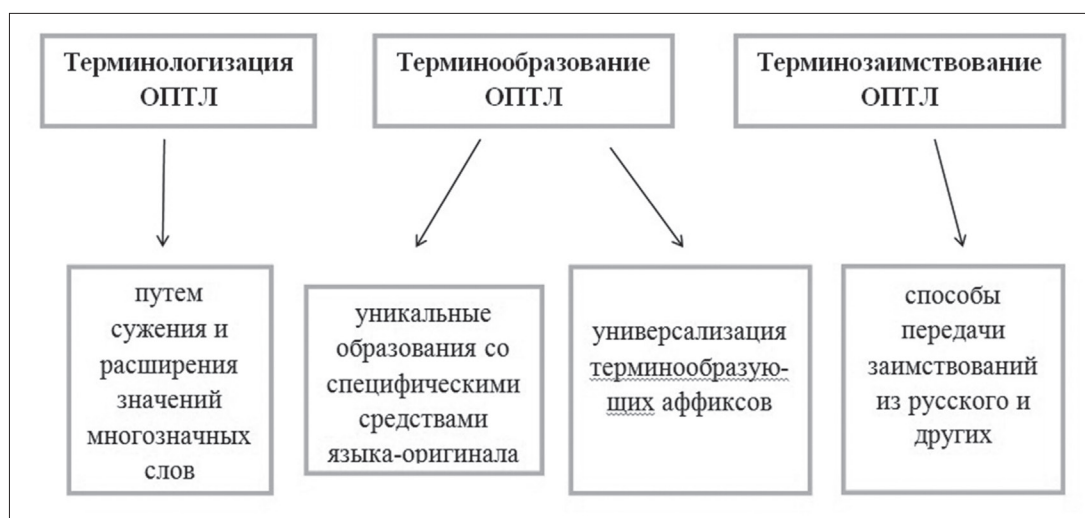

Рис. 1. Специфические закономерности образования ОПТЛ

дар, кылаабынай специалистар фермерскэй хаһаайыстыба тэринэн барбыттара (Туймаада 25.08.2016. С. 8)

Отметим, что ОПТЛ в сахаязычных изданиях значительно изменилась после переиздания орфографического словаря языка саха «Сахалыы таба суруйуу тылдьыта» [Сахалыы..., 2015], поскольку в этом словаре вариативные употребления слов были исключены в пользу написания русских слов в фонетизированной форме. И все эти изменения, безусловно, отражаются в образовании новой ОПТЛ.

Сегодня способы образования новых ОПТЛ в сахаязычной газете требуют особого внимания, так как они характеризуются постоянным изменением, также происходит обновление слов-терминов и терминологических словосочетаний, а в свою очередь такое расширение ее лексического состава требует точного, однозначного определения.

Таким образом, специфическими закономерностями образования ОПТЛ в языке газеты являются способы терминологизации, терминообразования и терминозаимствования (рис.1).

Пересечение и взаимодействие этих способов дает основание рассматривать их как отдельный терминотворческий прием. В целом данное исследование послужит дальнейшему изучению процессов обогащения ОПТЛ языка саха.

IV. Обсуждение. В современных условиях развития общества, усиления деятельности ор-

ганов государственной власти, массмедиа и делопроизводства, изучение ОПТЛ в языке газеты становится крайне важным, потому что она отражает события внутренней и внешней (международной) общественно-политической жизни. Как было упомянуто выше, формирование ОПТЛ происходило и продолжает происходить в периодической печати и в настоящее время, а расширение функций литературного языка народа саха зависит и от развития терминологии данного языка.

Выбор ОПТЛ языка газеты в качестве сферы лингвистического исследования обусловлен также тем, что анализ способов образования и способов передачи заимствованной ОПТЛ важен для понимания. Ее материалы не были до сих пор объектом специального изучения. Поэтому задача изучения закономерностей способов образования ОПТЛ сахаязычных газет является весьма нужной, актуальной, и проблема ее функционирования еще не решена до конца.

V. Заключение. Итак, в ходе исследования было выявлены следующие закономерности образования ОПТЛ в сахаязычной прессе: 1) терминологизация ОПТЛ путем сужения и расширения значений многозначных слов; 2) терминообразование ОПТЛ с помощью специфических средств языка-оригинала и путем универсализации терминообразующих аффиксов; 3) терминозаимствование ОПТЛ по способам передачи из русского языка и других, проникающих через русский.

Наблюдается адаптация журналистами некоторых заимствованных слов-терминов, когда в якутском языке нет вариантов адекватного выражения. Например, появилось слово *хоруона хамсыга* – ‘коронавирус’ и др.

Тем не менее существуют определенные трудности в практическом использовании терминов, когда язык имеет несколько эквивалентов ОПТЛ. В этом случае нужно выбрать наиболее подходящий из вариантов перевода. Но это может быть невозможно из-за несоответствия понятий или некачественного словаря.

Имеет место быть тенденция избыточности варианта, многоаспектности ОПТЛ. Таким образом, с развитием общественно-политической деятельности необходимо расширять лексический состав данной терминологической сферы.

В языке саха особенно выделяются кальки-словосочетания, у которых в большинстве случаев нет авторов, поскольку их рождает сам народ. Как отмечают исследователи, кальки-словосочетания более точны и однозначны, чем однословные слова-термины. Можно найти немало таких калькированных терминов-словосочетаний на страницах якутских газет.

Смешанное заимствование ОПТЛ в сахаязычной периодической печати происходит в основном из языка науки и техники. Периодические издания в определенной степени страдают от использования таких смешанных терминов-словосочетаний. Следует отметить, что на страницах газет ассимиляция смешанных терминов не такая свободная, как при заимствовании обычных слов. Процесс обновления ОПТЛ из внешних ресурсов происходит постоянно, и для того чтобы сохранить самобытность якутского языка, необходимо адаптировать или калькировать их.

Таким образом, необходимо упорядочить способы образования ОПТЛ. Для развития терминологии языка саха исследователями предлагаются следующие пути: создание терминов на основе собственных словообразовательных возможностей и заимствование из русского языка. Оба случая прослеживаются и на страницах газет, в частности, «Саха сирэ», «Кыым» и «Туймаада». Нам представляется, что решение этой проблемы будет способствовать, с одной стороны, качественному улучшению языка якутских газет, а с другой – повышению престижа языка в глазах его носителей.

Список литературы:

Акимова А.С. Способы образования якутской общественно-политической терминологической лексики (на материале словарей и периодической печати): Автореф. дис. ... к. филол. н. Якутск, 2013. 27 с.

Борисова Н.М. Об основных способах заимствования общественно-терминологической лексики в сахаязычных газетах // Международный научно-исследовательский журнал. № 6 (96). 2020. Часть 3. Июнь. С.111-114.

Борисова Н.М. Язык и стиль якутской периодической печати. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2012. 176 с.

Борисова Ю.М. Перевод социально-экономической терминологической лексики якутского языка: терминографический аспект: Автореф. дис. ... к. филол. н. Якутск, 2013. 23 с.

Быганова В.И. Якутская терминология: этапы становления: Дис. ... к. филол. н. 10.02.06. Якутск, 1996. 21 с.

Даниленко, В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 246 с.

Катаева С.Г. Немецкий политический язык: основные направления и тенденции развития (на материале политической лексики): Автореф. дис. ... д-ра филол. н. Москва, 2009. 45 с.

Лотте Д.С. Очередные задачи научно-технической терминологии // Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. М.: Наука, 1931. VII серия. №4. С. 883-591.

Маник С.А. Новое в лексикографическом описании лексического значения общественно-политической терминологии в XXI веке // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 4. С.194-198.

Николаев Е.Р. Диалектная лексика как ресурс терминологии якутского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 3. С.245-248.

Оконешников Е.И. Лингвистические аспекты терминологии якутского языка (на материале общей и отраслевой лексикографии): Автореф. дис. ... д-ра филол. н. Якутск, 2005. 52 с.

Сахалыы таба суруйуу тылдьыта: 32.000 кэринэ тыллаах: / Россия наук. акад., Сибиирдээҕи салаа гуманитарнай чинчийи уонна хотугу аҕыйах ахсааннаах омуктар проблемаларын ин-та; [эрэдээксийэлиир хамыыһыа: А.Г. Нелунов уо.д.а]. Дьокуускай: Бичик, 2015. 488 с.

Слепцов П.А. Русские лексические заимствования в якутском языке: (дореволюционный период). Москва: Наука, 1975. 256 с.

Ци Ванчжи. Термины в языке газеты: Автореф. дис. ... к.филол. н. 10.01.10. Москва, 2006. 20 с.

Словари:

Быганова В. И. Краткий русско-якутский словарь экономических терминов = Экономика тирминнэрин нууччалыы-сахалыы кылгас тылдьыта. 2-е изд. Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2007. 67 с.

Саха тылын кылгас терминологическай тылдьыта – Краткий терминологический словарь якутского языка [Оңордо П.П. Барашков; ред. Л.Н. Харитонов]. Якутскай: Саха сириҥҥэ кинигэ изд-вата, 1955. 299 с.

References:

Akimova A.S. *Sposoby obrazovaniya jakutskoj obshhestvenno-politicheskoy terminologicheskoy leksiki (na materiale slovarej i periodicheskoy pechati). Avtoreferat diss. ... kandidata filologicheskikh nauk* [Methods for the formation of the Yakut socio-political terminological vocabulary (based on dictionaries and periodicals). Abstract diss. ... candidate of Philological Sciences]. Yakutsk, 2013. 27 p. (In Russian).

Borisova Ju.M. *Perevod social'no-jekonomicheskoy terminologicheskoy leksiki jakutskogo jazyka: terminograficheskij aspekt. Avtoreferat diss. ... kandidata filologicheskikh nauk* [Translation of the socio-economic terminological vocabulary of the Yakut language: terminological aspect. Abstract diss. ... candidate of Philological Sciences]. Yakutsk, 2013. 23 p. (In Russian).

Borisova N.M. *Jazyk i stil' jakutskoj periodicheskoy pechati* [Language and style of the Yakut periodical press]. Yakutsk: North-Eastern Federal University Publ., 2012. 176 p. (In Russian).

Borisova N.M. Ob osnovnyh sposobah zaimstvovaniya obshhestvenno-terminologicheskoy leksiki v sahajazychnyh gazetah [About the main ways of borrowing socio-terminological vocabulary in newspapers in the Sakha language]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International Research Journal]. № 6 (96). 2020. Part 3. June. Pp. 111-114. (In Russian).

Byganova V. I. *Kratkij russko-jakutskij slovar' jekonomicheskikh terminov = Jekonomika tijerminnjerin nuuchchalyy-sahalyy kылgас tyld'yta* [Brief Russian-Yakut Dictionary of Economic Terms]. 2nd ed. Yakutsk: Yakutsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2007. 67 p. (In Russian).

Byganova V.I. *Jakutskaja terminologija: jetapy stanovlenija. Diss. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.06.* [Yakut terminology: Stages of formation. Diss. ... candidate of Philological Sciences: 10.02.06.]. Yakutsk, 1996. 21 p. (In Russian).

Ci Vanchzhi. *Terminy v jazyke gazety. Diss. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.10.* [Terms in the language of the newspaper. Diss. ... candidate of Philological Sciences: 10.01.10.]. Moscow, 2006. 20 p. (In Russian).

Danilenko V.P. *Russkaja terminologija. Opyt lingvisticheskogo opisaniya* [Russian terminology. Experience of linguistic description]. Moscow: Science, 1977. 246 p. (In Russian).

Kataeva S.G. *Nemeckij politicheskij jazyk: osnovnye napravleniya i tendencii razvitiya (na materiale politicheskoy leksiki). Avtoreferat diss. ... doktora filologicheskikh nauk* [German political language: the main directions and trends of development (based on the material of political vocabulary). Abstract of the diss.... doctor of Philological Sciences]. Moscow State Pedagogical University. Moscow, 2009, 45 p. (In Russian).

Lotte D.S. *Ocherednye zadachi nauchno-tehnicheskoy terminologii* [The next tasks of scientific and technical terminology]. *Izvestija Akademii nauk SSSR. Otdelenie obshhestvennykh nauk* [News of the USSR Academy of Sciences. Department of Social Sciences]. Moscow: Science Publ., 1931. VII series. №. 4. Pp. 883-591. (In Russian).

Manik S.A. *Novoe v leksikograficheskom opisanii leksicheskogo znachenija obshhestvenno-politicheskoy terminologii v XXI veke* [New in the lexicographic description of the lexical meaning of socio-political terminology in the XXI century]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma State University]. 2018. Volume 24. № 4. Pp. 194-198. (In Russian).

Nikolaev E.R. *Dialektnaja leksika kak resurs terminologii jakutskogo jazyka* [Dialect vocabulary as a resource of terminology of the Yakut language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. Tambov: Gramota Publ., 2019. Volume 12. Issue 3. Pp. 245-248. (In Russian).

Okoneshnikov E.I. *Lingvisticheskie aspekty terminologii jakutskogo jazyka (na materiale obshhej i otraslevoj leksikografii). Avtoreferat diss. ... doktora filologicheskikh nauk* [Linguistic aspects of the terminology of the Yakut language (based on general and industry lexicography). Abstract of the diss. ... doctor of Philological Sciences]. Yakutsk, 2005. 52 p. (In Russian).

Saha tylyn kылgас terminologicheskaj tyld'yta = Kratkij terminologicheskij slovar' jakutskogo jazyka. Oңордо P.P. Barashkov; redaktor L.N. Haritonov [Short terminological dictionary of the Yakut language. Compiled P.P. Barashkov; editor by L.N. Kharitonov]. Yakutsk: Yakut Book Publ., 1955. 299 p. (In Yakut).

Sahalyy taba surujuu tyld'yta: 32.000 kjerinje tyllaah [Yakut Spelling Dictionary: About 32,000 languages]. *Rossija nauk. akad., Sibiirdjejesi salaa humanitarnaj chinchijii uonna hotugu asyjah ahsaannaah omuktar problemala-*

ryn in-ta; jerjedjejeksijjeliir hamyyhyja: A. G. Nelunov uo.d.a. [Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; ed.: A. G. Nelunov et al.]. Yakutsk: Bichik Publ., 2015. 488 p. (In Yakut).

Slepcov P.A. Russkie leksicheskie zaimstvovanija v jakutskom jazyke: (dorevoljucionnyj period) [Russian lexical borrowings in the Yakut language: (pre-revolutionary period)]. Moscow: Science Publ., 1975. 256 p. (In Russian).

N.M. Borisova

The Specifics Regularity Formation of Social and Political Terminological Vocabulary in Sakha Language Newspapers

The article is devoted to the study of the regularities of the formation of socio-political terminological vocabulary (SPTV) in newspapers in the Sakha language, in particular “Sakha Sire”, “Kyyym” and “Tuymaada”, covering socio-political events of domestic and international life. *The scientific novelty* of the study lies in the fact that an attempt is made to rethink and systematize the ways of SPTV formation in the Sakha language press, since the available works are exclusively theoretical in nature. It also reveals the specifics regularity of its formation. *The aim of the study* is to substantiate the features of the methods of formation of SPTV in the language of the newspaper as regularity. *The tasks*: based on the material of newspapers, to analyze the narrowing and expansion of the terminology of the SPTV, to identify the term formation of the SPTV, as well as to determine the ways of transferring the borrowings of the SPTV. SPTV is characterized by constant updating of words-terms and terminological phrases. The expansion of its lexical composition contributes to the need for accurate, unambiguous translation. Therefore, the study of the language material of the periodical press is carried out in the context of linguistic *methods* of text analysis and lexical units. Along with the descriptive *method*, the study uses elements of content analysis that allow you to compare the ways of transmitting SPTV borrowings in the language of the newspaper. As a *result*, such methods of forming SPTV as terminologization, term formation and borrowing of terms are revealed. The intersection and interaction of these three specific methods gives reason to consider them as regularities of the formation of SPTV.

Keywords: SPTV, terminologization, term formation, term borrowing, words-terms, terminological collocation, Sakha language newspaper

Н.В. Покатилова

DOI: 10.25693/SVGV.2021.35.2.006
УДК 821.512.157.09+398(=512.157)

Эпос олонхо в исследованиях Н.В. Емельянова: от систематизации к закономерностям эпического сюжетосложения

Научная новизна. Все четыре монографии Н.В. Емельянова представляют собой единое целое, концептуальность которого обусловлена целостным пониманием эпического жанра олонхо, прошедшего достаточно длительную эволюцию в широком контексте этно- и культурогенеза якутского народа, его движения «с юга на север». В сюжетном составе и в различного рода сюжетных напластованиях, а также в устоявшемся поэтическом языке якутского олонхо находят выражение архаичность и одновременно автономность процессов эпического сюжето- и жанрообразования: от ранних мифологических форм к развитому героическому повествованию.

Цель и задачи. В статье предпринят анализ монографических исследований Н.В. Емельянова по эпосу якутского олонхо. Изложение сюжетов якутских олонхо в его первой работе (1980 г.) было продиктовано задачей систематизации значительного корпуса записей вариантов, хранящихся в фондах Архива ЯНЦ СО РАН.

Методы исследования. На материале 75 рукописных записей вариантов были разработаны принципы разграничения разновидностей олонхо по типу эпического героя и соответствующего ему сюжетного построения. Внутри каждой из групп шла дополнительная дифференциация на подгруппы, характеризующие отчетливо выраженную индивидуальную последовательность сюжета в каждом из вариантов подгруппы. Текстуальному описанию каждой из трех больших групп сюжетов были посвящены отдельные монографии исследователя (1983, 1990, 2000 гг.). Однако уже в первой монографии Н.В. Емельянова (1980 г.) стало очевидно, что задачи исследования не могут ограничиваться только систематизацией вариантов, помимо этого, в работе была представлена более широкая концепция изучения сюжетного многообразия вариантов.

Результаты. В результате исходная задача по систематизации вариантов переросла в исследование особенностей сюжетосложения устного эпоса. В научных трудах Н.В. Емельянова впервые предвосхищена возможность системного исследования поэтики якутского олонхо в совокупности сюжетной, пространственно-временной и формульно-поэтической организации, функционирующей в качестве целостной структуры устного происхождения.

Ключевые слова: устная традиция, якутский эпос олонхо, эпический сюжет, вариант, систематизация сюжетов, эпическое сюжетосложение

I. Введение. Научный вклад Н.В. Емельянова определяется его работами в области сюжетологии якутских олонхо. Однако до сих пор его исследовательский подход к эпической традиции не был предметом специального рассмотрения, не определена в должной мере позиция исследователя по ряду вопросов классификации и научной систематизации единиц сюжетной организации, несмотря на общепризнанную значимость его работ по введению в научный оборот значительного корпуса сюжетных вариантов олонхо. Научные представления Н.В. Емельянова и результаты его исследований до сих пор не вписаны в общий контекст отечественной фольклористики XX в. и не обозначены в качестве перспектив целостного понимания поэтики якутского олонхо, заявленного в его поздних работах. В связи с этим возникает необходимость не только в обращении к работам Н.В. Емельянова, но и, по возможности, в новой оценке его работ, ставших своеобразным завершением важнейшего этапа якутской и российской исследовательской традиции XX в., что определило цель и задачи настоящей статьи.

Научный путь Н.В. Емельянова: от малых жанров к эпосу олонхо. Н.В. Емельянов пришел в науку сравнительно поздно, уже состоявшимся учителем, проработавшим в школе немало лет. Именно это позволило ему с самого начала и до конца своей научной деятельности сохранить своеобразную «учительскую» закуску: обстоятельность, чрезвычайную ответственность перед порученной работой и внимательность к деталям. В этой связи, говоря о работах исследователя по якутскому эпосу олонхо, нельзя не затронуть истоков его научной деятельности. По поручению Г.У. Эргиса Н.В. Емельянов начал свой исследовательский путь с малых жанров и форм [Емельянов, 1965], став, по мнению своего учителя, автором «одной из лучших научных публикаций» якутских пословиц и поговорок [Эргис, 1974: 90]. В то же время уже в специальном исследовании тех же пословиц и поговорок [Емельянов, 1962], предшествовавшем их изданию, Г.У. Эргис отмечал скрупулезность автора исследования в обобщении «изданных и рукописных материалов», тщательность подготовки не только текстов и научного аппарата к ним, но и их переводов, отличаю-

щихся точностью и научной обстоятельностью. Указанные черты молодого исследователя в подходе к материалу позволили уже в первой его работе обнаружить и впервые описать достаточно архаические в плане промежуточности, порой утраченные для самой традиции малые формы: алгысные слова (*алгыс тыллар*), забытые разновидности чабыргах типа лабысха и др. Впоследствии при завершении итогового труда Г.У. Эргиса «Очерки по якутскому фольклору» (1974) именно Н.В. Емельянову суждено было закончить главы IX–XI, посвященные малым жанрам. Впервые в отдельные главы книги были выделены «Скороговорки (чабыргах)» и «Загадки» [Эргис, 1974: 324–360].

II. Материал и методы исследования. Эпос олонхо в предметном поле исследователя. Методологические принципы, выработанные исследователем по отношению к малым жанрам, были спроецированы почти на все повествовательные жанры якутской традиции (исторические предания, сказки, определенные разновидности песенных жанров), но получили наиболее яркое и логическое завершение при изучении им эпического жанра олонхо.

Н.В. Емельянов всегда оставался верен концептуальным идеям Г.У. Эргиса, претворяя его научные принципы: тщательную выверенность материала, знание всех имеющихся вариантов и стремление представить все вариативное разнообразие того или иного жанра, независимо от того, поговорка это или эпос, дошедшие до нас в записях или в актуальном бытовании устной традиции. Не скрывал Н.В. Емельянов и того, что идея систематизированного свода по «изложению сюжетов» олонхо принадлежала его учителю. Во введении к первой монографии специально подчеркивается, что «тематика настоящей книги была предложена Г.У. Эргисом» [Емельянов, 1980: 14]. Саму же работу по систематизации он воспринимал позднее как проявление особого доверия ему и большую ответственность [Емельянов, 2000: 6].

По результатам этой работы Н.В. Емельяновым были написаны четыре монографии: «Сюжеты якутских олонхо» (1980), «Сюжеты ранних типов якутских олонхо» (1983), «Сюжеты олонхо о родоначальниках племени» (1990), «Сюжеты олонхо о защитниках племени» (2000).

Все четыре монографии представляют собой единое целое, в котором автор последовательно реализует свою концепцию систематизированного свода вариантов. Исходной при этом оказывается первая книга исследователя – «Сюжеты якутских олонхо», вышедшая в Москве в издательстве «Наука» (1980). На первый взгляд кажется, что все внимание здесь сосредоточено только на изложении сюжетов, без достаточно подробного пояснения критериев разграничения вариантов. Между тем внимательное изучение примечаний [Емельянов, 1980: 295–300], где приводится обширный свод использованных вариантов, сама структура работы и ее оглавление, в котором в названиях групп и подгрупп уже сформулированы принципы разграничения сюжетных вариантов, позволяют понять, насколько продуманной и одновременно кропотливой была предварительная работа по вычленению материала и отбору вариантов. Основная цель свода обозначена автором как стремление «изложить в наиболее полном и систематизированном виде сюжеты олонхо на русском языке». Автором отчетливо осознается, с одной стороны, недостаточность «попытки сухого и краткого пересказа таких крупных и сложных поэтических произведений», каким предстает якутское олонхо, с другой стороны, отмечается важность того, что «даже такая работа поможет ускорить внесение в научный оборот богатейшего жанра якутского фольклора» [Емельянов, 1980: 13].

Создание общего свода олонхо: сюжетный уровень. О том, что работа над первой монографией шла в несколько этапов, свидетельствует один из научных отчетов Н.В. Емельянова 1978 года¹, являющийся предварительным наброском к будущей книге. Здесь еще не совсем отчетливо обозначены критерии отбора текстового материала олонхо, не сформулированы в окончательном виде названия сюжетно-тематических групп, встречаются сомнения по поводу включения отдельных вариантов, но уже вполне очевиден общий диахронический принцип расположения вариантов олонхо. В его основе – движение «от мифологии», точнее, «мифологической стадии» к собственно эпическому этапу

формирования олонхо. Стадиальная типология сложения эпической традиции, подсказанная существующими работами по эпосу [Пухов, 1962; Мелетинский, 1968; Путилов, 1988 и др.] и черновой работой над сюжетными вариантами, становится определяющей в его концепции свода.

В окончательном виде книги строгая выдержанность диахронического принципа привела к возможности проследить эволюцию основной сюжетной линии якутского олонхо: от «заселения Среднего мира» к «родоначальникам племени ураангхай саха», а от них – к «защитникам племени айыы и ураангхай саха». В рамках этой линии были выработаны критерии классификации имеющихся вариантов олонхо. В ее основе – диахроническая последовательность возникновения и последующего формирования (стадиально отмеченного) самого эпоса как целостной жанровой традиции. Внутри каждой из трех крупно выделенных групп прослеживается та же «стадиальная» логика сложения эпоса, которая откладывается в той или иной сюжетной разновидности, а в некоторых случаях – в тех или иных сюжетно выделенных вариантах, имеющих необычное построение (варианты отверженных потомков айыы, о первых богатырях, варианты с различными сюжетами). Характерно, что в научном отчете Н.В. Емельяновым было использовано 90 вариантов олонхо, в окончательном же книжном виде их число сократилось до 75 наиболее показательных, «с более или менее соответствующими предлагаемой систематизации сюжетами» [Емельянов, 1980: 13]. Последняя оговорка исследователя существенна и найдет свое продолжение в последующих его монографиях, когда речь пойдет о своеобразных в сюжетном отношении вариантах, в разной степени подпадающих под общую схему, а иногда в той или иной степени или прямо отступающих от нее. Все это в целом свидетельствовало о продолжавшемся до самого конца процессе постоянной доработки автором имеющегося материала и основных положений монографических исследований, обобщающих этот материал.

III. Результаты. Эпическая тетралогия Н.В. Емельянова. Все четыре книги исследователя составляют целостность, в которой значим

¹Рукописный фонд Архива Якутского научного центра Сибирского отделения Российской Академии наук (РФ АЯНЦ СО РАН). Ф. 5. Оп. 13. Д. 36. Научный отчет по теме "Сюжеты якутских олонхо". 1974 г.

каждый этап, но в то же время во всех работах поэтапно выдержана концептуальная логика исследователя. Определяющим в ней оказывается принцип систематизации сюжетного многообразия олонхо с последующей разработкой классификационных признаков эпической вариативности. Исходя из этого, первая книга автора 1980 года может рассматриваться как своего рода синхроническая постановка проблемы систематизации вариантов якутского олонхо. В своих последующих работах Н.В. Емельянов специально рассматривает каждую из трех выделенных им групп текстов, чему посвящены соответственно его монографии 1983, 1990 и 2000 гг. В них представлено диахроническое освещение каждой выделяемой им сюжетной группы, где уже дана подробная экспликация того, что стоит за каждой группой и в особенности, как показывает материал, за той или иной подгруппой в системном целом эпического варьирования. Характерно, что в последующих монографиях сложившаяся уже в первой работе концепция не меняется, а только детализируется на конкретном материале, при этом каждый раз акцентируется данная для каждой внутригрупповой разновидности текстовая вариативность олонхо. Именно поэтому в последующих его работах значительное место занимают текстуальные сопоставления вариантов, свидетельствующие о блестящем знании им эпической традиции и анализе всех имеющихся записей. Следует подчеркнуть, что последняя монография исследователя, изданная посмертно, к сожалению, осталась незавершенной как в аспекте подробного анализа 4-й подгруппы вариантов третьей группы (последней 10-й в общем количестве подгрупп), так и в аспекте общего (предполагаемого) заключения ко всем работам автора, объединенных единством замысла и целостностью концепции. Таким образом, три последующие монографии исследователя не просто детализируют концепцию, изложенную в самом начале, но, скорее всего, представляют собой определенное решение проблем, заявленных на «частном» материале той или иной разновидности (или групп) олонхо.

В то же время, несмотря на цельность замысла и общность концепции, следует все же говорить об эволюции собственных представлений исследователя, его методологических принци-

пов, развертывающихся в точном соответствии с расширением и углублением каждый раз исследуемого материала. Монографии исследователя дают возможность проследить, как от работы к работе уточняется и несколько корректируется классификационный подход к материалу, меняются в результате анализа основания типологического разграничения вариантов и многие моменты эволюции самих сюжетных разновидностей по сравнению с первоначальным предположением о них. Если в первом обобщении материала в виде свода отмечалась архаичность первой группы олонхо по степени мифологичности, то в трех последующих монографиях, где акцент делается на подробном описании вариантов, входящих в состав той или иной группы и подгрупп, усложняется само представление об «архаичности» и ее мифологических оснований. В своей последней монографии исследователь приходит к пониманию мифологичности, эксплицированной в известной мере в самом тексте, что выражается в особенностях процесса «дегероизации» эпических персонажей, наиболее очевидных в контексте эволюции образов женщин-богатырок и самого эпического богатыря – «родоначальника»/«защитника», в отходе темы героического сватовства на второй план, принципиальной возможности замещения в тексте ключевых структурных составляющих общей сюжетной схемы, продиктованных происхождением эпических героев от земных родоначальников, статичности «действий» божеств и утере связи с божествами, в замене мифологических представлений о происхождении героев иными мотивировками (семейного и бытового плана), в появлении темы территориального конфликта и многого другого. Таким образом, есть существенные различия между первой постановкой проблемы общего свода в работе 1980 г. и текстовой реализацией вариантного многообразия в каждой из трех разновидностей – в изданиях 1983, 1990, 2000 гг. Все три последующие монографии исследователя сосредоточены на текстуальном описании каждой из трех больших групп или разновидностей сюжетов, преемственно связаны между собой и отсылают к общему своду в первой книге.

«Сюжеты ранних типов олонхо» (1983 г.). Для общей концепции свода первая группа сюжетов о «заселении Среднего мира» приобрета-

ет исключительное значение в качестве наиболее архаической как по мифологичности эпического повествования, так и по степени сохранности текстов. Именно этим объясняется такой принцип отбора материала, когда исследователь обращается не только к полным, но и неполным (фрагментарным, иногда просто обрывающимся записям (типа № 1, 2, 5). Тем самым значимость вариантов этой группы возрастает независимо от объема текста и сюжетной развернутости повествования, приобретая несколько иное качество, связанное с сохранностью устных текстов в качестве культурных артефактов традиции.

Первая группа сюжетов («Заселение Среднего мира») в свою очередь состоит из трех подгрупп, внутренняя последовательность которых также подчинена логике выявления наиболее архаической мифологической семантики, что обусловлено «двумя линиями развития» эпических сюжетов этой группы, – это заселение Среднего мира 1) потомками Юрюнг Айыы Тойона и 2) отверженными потомками айыы. К этой же группе относятся эпические повествования о женщинах-богатырках как «первых» людях, заселивших Средний мир. Таким образом, наиболее архаичными предстают, по мнению исследователя, варианты олонхо об отверженных потомках айыы и женщинах-богатырках. В этом случае речь идет о мифологичности типологического плана, чему в свое время был посвящен ряд исследований Е.М. Мелетинского [Мелетинский, 2004: 255–294, 299–364]. Это позволяет рассматривать группу «ранних типов олонхо» в качестве исходной точки отсчета в формировании сюжетной структуры олонхо. Отсюда и постоянные отсылки, по существу – в самих вариантах традиции, к выделенной Н.В. Емельяновым группе сюжетов. Особенно отчетливо они обнаруживаются при описании сюжетов о «родоначальниках племени» и о «защитниках племени». Обозначенные в них переклички с сюжетами ранних типов олонхо могли бы составить специальный предмет исследования, здесь не только прослеживается общая эволюция сюжетных типов, но и обнаруживаются трансформации самого жанра, зафиксированные в «поздних» в типологическом плане вариантах.

«Сюжеты олонхо о родоначальниках племени» и «Сюжеты олонхо о защитниках племени». Обе монографии, казалось бы, однотип-

ны по структуре, но они отличаются по степени реализации общей концепции исследователя на разном материале. Это касается и особенностей эволюции исследовательского подхода Н.В. Емельянова, и появления дополнительного круга проблем, возникших при обсуждении разных типов олонхо. Так, олонхо о защитниках племени, в особенности его варианты «о Нюргунах» Н.В. Емельянов считал своеобразной вершиной в развитии эпической традиции, поскольку «национальное самосознание» наиболее ярко начинает выражаться именно в этом типе олонхо [Емельянов, 2000: 183]. В то же время эта разнovidность показала большее число следуемых за расцветом традиции трансформационных изменений, свидетельствующих о начале завершения этой традиции, о начавшемся и достаточно показательном процессе, к примеру, «дегероизации (в эпическом смысле) образа богатырки» [Емельянов, 2000: 11], о тенденции к усложнению событийной стороны (перипетий) сюжетной структуры, связанной с тем, что «сказители постепенно освобождаются от мифологических представлений о происхождении героев» [Емельянов, 2000: 183] и др.

В процессе систематизации сюжетного разнообразия олонхо исследователем поднимается сложный и недостаточно изученный вопрос о причинах этого многообразия и появления новых сюжетных линий и их разрастания и усложнения. В представлениях исследователя это связано с тем, что «в олонхо осуждается все, что чуждо интересам племени, его законам; утверждается то, что отвечает эпическим идеалам. В каком бы мифологическом и сказочном виде ни развивался сюжет, главной его линией остается раскрытие противоречий родовой жизни, взаимоотношений людей эпического периода исторического развития людей» [Емельянов, 1980: 7]. Несмотря на ограниченность эпического сюжетосложения временем и пространством, однотипностью традиционных образов и мотивов, повторяемостью формульного языка, сюжеты олонхо «богаты и разнообразны», что достигается, по мнению исследователя, «путем создания различных характеров персонажей, раскрытием их взаимоотношений и взаимодействий, проявляющихся в развертывании фабулы многообразными сочетаниями, переплетениями традиционных, устоявшихся веками мотивов

(событий, эпизодов)» [Емельянов, 1980: 7]. Причина сюжетного разнообразия вариантов видится в том, что «изменение характера нескольких (или даже одного) персонажей способствует созданию сказаний с совершенно разными сюжетами» [Емельянов, 1980: 8]. Не случайно в самостоятельную, пятую, подгруппу включены олонхо, имеющие «своеобразные сюжеты», связанные с разработкой в эпическом тексте преимущественно характерологических черт персонажей, что чаще всего выражается во взаимоотношениях персонажей конфликтного плана. Тем самым индивидуальная последовательность сюжета, присущая тому или иному излагаемому каждый раз варианту, оказывается важной для раскрытия и понимания характера эпических персонажей. В этой связи исследователь излагает свое представление о внутрижанровом разнообразии олонхо. Интересно, что последовательное изложение сюжетов позволяет исследователю обратить внимание не только на сюжетное своеобразие, присущее каждому варианту, но и на то, как «собирается», монтируется в процессе исполнения тот или иной вариант как текст. Так, например, рассматривая вариант № 20 (в публикации и изложении В.Л. Приклонского), исследователь отмечает, что основная сюжетная линия сосредоточена на конфликте двух персонажей между собой, а борьба Эр Соготоха с абаасы «принимает второстепенный характер», отступая на второй план.

Изложение сюжета во многих местах сопровождается у Н.В. Емельянова замечаниями и наблюдениями оценочного характера. Это касается и эволюционной «постепенности» формирования каждого типа героя и связанной с ним разновидности сюжетного развертывания текста варианта. Исследователем фиксируется «постепенность создания» образа небесного «родоначальника» или «Нюргун Боотура». Процесс сюжетообразования в конце концов затрагивает не только эволюционные аспекты сложения сюжета в каждой из его разновидностей, но и их стадиальную типологию, которая выводится из сопоставительного анализа разных вариантов с одним и тем же типом героя, как правило, имеющим одно и то же или сходное имя. В результате анализа сходных сюжетов по типу и имени героев (варианты олонхо об Эр Соготох, олонхо «о Нюргунах») фиксируется соотношение раз-

ных временных напластований в сюжете, в более поздних вариантах отмечается несоответствие сюжета стадиальной типологии героя и типу самого сюжета. Так, в группе олонхо о родоначальниках племени образы сыновей эпического героя Тонг Саара Тойон оказываются «архаичнее образа их отца» (старший сын, «выросший под пнем» и младший сын в облике быка) [Емельянов, 1990: 130]. В этом случае обнаруживается парадоксальное смешение стадиально различных черт в пределах одного варианта, что также может стать предметом специального изучения.

Скрупулезно отмечая различного рода сюжетные повороты в вариантах, исследователь постепенно подводит к уровню понимания самим сказителем сюжетной развернутости как своего рода «индивидуальной» (разумеется, в устных пределах) разработки традиционной темы, в которой могут появляться вкрапления, вставки и разного рода модификации сюжетного и формульно-языкового плана, в отличие от заданной традицией фабульной последовательности. Исследователь в процессе работы над вариантами приходит к разному соотношению фабулы и сюжета, к достаточно тонким различиям в понимании *сюжета олонхо* в самом начале и в конце исследования, что отчасти было замечено последующими исследователями [Семенова, 2006: 22–23].

Обе монографии 1990-х гг. (о «родоначальниках» и «защитниках племени») знаменательны тем, что в них, помимо разнопланового анализа вариантов, внимание исследователя сосредоточено в большей степени на закономерностях жанровой эволюции олонхо, на процессе трансформации жанра в целом, что оказывается наиболее показательным именно на примере второй и третьей выделяемой им групп сюжетов. Особо в этой связи следует выделить работу «Сюжеты о родоначальниках племени» (1990 г.). Здесь блестящий анализ разновременных вариантов олонхо об Эр Соготох, получивших почти повсеместное распространение по всей Якутии, и анализ аналогичных сюжетов в других традициях (долганское олонхо, олонхо северных улусов) диктуют постановку вопросов жанровой целостности олонхо.

От первых работ (1980-х гг.) к последним (конца 1990-х гг.) меняются, на наш взгляд, представления самого исследователя, с одной

стороны, о *варианте* как таковом, с другой стороны, о связи эпоса с исторической памятью народа, с «перипетиями этнической истории якутов» [Емельянов, 2000: 4], скорее всего, в ее ксенофонтовском понимании, восходящем к периоду участия Н.В. Емельянова в подготовке к изданию неопубликованных работ Г.В. Ксенофонтова [Ксенофонтов, 1977: 4]. В первом случае прослеживается эволюция от варианта как «разового» диалектного воплощения традиции к варианту, в эпическом наследии виднейших сказителей понимаемому в качестве «самостоятельного оригинального произведения, созданному искусством олонхосутов на основе устоявшейся устной эпической традиции» [Емельянов, 2000: 18]. Именно этим обусловлено обращение «к каждому олонхо», а в последней работе ставится непосредственная задача раскрытия «закономерностей развития сюжетики олонхо о Нюргунах» на примере творчества таттинских олонхосутов последней четверти XIX в. Н.Т. Абрамова, Н.Ф. Попова, К.Г. Оросина. Задачами систематизации отнюдь не ограничивается цель последней монографии, где, по словам автора, «рассматриваются и анализируются целостные произведения олонхо и исследуются сюжеты каждого сказания в отдельности» [Емельянов, 2000: 18].

Вследствие этого все чаще возникает необходимость в обращении автора к вопросам поэтики якутского олонхо, и эти обращения в текстах двух монографий достаточно показательны. В своей третьей монографии Н.В. Емельянов специально обращается к «переходным сюжетам» (гл. 1 и 6 раздела III), характерным не только в плане эволюции от одной типологической разновидности к другой (от «родоначальников» к «защитникам племени»), но и в плане изменений в поэтике самого эпоса, что в первую очередь начинает проявляться в его сюжетной структуре (появление сказочных мотивов и мотивировок, соотношение сказочного/мифологического и собственно эпического повествования, разрастание и непредсказуемость, своего рода «авантюристичность» (в известном смысле), сюжетных линий, персонификация божеств в виде «явления» их герою и др.).

Эволюционный аспект в «переходных сюжетах» не только связан с трансформацией исходной (мифологической) основы эпоса, но и на-

ходит выражение в формульно-языковой сфере сказителя, в отборе и взаимозамещении им отдельных элементов сюжетной структуры и пространственной организации устного текста [Емельянов, 2000: 18, 151]. Исследователь обращает внимание на метрические аспекты разбивки текста на строки, на важность разграничения «стиха» и «прозы» в олонхо [Емельянов, 1980: 13; 2000: 27, 28, 31, 84], на его формульную (в терминах А. Лорда) повторяемость [Емельянов, 2000: 27, 86, 87–88, 165], на особенности пространства и времени в олонхо как на самостоятельный объект изучения [Емельянов, 2000: 161–162], на повествовательные особенности (и возможности) текста эпического варианта [Емельянов, 1980: 5, 13; 2000: 18, 151] и в связи с этим на принципы текстообразования в олонхо [Емельянов, 1990: 102, 113, 171, 176; 2000: 63], на эволюцию эпического жанра в целом и его отдельных мотивов [Емельянов, 2000: 94, 156]. Одним из первых Н.В. Емельянов обращает внимание на явление самозаписей олонхо [Емельянов, 2000: 89, 91, 124], прецеденты которых встречаются уже в первых публикациях Э.К. Пекарского (полные записи олонхо К.Г. Оросина «Нюргун Боотур» [Пекарский, 1907], Н.Ф. Попова «Тойон Нюргун» и др.). Тем самым Н.В. Емельяновым была предварена постановка целого комплекса проблем изучения олонхо, где определяющими становятся соотношение в том или ином варианте характерных черт искусства олонхосутов и устоявшихся эпических канонов [Емельянов, 1980: 5; 2000: 18, 151], постепенное нарастание в эволюции жанра олонхо развитых форм этнического самосознания, что находит выражение в разработке эпических героев и системы второстепенных персонажей, а также в сюжетно-композиционной структуре олонхо и ее модификациях [Емельянов, 2000: 4, 9, 182, 183].

Две последние монографии Н.В. Емельянова в значительной мере выходят за рамки детализации предложенного еще в 1980 г. свода олонхо и отличаются интересом самого исследователя к проблемам поэтики олонхо. Основопологающей становится идея автора о том, что олонхо как жанр традиции обладает особой поэтической структурой, собственной поэтикой, задача исследования которой определит вектор последующих изысканий. В этой связи следует выде-

лить исследование Л.Н. Семеновой о пространственно-временной организации якутского олонхо, где впервые была дана обстоятельная оценка работ Н.В. Емельянова [Семенова, 2006: 5, 17, 18, 22, 28]. «Пути сюжетных трансформаций», «периферийных пространственных элементов» обнаруживаются, по мнению исследовательницы, на стыке или на границе «персонажной периферии», «а совмещение (столкновение) в семантике и пространственной атрибуции героя характеристик обеих антагонистических сфер (*айыы/абаасы*) становится важным фактором сюжетного варьирования» [Семенова, 2006: 219]. Характерно, что в своем анализе она приходит к сходным с Н.В. Емельяновым выводам, которые были предварены его проницательным анализом наиболее «поздних» вариантов олонхо «о родоначальниках» и «о защитниках племени», в которых на первый план выходят «переходные», «двойственные» или «периферийные» персонажи (Аджына Боотур, сын-бык Тонг Саар Тойона, Уолан Соготох Улуу Нюргун и др.) с соответствующими им в тексте сдвигами сюжетного и событийного плана.

Важным в эволюции исследовательских представлений Н.В. Емельянова становится целостное понимание поэтики якутского олонхо, требующего системного подхода в его изучении. В его работах на мощном фундаменте типологической классификации вариантного многообразия начинает складываться представление о том, что поэтика этого жанра не сводится к изолированному рассмотрению изобразительных средств или к отдельным моментам и единицам повторяемости, но представляет собой целое, в котором задействованы целостные механизмы устного продуцирования самой традиции. Именно это подтверждают закономерности эпического сюжетосложения, впервые исследованные ученым, и соотносимость эпического жанра с другими повествовательными жанрами, также поставленная в его последних работах. В этом плане якутский исследователь близок к тому пониманию поэтики «как формы структуризации текста», к которому пришел С.Ю. Неклюдов, изучая пространство и время в русском былинном эпосе и эпосе монгольских народов [Неклюдов, 2015: 15].

Общую направленность исследовательской мысли Н.В. Емельянова следует обозначить как

логику движения от систематизации вариантов к классификации сюжетов олонхо, выявления внутренних закономерностей их построения. В связи с конкретным и по большей части сопоставительным анализом не только разных вариантов, но и самого олонхо с разными жанрами (исторические предания, сказки и др.) исследователь ставит целый круг достаточно сложных и до конца еще непроясненных вопросов жанрового взаимодействия в устной традиции.

Исследования Н.В. Емельянова показали, что фольклорный материал достаточно проницаем для структурно-типологической методологии. Одним из первых среди якутских исследователей он подошел к необходимости выведения структурных и типологических закономерностей из анализа самого материала, к постановке проблем поэтики олонхо, отчетливо проявляющихся в концепции и в тексте двух его последних монографий. В силу завершенности самого текста именно его предпоследняя монография (1990 г.) о «родоначальниках племени» предстает в качестве первого образца такого плана типологического анализа. Тем самым в эпической тетралогии автора – своеобразной серии монографий по якутскому эпосу олонхо, продиктованной самим материалом, – обнаруживается собственная исследовательская логика и ее внутренняя эволюция от работы к работе.

IV. Обсуждение. Об истоках методологического подхода Н.В. Емельянова. Исследовательская позиция якутского ученого формировалась на пересечении разных начал. С одной стороны, своими работами он обозначил новый подход в изучении олонхо, связанный с выявлением сюжетной организации эпического повествования, «изнутри» культуры. При этом акцент делался на анализе конкретных (разновременных) записей текстов устной традиции. Эта позиция в своей основе восходила к тем принципам вычленения и понимания устных источников, которые разрабатывались в якутской гуманитарной науке от Г.В. Ксенофонтова («Эллэйада» и шаманские тексты в его полевых записях [Ксенофонтов, 1977]) до Г.У. Эргиса (первое научно комментированное издание олонхо [Эргис, 1947]). С другой стороны, за работами Н.В. Емельянова стояла научная традиция ведущих российских эпосоведов и фольклористов второй половины XX в. (В.Я. Пропп, Б.Н. Пути-

лов, Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик и др.). Со многими из них Н.В. Емельянов тесно общался, консультировался, имел опыт совместного редактирования своих монографий, достаточно в этой связи указать на то, что ответственными редакторами его монографий в разное время были Б.Н. Путилов, С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик.

В постановке проблемы сюжетного разнообразия олонхо Н.В. Емельянов был близок к идеям, высказанным В.Я. Проппом по отношению к одному из повествовательных жанров – сказке. В завершении своего труда «Исторические корни волшебной сказки» В.Я. Пропп размышляет о двух путях изучения фольклора и, в первую очередь, его повествовательных жанров: первый из них – путь «изучения сходства явлений» и второй – «изучения различий». Якутский исследователь почти дословно воспроизводит мысль В.Я. Проппа о том, что фольклор (и в особенности его повествовательные жанры) «при своем единообразии чрезвычайно богат и разнообразен» [Пропп, 1986: 361]. Более того, именно эта идея не только спроецирована на якутский материал, но и стала определяющей в исследовании сюжетного разнообразия вариантов олонхо. При этом В.Я. Пропп подчеркивал, что «изучение этого разнообразия, изучение отдельных сюжетов [Подчеркнуто нами. – Н.П.] представляется более трудным, чем изучение композиционного сходства» [Пропп, 1986: 361].

Влияние В.Я. Проппа на якутского исследователя было, по всей видимости, не только определяющим, но и несомненным, учитывая тот факт, что именно этот выдающийся ученый стал первым оппонентом на защите кандидатской диссертации Н.В. Емельянова по якутскому эпосу. Обращает на себя внимание то, что многие методологические моменты исследования В.Я. Проппом сказки как повествовательного жанра, подытоженные им в предисловии и в I и II главах его знаменитой «Морфологии сказки», оказываются напрямую связанными с методикой анализа сюжетных вариантов олонхо, разработанной Н.В. Емельяновым. Уже в своем предисловии В.Я. Пропп подчеркивает важность описания синтагматической структуры сказки: «Элементы, которые здесь только выделены как таковые, подвергались подробному рассмотрению и сопоставлению. Но выделение

элементов составляет ось всей работы и предопределяет выводы» [Пропп, 2001: 4].

В первой главе своей известной работы В.Я. Пропп акцентирует значимость «предварительного систематического описания» в качестве необходимого условия изучения сказки как явления, отличающегося «чрезвычайной многообразностью». Если это явление не может быть изучено «сразу по всему объему, то материал следует разделить на части, т.е. классифицировать его». «Правильная классификация, – продолжает исследователь сказки, – одна из первых ступеней научного описания. От правильности классификации зависит и правильность дальнейшего изучения» [Пропп, 2001: 7]. Актуальными представляются размышления ученого о классификации, связанной с «делением на сюжеты», о том, что не всё из текстового «многообразия» уместается в разряды при той или иной систематизации [Пропп, 2001: 9]. Именно поэтому в сказке, по мнению В.Я. Проппа, «отделение одного сюжета от другого и подбор вариантов – дело совсем не простое» [Пропп, 2001: 11]. Наконец методологически важный результат, к которому приходит исследователь сказки, оказался продуктивным для всех почти повествовательных жанров: «Изучение формальных закономерностей предопределяет изучение закономерностей исторических. Однако этим условиям может отвечать только такое изучение, которое раскрывает закономерности строения, а не такое, которое представляет собой внешний каталог формальных приемов искусства сказки» [Пропп, 2001: 17].

Многие принципиальные моменты пропповского понимания «сюжетной структуры», его единства в условиях вариантного «многообразия», необходимость «предварительного систематического описания», «классификации» и ее «выведения из материала по существу» оказываются методологически важными для исследователя олонхо. Следы «пропповского» влияния и других исследователей XX в. (Е.М. Мелетинского, С.Ю. Неклюдова, Б.Н. Путилова и др.) обнаруживаются в работах Н.В. Емельянова, в особенности на последнем этапе реализации его концепции «систематизированного свода». Однако изучение этого вопроса – дело будущего, в данном случае ограничимся только постановкой проблемы.

В процессе детального анализа вариантного разнообразия олонхо, то есть того типа черновой работы над текстовым материалом, о котором писал В.Я. Пропп [Пропп, 2001: 19], Н.В. Емельянов пришел к сходным выводам и результатам по определению общей «сюжетной структуры» (по терминологии В.Я. Проппа) якутского эпоса. В своей третьей монографии 1990 г. о «родоначальниках племени» якутский исследователь приходит к необходимости специального исследования вопросов сюжетного «единообразия» структурно-типологического плана. Именно в этой монографии Н.В. Емельяновым намечены поиски структурных оснований сходства разных сюжетов, что еще предстоит и исследовать. Плодотворной в этой связи представляется идея В.Я. Проппа о том, что в противопоставлении «многообразия» структурному «однообразию» последнее следует связывать с проблемой «повторяемости» в фольклорном тексте. В целом следует предположить, что именно пропповское понимание сюжетного разнообразия, основанного на структурном единообразии повествовательных жанров, становится методологическим принципом, осуществленным Н.В. Емельяновым на материале якутского олонхо, что позволяет по-новому взглянуть на работы якутского исследователя, а главное – подключить их к общему контексту фольклористических и шире – филологических исследований XX в.

V. Заключение. Работы Н.В. Емельянова 1980-90-х гг. XX в. по якутскому эпосу обозначили собой новый этап в его изучении, связанный с систематизацией имеющихся вариантов олонхо и с последовательным применением к этому материалу стадийно-типологического подхода, сопряженного с пониманием закономерностей формирования якутской эпической традиции в широком контексте этно- и культурогенеза якутского народа.

Одним из первых якутский исследователь пришел к объяснению причин вариантного многообразия эпоса олонхо в целом, за которым стоят универсальные закономерности эпического текстообразования, сосредоточенные прежде всего в плоскости эпического сюжетосложения. К ключевым моментам методологии исследователя следует отнести понимание сюжета отдельно взятого варианта как синтагматической

последовательности, сохраняющейся в традиции в качестве отголосков единой структуры, но индивидуализируемой при каждом исполнении. В то же время в своих завершающих работах Н.В. Емельянов подошел к постановке проблем поэтики олонхо как совокупности сюжетной, пространственно-временной, формульно-поэтической составляющих. С работами Н.В. Емельянова связана первая системная постановка проблем поэтики якутского героического эпоса, где определяющая роль отводится вопросам эпического сюжетосложения. Вполне обоснованной предстает сфокусированность интересов исследователя в последние годы к соотношению традиционного олонхо и путей его трансформации в эпоху письменной культуры. Многие аспекты современных работ по эпосу восходят в этом плане к ключевым идеям, высказанным Н.В. Емельяновым уже в работах 1980-х гг.

В исследованиях якутского ученого нашли отражение лучшие достижения отечественной (В.Я. Пропп, Б.Н. Путилов, Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов и др.) и зарубежной (М. Пэрри, А. Лорд, Х. Ясон) науки XX в. по соотношению вариантного «многообразия» и удивительного инвариантного «единообразия», сосредоточенного прежде всего в сюжетной структуре традиционного эпоса. Своеобразная эпическая тетралогия, созданная Н.В. Емельяновым на материале якутского олонхо, свидетельствует о том, что ее автор стоял на высоте теоретических представлений своего времени и в то же время ему удалось осуществить на этом материале многие идеи Г.У. Эргиса по систематизации и тщательному анализу вариантного разнообразия олонхо, достойно продолжив тем самым начинания своего учителя. Научный вклад Н.В. Емельянова в развитие якутского и отечественного эпосоведения определяется тем, что новейшие и наиболее концептуальные исследования отечественной науки XX в. были спроецированы им на богатейший в своих поэтических формах продуцирования якутский эпический материал.

Список литературы:

Емельянов Н.В. Сборник якутских пословиц и поговорок. Якутск, 1965. 246 с.

Емельянов Н.В. Сюжеты олонхо о защитниках племени [Отв. ред. В.М. Никифоров]. Новосибирск: Наука, СИФ РАН. 2000. 192 с.

Емельянов Н.В. Сюжеты олонхо о родоначальниках племени [Отв. ред. С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик]. М.: Наука, 1990. 212 с.

Емельянов Н.В. Сюжеты ранних типов якутских олонхо [Отв. ред. С.Ю. Неклюдов]. М.: Наука, 1983. 246 с.

Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо [Отв. ред. Б.Н. Путилов]. М.: Наука, 1980. 376 с.

Емельянов Н.В. Якутские пословицы и поговорки [Под ред. Г.У. Эргиса]. Якутск: Як. кн. изд-во, 1962. 94 с.

Ксенофонов Г.В. Элэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М.: Наука, 1977. 248 с.

Мелетинский Е.М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М.: Наука, 1968.

Мелетинский Е.М. О древнейшем типе героя в эпосе тюрко-монгольских народов Сибири // Мелетинский Е.М. Избранные статьи. Воспоминания. М.: РГГУ, 1998. С. 360-381.

Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М.: Восточная литература, 2004. Изд. 2-е, исправл. 463 с.

Неклюдов С.Ю. Поэтика эпического повествования: пространство и время. М.: РГГУ, 2015. 216 с.

Пекарский Э.К. Образцы народной литературы якутов, собранные Э.К. Пекарским. СПб.: Изд-во Имп. Академии наук, 1907. Т. 1. Вып. 1. С. 1-80.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ, 1986. 366 с.

Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 144 с.

Путилов Б.Н. Героический эпос и действительность. Л.: Наука, 1988. 227 с.

Пухов И.В. Якутский героический эпос олонхо: Основные образы. М.: изд-во АН СССР, 1962. 256 с.

Семенова Л.Н. Эпический мир олонхо: пространственная организация и сюжетика. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 228 с.

Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974. 402 с.

Нюргун Боотур Стремительный [Текст К.Г. Оросина; ред. текста, пер., вводная ст. и коммент. Г.У. Эргиса]. Якутск, 1947. 409 с.

References:

Nyurgun Bootur Stremiteliniy. Tekst K.G. Orosina. Redaksiya teksta, perevod, vvodnaya statya i kommentarii Ergisa [Nyurgun Bootur the Swift. Text by K.G. Orosin. Edited, translated, introduction and commentary by G.U. Ehrgis]. Yakutsk, 1947. 409 p. (In Yakut).

Ehrgis G.U. *Ocherki po yakutskomu fol'kloru* [Essays on Yakut Folklore]. Moscow, Science Publ., 1974. 402 p. (In Russian).

Emel'yanov N.V. *Sbornik yakutskikh poslovits i pogovorok* [Collection of Yakut proverbs and sayings]. Yakutsk, 1965. 246 c. (In Yakut).

Emel'yanov N.V. *Syuzhety olonkho o rodonachalnikakh plemeni. Otvetstvennyy redaktory Neklyudov S.Yu., Novik E.S.* [Olonkho plots about the ancestors of the tribe. Responsible editors Neklyudov S.Yu., Novik Ye.S.]. Novosibirsk: Science Publ., 1990. 207 p. (In Russian).

Emel'yanov N.V. *Syuzhety olonkho o zashchitnikakh plemeni. Otvetstvennyy redaktor V.M. Nikiforov* [Olonkho plots about the defenders of the tribe. Responsible editor Nikiforov V.M.]. Novosibirsk: Science Publ., 2000. 192 p. (In Russian).

Emel'yanov N.V. *Syuzhety rannikh tipov yakutskikh olonkho*. [Plots of early types of the Yakut epic Olonkho]. Moscow: Science Publ., 1983. 246 p. (In Russian).

Emel'yanov N.V. *Syuzhety yakutskikh olonkho*. [Plots of the Yakut epic]. Moscow: Science Publ., 1980. 375 p. (In Russian).

Emel'yanov N.V. *Yakutskiye poslovitsy i pogovorki. Pod redaktsiey G.U. Ergisa* [Yakut proverbs and sayings. Edited by G.U. Ehrgis] Yakutsk, Yakutsk book publ., 1962. 94 p. (In Russian).

Ksenofontov G.V. *Elleiaada: Materialy po mifologii i legendarnoi istorii yakutov* [Materials on Mythology and Legendary History of Yakuts]. Moscow: Science Publ., 1977. 248 p. (In Russian).

Meletinskiy Ye.M. *O drevneyshem tipe geroya v epose tyurko-mongolskikh narodov Sibiri. Meletinskiy Ye.M. Izbrannyye stati. Vospominaniya* [About the most ancient type of hero in the epic of the Turkic-Mongolian peoples of Siberia. Meletinskiy Ye.M. Selected articles. Memories]. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ., 1998. Pp. 360-381. (In Russian).

Meletinskiy E.M. *Proiskhozhdenie geroideskogo eposa. Rannie formy i arkhaischeskiye pam'iatniki* [Origins of heroic epos. Early forms and archaic artifacts]. Moscow: Eastern literature, 2004. Ed. 2-nd., revised. 463 p. (In Russian).

Meletinskiy Ye.M. *"Edda" I ranniye formy eposa* [The Edda and early forms of the epic]. Moscow: Science Publ. 1968. (In Russian).

Neklyudov S.Yu. *Poetika epicheskogo povestvovaniya: prostranstvo i vremya*. [The poetics of epic storytelling: space and time]. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ., 2015. 216 p. (In Russian).

Pekarskiy E.K. *Obraztsy narodnoy literatury yakutov, sobrannyye E.K. Pekarskim* [Examples of the folk literature of Yakuts, collected by E. K. Pekarskiy]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1907. Volume 1, issue 1. Pp. 1-80. (In Yakut).

Propp V.Ya. *Istoricheskiye korni volshebnoy skazki* [The historical roots of the fairy tale]. Leningrad: Leningrad State University named after A.S. Pushkin Publ., 1986. 366 p. (In Russian).

Propp V.Ya. *Morfologiya volshebnoy skazki* [Morphology of a fairy tale]. Moscow: Labyrinth, 2001. 144 p. (In Russian).

Pukhov I.V. *Yakutskii geroicheskii epos olonkho: Osnovnyye obrazy* [Yakut heroic epos Olonkho: Primary imagery]. Moscow: Academy of Sciences Union

of Soviet Socialist Republics Publ., 1962. 256 p. (In Russian).

Putilov B.N. *Geroicheskii epos i deystvitel'nost'* [Heroic epos and reality]. Leningrad: Science Publ., 1988. 227 p. (In Russian).

Semenova L.N. *Epicheskiy mir olonkho: prostranstvennaya organizatsiya i syuzhetika* [The epic world of Olonkho: Spatial organization and plot]. St. Petersburg: Petersburg oriental studies Publ., 2006. 228 p. (In Russian).

N.V. Pokatilova

The Olonkho Epic in N.V. Emel'yanov's Research: from Systematization to the Patterns of Epos Plot Composition

Scientific novelty. All of the N.V. Emel'yanov's works are a single whole, the conceptuality of which is due to a holistic understanding of the epic genre of Olonkho, which has undergone a fairly long evolution in the broad context of the ethno – and cultural genesis of the Yakut people, its movement “from the South to the North”.

In the plot composition and various plot layering, as well as the established poetic diction of Yakut Olonkho we find expression of the archaic nature and at the same time, self-containment of epic plot- and genre genesis processes: from the early mythological forms to the developed heroic narrative. *The aim and tasks of the article.* The paper undertakes an analysis of N.V. Emel'yanov's monographic research of Yakut Olonkho epos. Attempted description of the plots of Yakut Olonkho in his first work (1980) was dictated by the problem of categorizing the considerable corpus of recorded variants retained in the Archive of the YaSC of the SB RAS.

Research methods. Based on the material of 75 manuscripts the principles of classification of Olonkho by type of epic hero and according plot composition were developed. Within every type was additional differentiation into subtypes, characterizing discernible individual plot sequences in every variant of a subgroup. Textual description of each of the three core types of plots were made in researcher's subsequent monographs (1983, 1990, 2000). However it soon became clear that the research problem cannot be limited to the categorization of variants, moreover the paper has introduced an expanded conception of analysis of the plot variants.

Results. As a result, the initial problem of systematization of variants has escalated into research of particularities of plot composition of the oral epic text. N.V. Emel'yanov's body of work prefigures the possibility of a systemic analysis of the poetics of Yakut Olonkho as a complement of plot, spatiotemporal and formula-poetic composition, which functions as a coherent structure of oral origin.

Keywords: oral tradition, Yakut Olonkho, epic plot, variant, systematization of plots, plot composition of Olonkho

С.С. Макаров

DOI: 10.25693/SVG.2021.35.2.007
УДК 398.22(=512.157)

Проклятие в сюжетах якутского эпоса: мотивы и тексты

Научная новизна. В статье впервые на достаточно репрезентативном материале предлагается аналитическое описание текстов проклятий, встречающихся в записях якутского эпоса (олонхо).

© Макаров С.С., 2021

Основной целью публикации является введение в научный оборот информации об особенностях моделирования речевого жанра злопожелания (кырыыс) в текстах эпоса олонхо. В исследовании решаются следующие частные задачи: выявляются наиболее типичные сюжетные ситуации якутского эпоса, содержание которых составляет речевой акт злопожелания; анализируется характерная топика этих фрагментов; производится обзор речевых средств, при помощи которых в текстах олонхо объективировались высказывания злопожеланий.

Изучение малых речевых форм якутского фольклора представляет собой актуальную научную задачу. Обращение к эпическому жанру проливает свет как на представления о структуре и функциях проклятий, бытовавшие в устной традиции якутов, так и на принципы и средства текстопорождения олонхо. Исследование основано на широкой выборке из записей якутского эпоса (включает более пятидесяти разновременных записей).

Методы исследования. В разработке материала использован метод сравнительно-типологического анализа текстов фольклора.

Результаты. Рассмотрение показывает, что, появляясь в смоделированных повествовательных контекстах, тексты злопожеланий персонажей олонхо несколько отличаются от привычного вида жанра в повседневной речевой практике. Вместе с тем предпринятый анализ позволяет выявить аксиологические доминанты традиционной культуры. Топика кырыыс в эпосе касается не только здоровья и хозяйственного благополучия, но также и социальной жизни индивида: стабильности семейных отношений, продления рода, честного имени, доброй памяти. Наиболее употребительным способом составления текстов проклятий в эпическом нарративе становится смысловое инвертирование традиционных формул благопожеланий.

Ключевые слова: якутский фольклор, героический эпос, проклятие, кырыыс, речевой акт, олонхо

I. Введение. Среди разнообразных высказываний персонажей якутского эпоса особое место занимают образцы словесной магии. Наряду с молитвенными и благопожелательными обращениями (*алгысамы*) в текстах олонхо конструируются и речевые акты с противоположной направленностью – проклятия (*кырыыс*). Если первые получили довольно подробное научное осмысление [Мухоплева, 1993; Решетникова, 1993; Ефимова, 2013: 92–111, 120–127, Макаров, 2017], то семантика, принципы текстуализации и сюжетные функции вторых еще не рассматривались подробно. В качестве начального подступа к этой теме предлагаем обзор наиболее характерных для жанра сюжетных ситуаций, связанных с произнесением проклятия, а также анализ речевых средств, задействованных в построении текста злопожелания в эпическом повествовании олонхо.

II. Материалы и методы. Материал исследования составили разновременные записи якутского эпоса, в общей сложности более 50 отдельных вариантов. В этом корпусе выявлено 27 текстовых фрагментов, в которых содержатся выражения злопожеланий. Ценные сведения также были получены из подробных изложений сюжетов якутского эпоса, составленных и введенных в научный оборот Н.В. Емельяновым [Емельянов, 1980]. В соответствии с задачами

исследования ведущим аналитическим средством в работе стал структурно-типологический метод рассмотрения подобных фольклорных фактов, апробированный ранее на разном материале в трудах Б.Л. Рифтина, Б.Л. Огигенина, Т.Я. Елизаренковой.

III. Результаты. О жанре кырыыс. Якутский термин *kuuri:s* ('проклятие') находит соответствие в пратюрк. **karga* ('проклинать, ругать') и, возможно, восходит к общеалтайскому пласту лексики (ср. башк. *каргыш*, узб. *qarg'is*, казах. *каргыс*, тув. *каргыш* – 'проклятие', также монг. *xarā* – 'ругать, проклинать' < **xara* – 'кричать, говорить') [Архипова, 2010: 219]. Теория речевых актов рассматривает проклятия как один из частных случаев реализации волюнтивного регистра языка, направленного не на описание, а на изменение состояния денотата [Золотова, 1996: 285]. Известно, что произнесение проклятия тесно связано с актуальным коммуникативным контекстом, в который встраивается речевой акт. Во многом ситуативно обусловленной и, следовательно, импровизируемой оказывается и семантика конкретного текста проклятия, поскольку прагматика жанра предполагает учет индивидуальных особенностей «адресата». Предварительные наблюдения показывают, что традиционный якутский *кырыыс* имел пластичную топикку: с одной стороны, его

семантика и структурное выражение являются достаточно свободными и определяются лишь общими коммуникативными рамками речевого жанра, с другой же стороны, существовал определенный набор формул проклятия, имеющих устойчивый характер. Впрочем, вопрос об этнокультурной специфике якутского *кырыыс* еще должен стать предметом специального исследования; в эпическом жанре, как представляется, мы встречаем несколько иные ситуативные контексты. Можно предположить, что в сюжетах олонхо проклятия будут связываться с ключевыми этапами «биографии» эпического героя, мы ожидали, что в повествованиях будет реализован его этиологический потенциал.

Проклятие как мотив олонхо. Рассмотрение материала показывает, что проклятие как словесный жест входит в арсенал действий довольно широкого круга персонажей якутского эпоса. В то же время сюжетных ситуаций, о которых можно говорить как о повторяющихся, сравнительно немного. Наблюдения за эпизодами появления *кырыыс* в записях олонхо позволяют выделить ряд регулярных мотивов и некоторое число сюжетных ситуаций более частного значения, в которых центральным предикатом выступает произнесение проклятия. Примечательно, что первые группируются вокруг двух основных сюжетных коллизий олонхо: героической (демоноборческой) и матримониальной (брачной). Они могут быть обобщены следующим образом: 1) родители проклинают героя за его строптивый нрав [Элик Боотур, 1907: 319; Баһымны Баатыр, 1910: 299]; 2) антагонист проклинает героя после поражения в битве [Улуу Даарын, 2008: стк. 7084–7156; Дыырай Бэргэн, 2009: стк. 2130–2218]; 3) герой проклинает антагониста после победы над ним [Мас Батыйа, 2008: 134; Улуу Даарын 2008: стк. 3208–3238; Ньургун Бөбө 2011: стк. 17733–17766]; 4) женщина проклинает героя, отвергнувшего ее внимание [Мас Батыйа, 2008: 111–112, Емельянов, 1980: 158]; 5) шаманы проклинают сражающихся богатырей за урон, нанесенный их стране [Ньургун Бөбө, 2011: стк. 10348–10464; Емельянов, 1980: 210]; 6) родители невесты богатыря проклинают дочь и зятя за вступление в брак без их благословения [Кулкул бөбө, 1909: 234; Көр Буурай, 2014: стк. 1572–1597]. Примечательно, что для некоторых из

этих мотивов определяется автономное существование в сюжетах мифологической прозы якутов, например, проклятие странствующего мужчины обманутой им женщиной составляло содержание популярного устного рассказа (подробнее см. ниже), что не выглядит случайным совпадением. В целом, несмотря на фактическую табуированность проклятия как словесного жеста в повседневном обиходе якутов, как повествовательный мотив он получил определенную разработку и распространение. Впрочем, в большей степени это верно для квази-исторической прозы, нежели для сюжетов отдаленной первоистории, презентуемой эпосом. Мотив проклятия, по нашим наблюдениям, частотен в текстах отдельных сказителей, например, Н.А. Абрамова-Кыната, М.Т. Шараборина-Кумарова.

Среди мотивов, которые не находят явных соответствий в имеющемся у нас материале, следует назвать случаи: «шаман/шаманка проклинает героя за нанесенное им оскорбление», «шаманы наказывают героя за жестокость по отношению к соплеменникам», «сестра героя проклинает его за невнимательность к домашнему хозяйству», «родители невесты героя проклинают его за проявленную к ним скупость» и т. д. Как можно заметить, во многих случаях мотив проклятия несет в себе определенный дидактический заряд, высвечивая аксиологические установки морального плана, в то же время *кырыыс* – необлигатный элемент сюжетики якутского эпоса. В связи с последним обстоятельством мы должны отметить определенную условность предложенного выше разделения. «Удельный вес» проклятий в текстах олонхо, по сравнению, например, с *алгысами*, значительно меньше, что не позволяет представить в полной мере «внутреннюю типологию» моделируемого в эпическом повествовании жанра.

Далее мы остановимся, насколько это позволяет формат статьи, на отдельных показательных примерах, рассмотрим более подробно их семантику и средства текстуализации.

Средства вербализации проклятий в якутском эпосе. 1. Одними из наиболее частотных в полученном круге текстовых фрагментов становятся проклятия, произносимые героем в адрес поверженного противника. Проклятие в этом случае, как правило, выступает частью ритуали-

зованного акта уничтожения трупа врага. В этом действии, как кажется, проявляются черты «шаманской» ипостаси эпического героя. В одном из сюжетов избавление от тела богатыря *абаасы* сопровождается следующими словами:

Саха киһи саллар сааһын, / Өлөр өйүүнүн тохору – / Абааһы аймаҕа / Ааттыын сүттүн! / Абыс үйэ тохору – / Абыс хос бииһин ууһа / Арсаннаспат буоллуннар! / Кэлэ-кэлэ кэбилийэн, / Төрүү-төрүү / Төһөнөн истиннэр!.. [Мас Батыйа, 2008: 134]

На все время долгой жизни, Смертного века якута-человека – / Да сгинет племя *абаасы* / Вместе со своим именем! / На протяжении восьми веков / Восьмиколенное отродье их / Да не будет скалить зубы! / Пусть они, едва приходя [в этот мир], / Назад возвращаются, / Нарождаясь – тотчас гибнут!..¹

Этот текст включает еще 15 строк магического высказывания, направленного против племен антагониста. Известно, что благо- и злопожелания во многих языках выражаются повелительными конструкциями, с которыми у «желательного» речевого модуса много общего. Лингвистами выделена даже промежуточная между оптативным и императивным высказыванием форма, специфически употребляемая в упомянутых речевых жанрах – т.н. *фактитивный оптатив*. Иллокутивная цель высказывания здесь состоит в том, чтобы каузировать описываемую ситуацию, однако контроль говорящего над действием, по сравнению с императивом, не столь прямой [Гусев, 2013: 252]. В то же время такое высказывание связано с описываемой реальностью проективными отношениями. В связи с этим уместно вспомнить замечание о том, что адресат в проклятии лишь формально выступает как субъект прогнозируемых перемен, фактически являясь пациентом, подлинным же субъектом (и, следовательно, адресатом) предполагается «некая высшая сила, как бы она ни мыслилась – как Бог, святые, духи, умершие предки или нечистая сила» [Толстая, 1994: 176].

В разбираемом фрагменте нетрудно увидеть признаки оптативного модуса («пусть будет так»), являющегося единым и для проклятий, и

для благопожеланий. Структурное сходство с *алгысами* высказыванию придают также и формальные обозначения времени со значением ‘очень долго’, ‘до скончания века’, ср. с отрывками из благопожеланий: *саха төрүүбэ баарын тухары* / ‘пока потомство якутов будет существовать’ («Заклинение духа-хозяйки глубокой воды» [Обрядовая поэзия, 2003: 176–177]); *абыс үйэ тухары арбаабынан туруба!* / ‘в течение восьми веков спиной к нам не поворачивайся!’ («Заклинение Хайылла Дохсуна²» [Там же: 138–139], перевод – там же) и др.

В продолжении текста обращают внимание выражения *уоттаах харахтара утары көрбөтүн* / ‘пусть огненный взгляд его [антагониста] впредь не смотрит [на человека] прямо’, *татаар тарбахтара таба тунпатын* / ‘пусть покрытые коростой пальцы его впредь не хватают [человека]’, которые нередко встречаются в текстах благопожеланий. Эти фразы представляют собой части устойчивого выражения, обозначающего агрессию (причем в большей степени магическую). Их использование в *алгысе* связано с перечислением и тем самым предупреждением возможных злонамеренных действий по отношению к индивиду (см., например, [Обрядовая поэзия, 2003, тексты № 36, 48, 51]). Что касается второй части приведенного текста, то более частотным является другой вариант выражения – *татаар тыллаах таба эпэтин* / ‘пусть не скажет [о тебе] метко говорящий по-татарски’. Как можно заметить, здесь обыгрываются различные значения слова *татаар* в якутском языке: 1) ‘зудкая накожная сыпь, короста’, 2) ‘название народа, вероятно, монголы, жившие на Онону’ [Пекарский: стлб. 2603]). Вероятно, выражение «говорить по-татарски» в этом контексте следует понимать как ‘быть искусным в слове’ [Там же]. Ср. также обозначение жанра *харал* в калмыцкой традиции как ‘татарского проклятия’ [Басангова, 2008: 122], которое, по мнению исследовательницы, может быть объяснено стремлением вывести негативное явление за пределы своей этнической культуры.

2. С сюжетной темой поединка связывается и другой устойчивый тип проклятий в текстах

¹Здесь и далее перевод якутских текстов, если не указано иное, автора статьи.

²*Хайылла Дохсун* — в якутской мифологии имя одного из духов – хозяев леса.

якутского эпоса – слова, адресуемые богатырю или богатырке поверженным противником. Типичная предсмертная речь антагониста включает в себя констатацию факта «умирания», часто выглядящую избыточной в повествовательном отношении, но закрепляющую это значимое для сюжета событие, реплики прощания антагониста с соплеменниками, угрозы и/или проклятия в адрес победителя. При этом выясняется, что в устных текстах олонхо эти два типа речевых актов не всегда четко дифференцируемы. В одном из сюжетов олонхо антагонист героя обращает к нему следующее высказывание:

Өлбүппүнэн өлүөм суоҕа, / Сүппүппүнэн сүтүөм суоҕа. / Кыыс оҕон / Кыптый, сүүтүк / Былдьаһарын саҕана, / Уол оҕон / Оноҕостоох сааннан / Оонньуурун саҕана / Күрүлгэннээх харылбаннаах / Көй хаан холумтанын ортотунан / Күөрэйэхтиэм буолуоҕа. / Эн диэтэх киһи / Умнарыгын саҕана, / Мин диэтэх киһи / Өйдүүрүгүн саҕана / Ый кыһылыгар / Дьыл ыһсырыгар / Аны биирдэ / Көрсүһүөхпүт буолуоҕа [Кыыдааннаах Кыыс, 2016: 144–145].

Умирая, не умру я [вовсе], / Исчезая, не исчезну я [вовсе]. / Когда дочь твоя / Ножницы и наперсток / Начнет выпрашивать, / Когда сын твой / Луком и стрелой / Начнет играть, / Из центра большого, бурного-мощного / Твоего шестка / Поднимусь уж, наверное, я. / К тому времени, / Когда ты забудешь, / В тот момент, / Когда буду помнить я, / В период красного месяца¹, / В промежуток [двух] годов / Еще раз / Мы с тобой свидимся, наверное.

Семантика этого отрывка является характерной для речей антагониста, связанных с рассматриваемой сюжетной ситуацией. Она строится как обещание причинить вред детям героя, когда они достигнут самостоятельности² и начнут осваивать гендерно специализированные заня-

тия. Под «промежутком годов» здесь имеется в виду переходный осенний сезон, ознаменованный убылью светового дня, похолоданием, остановкой вегетации и т.д., т.е. период поворота к зиме. В это время, согласно этнографическим описаниям, в якутской традиции предположительно устраивались обряды умиловивления демонических персонажей – т.н. осенний или *абаасы-ысыах* (см. [Кулаковский, 1979: 27; Романова 1994: 136–137]) и был наиболее вероятен контакт с ними.

В пользу рассмотрения подобных высказываний как особой разновидности проклятий свидетельствует и использование в вербализации этого мотива различных форм императива. Ср. аналогичные места из текстов некоторых других олонхо: *Уол оҕон / Оноҕоһунан оонньуурун, / Кыыс оҕон кыптыыйынан / Кыччайарын саҕана буолуохтун* [Дыырай Бэргэн, 2009: 296] / 'пусть это случится, когда твой сын начнет играть стрелой, когда твоя дочь начнет резать бесцельно ножницами'; *Холумтанын аннынан / Хара хамсык буолан, / Көбүөхтүммүн эрэ* [Могучий Эр Соготок, 1996: 182] / 'Из-под твоего шестка черным мором [скота] да поднимусь же я'; ... *хааннаах өһөх буолан / быһа быргыйан тахсыахтыбын* [Улуу Даарын, 2008: 148] / 'кровавым сгустком да высочусь же я'.

Обратим внимание, что само содержание угрозы во всех случаях оказывается как бы недосказанным, однако оно легко восстанавливается из культурного контекста. Сложно представить, чтобы в традиционной ситуации значение этих выражений потребовало бы каких-то дополнительных разъяснений. Представление, согласно которому нижние элементы жилища, образующие естественные конструктивные щели (шесток, углы, основания несущих столбов), служат своеобразными входами для проникновения в него демонических сил, носило характер некоторого базового знания о пространстве.

¹Т.е. 16-е лунные сутки (см. [Гоголев, 2002: 44]).

²Имеются этнографические данные, согласно которым в якутской традиции демон – пожиратель душ детей считался опасным до достижения ими семи лет, см.: [Слепцов, 2012: 282]. Впрочем, возможны и другие интерпретации. Л.Н. Семенова считала, что в рассматриваемом выражении кодируется достижение ребенком брачного возраста. Она также отмечала, что упоминаемый в разных вариантах образ очага конкретизирует семантику высказывания как проклятия [Семенова, 2006: 55]. Можно добавить, что очаг почитался якутами и как место, в котором обретаются души еще не родившихся в семье детей, в связи с чем, например, запрещалось разбивать угли на очаге, чтобы случайно не повредить их [Алексеев, 1975: 70].

Помимо эпоса оно фигурирует и в других текстах традиции, например в поговорках (ср. букв. значение поговорки *Атах анныттан абааһы тахсар* / 'Из-под ног черт появляется' [Кулаковский, 1979: 114]), в мифологической прозе (см. сюжет «Сожительство злого духа» [Предания, легенды, 1995: 240–245] и т.д.).

Укажем на то, что, несмотря на открывающийся в аналогичных случаях сюжетопорождающий потенциал проклятия (например, возможность введения нового хода повествования с «реализацией» угрозы и т. д.), он практически всегда остается незадействованным. Вместе с тем в этом, вероятно, проявляется этиологический смысл эпического сюжета, косвенно указывающий на то, что негативные явления актуальной для слушателей действительности являются следствием описанных в повествовании событий, осуществлением *тех* проклятий и угроз.

В предсмертных высказываниях антагониста героя встречается и обратный случай – когда сама возможность произнесения проклятия становится предметом угрозы. При этом не только производится указание на речевой жест злопожелания, но, что важно для нашего исследования, разворачивается и его конкретное содержание:

Өлөн баран / Үөрэн өлөөхтүөм дуо? /
Төрөтөр оҕон / Төннөбөс буоллун диэн /
Төлкөлөөн өлүөм, / Иитэр сүөһүн / Ииннэбэс
буоллун диэн / Этэн өлүөм, / Кэнчээри
ыччатын / Кэлычэркэй буоллун диэн / Этэн
өлүөм / Кырыыс аата кырыыс, / Кырыыс баһа
хааннаах / Кырдыаҕас киһи / Кырыыһым
тийдэҕинэ / Мөкү буолуо. / Өлөрүмэ-
сүтэrimэ [Улуу Даарын 2008: 68].

Умирая, я разве / Радоваться буду? / Ребенок, тобою рожденный, / Пусть убогим будет, – / Посулю перед смертью. / Скот, тобою разведенный, / Слабым пусть станет, – / Скажу перед смертью. / Племя твоё / Пусть хилым будет, – / Скажу перед смертью. / Проклятие

есть проклятие, / Проклятие озаглавлено кровью. / Если проклятие / Пожилого человека настигнет [тебя], / Худо будет. / Не убивай, прошу.

Моделируемый в приведенном отрывке текст «потенциального» проклятия строится путем инвертирования смыслового каркаса расхожей реплики благопожеланий¹ – приемом, в целом свойственным рассматриваемой традиции²; показательно, что «позитивная» форма этого высказывания также произносится антагонистом в его монологе [Там же: 68, стк. 1709–1716]. Заметим, что введением этого мотива герой словно бы ставится в ситуацию выбора, однако выбор этот в сюжетах всегда однозначен – противник уничтожается.

Развиваемая в подобных фрагментах ситуация обнаруживает параллель (а возможно, и генетическую связь) с традиционными представлениями о душе, взятыми в широком типологическом контексте, и некоторой заразной скверне, исходящей не столько от демонического противника, сколько от самого акта убийства (см.: [Неклюдов, 1975]). Представимо, что рассматриваемый мотив («проклятие антагониста») мог возникнуть в традиции как конкретизация или реинтерпретация этой более общей идеи.

3. Существенно, что персонажный тип героя архаических эпических сказаний, характеризующийся исключительной физической силой и свободлюбивым нравом, вместе с тем несет в себе ипостась «богоборца»: выступая защитником своего племени (которое в случае якутского эпоса мыслится как все человечество), он парадоксальным образом словно бы противопоставлен ему. В этом смысле он изначально имеет потенцию становиться объектом проклятия. Эти смысловые потенции реализуются в олонхо в мотиве родительского проклятия герою-богатырю. Обращает на себя внимание тот факт, что они слабо мотивированы и во всех выявленных случаях

¹Ср., например: *иитэр сүөһүгүт күүрүүлэннин, төрөтөр оҕоһун уйаланнын, ыччат киһи-сүөһү төрдө буолун!* / 'пусть скот, вами разводимый, стойлом обзаведется, пусть ребенок, вами рожденный, колыбелью обзаведется, станьте прародителями многочисленного племени людей' [Баһымны баатыр, 1910: 309]. В имеющемся корпусе она встречается 121 раз. Нет сомнения, что реплика в этом значении употреблялась и в текстах «реальных» благопожеланий (см. [Обрядовая поэзия, 2003], тексты №35, 40, 48, 60, 67).

²С.Д. Мухомлева отмечает, что рассмотренные ею благопожелания и проклятия имеют в основном идентичную структуру [Мухомлева, 1991: 130].

представлены не непосредственно, но в пересказе (в виде *мотивов-речей*, по Б.Н. Путилову).

В одном из сюжетов олонхо описывается богатырь, который, как представляется, может быть рассмотрен в ряду героев повествовательного фольклора «с предначертанной судьбой»¹ – родившись в Верхнем мире и обладая недюжей физической силой, он по не вполне ясной причине был предан проклятию и изгнан на землю. Перед смертью он открывает близким тайну своего происхождения. В его монологе пересказывается текст родительского проклятия:

...Үрүг Аар Тойон дүүллээбитинэн икки атаһын – айыы атчыһыттарын аҕаланнар – тобукпунаҥ быһа атчылаабыттары күүспүн мөлтөтө. Онуоха аҕам тойон аҕынньардаабыт, ийэм хотун издэс биэрбит, ол кэҥнэ кыргыстаах халлаан уола Кырбыйа-бухатыыр түһэрбитэ бу дойдуга. Ийэм-аҕам кырыыс кыраан, тыл этэн хаалбыттары: «Бизэс уон алта сааскар тийиэннин ампаарданаар!» диэбиттэрэ, «кэтчэгэй кэскиллэн!» диэннэр, «суорума сорукутан» диэннэр, «итэбэс айыылан!» диэннэр [Элик Боотур 1907: 319].

...по решению *Юрюнг Аар Тойона* привели заклинателей [светлых сил] *айыы*, которые через колени наложили на меня заклятие, чтобы убавить силы. Господин мой отец тогда почувствовал позывы рвоты, госпожа моя мать [мне] щеку показала [т.е. отвернулась], после чего сын воинственного неба *Кырбыйа-богатырь* спустил меня в этот мир. Мои отец и мать остались, произнося проклятие, говоря слова: «Обзаведись амбаром [т.е. могилой] к пятидесяти шести годам!», «Да будет у тебя скупая доля!», «Имей незавидное предназначение!», «Имей ущербную судьбу!».

Обращает на себя внимание тот факт, что словесное воплощение проклятия, на которое производится указание, так же, как и в примере, рассмотренном ранее, имеет стереотипный и пластичный, принимающий различные формы характер. Ср., например, реплику персонажа другого олонхо, которая представляет собой не проклятие, но уже ламентацию: *Сордоох дьайдаах кыыс оҕо төрөөмүн, / Суорума сорукутамыт,*

итэбэс айыыламмыйт эрэийим [Ала Булкун, 1994: 50] / ‘Тяжелая доля моя, что родилась я девушкой с бедственными поступками, незавидным предназначением, ущербной судьбой’.

В другом сюжете кырыыс произносится в наказание за излишнее своеволие и упрямство героя: один из близнецов, не желая разлучаться с братом, спускается с ним с небес на землю против воли родителей, за что получает материнское проклятие. В пересказе небесной шаманки текст проклятия получает следующий вид:

...эн, Баһымны, күүскүнэн кинини кытта түспүтүн. Онуоха ийэн эппитэ: «Эр ортобор тийэрин саҕана эрэи энэрдэнээр!» – диэбитэ [Баһымны баатыр, 1910: 299]

...ты, Басымны, силой с ним [с братом] спустился. Тогда твоя мать сказала: «К моменту наступления твоей зрелости пусть тебе сопутствуют страдания!».

Произнесенное проклятие в этих случаях становится событием, мотивирующим дальнейшее развитие сюжета, подготавливает череду испытаний, через которые предстоит пройти героям.

г) Контекстуально несколько иное значение имеет ситуация произнесения проклятия родителями в адрес невесты, которое также встречается в сюжетах якутского эпоса. Оба выявленных нами эпизода связаны с проявлениями молодыми своеволия и пренебрежения к традициям, вступлением в брак без родительского благословения. Эта ситуация реализуется как «переворачивание» предписанного ритуалом поведения брачующихся и их родителей, что находит выражение и в структурировании пожеланий молодым. Выстраиваясь по модели свадебного алгыса, текст при этом получает противоположное семантическое наполнение. В одном из случаев он дан в пересказе:

Орто дойдуга баран, / Оҕо төрөтүөм, / Олох олоруом, / Ооҕуй баайы байыам диэн, / Биһиги аҕабытын кытта / Көҥүлэ суох / Күүһүнэн кэлэ турбута. / Ол иһин ийэтэ-аҕата, / Дьоно-сэргэтэ / Үтүө тылы этэн, / Үчүгэй алгыһы албаан, / Эннэ-сэтии / Биэрэллэрин оннугар / Төрөтөр оҕон /

¹В сюжете он отнесен к «первому поколению» богатырей, а основная его «функция» заключается в умирании. В этом отношении он близок к былинному Святогору.

Төлкөтө суох буоллун, / Иитэр сүөһүн /
Күрүөтэ суох буоллун, / Уһун олоһу
олороойоһун, / Унаар уоту оттоойоһун, /
Алаһа дьиэни тиирээйэбин, / Аймах дьону
аһатаайабын, / Алтан сэргэни /
Туругурдаайабын, – диэн / Удаһан
дьахтарынан, / Ойуун киһиннэн / Кыраан
ыһыпыттара... [Көр Буурай, 2014: 46–47].

«Придя в Средний мир, / Рожу детей, / Про-
живу жизнь, / Обзаведусь несметным богат-
ством» – думая, / С нашим отцом / Без позволе-
ния [родителей] / Своевольно ушла [из дома]. /
Поэтому мать и отец, / [И] люди [знающие] ее,
/ Вместо того, чтобы сказать хорошие слова, /
Добрый алгыс, / Снарядить приданым, / На-
против, словами / «Пусть рожденное тобой
дитя / Без будущего будет, / Воспитанный то-
бой скот, / Без изгороди будет, / Не проживи же
длинную жизнь, / Не разожги же долгий огонь,
/ Не устрой же теплый дом, / Не угости же род-
ных людей, / Не установи же / Медную коно-
вязь», – / Через женщину-шаманку, / Мужчи-
ну-шамана / Прокляв ее, проводили...

В другом примере аналогичное высказыва-
ние даже определяется как *алгыс* ('благопожела-
ние') [Күлкүл Бөбө, 1909: 234]. Впрочем, из его
содержания проясняется, что такое наименова-
ние употреблено, скорее, в косвенном значении.
Знаменательно, что в подобном «инвертирован-
ном» благопожелании также производится опo-
ра на символы, являющиеся, судя по всему, ос-
новополагающими в концептуализации жизни
человека в изучаемой традиции (*разводить
скот, рожать детей*, часто – и *устанавливать
коновязь*), воплощающими некоторое «правиль-
ное» ее течение. Смыслообразующими в благо-
пожеланиях, использующих эту модель, стано-
вятся идеи возведения границ, выделения *своего*
пространства и *заполнения* его значимым содер-
жимым (ср. обозначение в языке абсолютного
счастья как «полного»: *толору дьол* ('полное/
всестороннее счастье'), а разрушенного – как
«пролитого»: *дьолу тох* ('проливать счастье') и
дериваты). Семантика злопожеланий в эпиче-
ских текстах, как видим, выстраивается как на-

правленная против устойчивости этих границ и
благополучия содержащихся в них объектов.

Следует добавить, что родительское прокля-
тие практически никогда не выступает лишь как
свободный мотив, но, по всей видимости, рас-
цениваясь в «действительном» речевом реги-
стре как один из наиболее весомых и опасных
словесных магических жестов, оказывается зна-
чимым и в сюжетном отношении, мотивируя
все последующие события повествования.

4) К числу мотивов олонхо, включающих
проклятия своим основным элементом, как от-
мечалось, относятся и специфические случаи, в
которых герой оказывается жертвой женского
проклятия. Есть основания рассматривать эти
элементарные сюжеты в рамках распространен-
ного мотива любовного преследования героя
женщиной с магическими способностями¹. Со-
держание обоих выявленных элементарных сю-
жетов обнаруживает значительные черты сход-
ства и может быть резюмировано следующим
образом: к герою обращается девушка-шаманка
с просьбой угостить охотничьей добычей («Дьу-
ура Бөбө») / угоститься ее едой – молочными
продуктами («Мас Батыя») – герой отказывает
в просьбе – девушка проклинает героя². Злопо-
желание сбывается, и повествование подходит к
тем элементам сюжета, которые, пользуясь ме-
таязыком В.Я. Проппа, можно было бы обозна-
чить как «вредительство» и «отправление».

В самой ситуации обращения с требованием
или предложением угощения, подчеркнуто свя-
занного с типично мужскими и женскими хо-
зяйственными занятиями (охота, заготовка мо-
лочных продуктов), прочитывается определен-
ный матримониальный подтекст. Следова-
тельно, оба этих варианта могут быть интерпрети-
рованы как попытки самопросватания девушки.
Вполне возможно, что за задействованными
здесь символами пищевого «кода» стоят и не-
которые элементы ритуального обихода. Напри-
мер, согласно этнографическим исследованиям,
единственной допускаемой формой коммуника-
ции между брачующимися в ходе якутской
свадьбы, была передача угощения [Романова,
1999: 151].

¹Ср. [Thompson, 1956: E501.5.1.3, E501.5.2].

²Этот же сюжет (о предложении женщиной еды путнику), вписанный в реалистичный контекст, находим в
«Образцах...» Э.К. Пекарского уже в виде рассказа [Кириисэлиир Кириилэ, 1911].

Обратимся к фрагменту, в котором излагается одно из рассматриваемых проклятий:

Мас Батыйа Бухатыыр, / Нохоо, нохоо, /
Кыһыннары-сайыннары ирбэт / Курсуйа
турар / Хаар балаҕан дьиэн / Уулан тоҕуннун!
/ Халлаан халырыга хачыыскан / Халтырыйбат
буоллун! / Көй салгын аһылыгын /
Тыаллырбат буоллун! / Сиир симиэртэн
силгэнэр, / Аһыыр адьарайтан араҕаччыланар
/ Суос-соботох көрдөр хараҕын, / Көтүлүннэр
тийһин – / Мас батыйаҕын – / Уоран ыллаҕым
буоллун! / Кырыыс эрэ кырыыс, / Алгыс эрэ
алгыс. / Кырыыс баһа хааннаах, / Алгыс баһа
сыалаах! [Мас Батыйа 2008: 111–112].

Богатырь *Мас Батыйа*, / Эй, парень, эй, па-
рень, / Зимой и летом не оттаивающее, / Неиз-
менно стоящее / Твое снежное жилище-*бала-
ган* / Пусть истечет-растает! / Твои лыжи-не-
бесные вихри / Пусть не скользят больше! /
Свежий воздух-твое питание / Пусть не дует
больше! / От гроззящей смерти защищающую,
/ От прожорливых чудовищ обороняющую – /
Единственную, как зеница ока, / Как способ-
ный разрушиться зуб, / Деревянную пальму
твою / Да украду же я! / Проклятие же, про-
клятие, / Алгыс же, алгыс. / Проклятие оза-
главлено кровью, / Алгыс озаглавлен жиром!

В этом эпизоде сегменты текста проклятия повторяют структурные элементы имени героя, которое в рассматриваемом варианте звучит как *Көй салгын тыал аһылыктаах турулуур-
тууттаах, харылыыр хаалыктаах, кыһыннары-
сайыннары ирбэт курсуйа турар хаар балаҕан
дьиэлээх Мас Батыйа бухатыыр* / «Свежим воз-
духом питающийся, с гудящими охотничьими
лыжами, со скрипящими лыжными палками, с
неизменным не оттаивающим зимой и летом
снежным жилищем богатырь *Мас Батыйа* (‘Де-
ревянная Пальма’)', тем самым оказываясь на-
правленными против явлений, поддерживаю-
щих его жизнь и составляющих основу его ин-
дивидуальности.

Семантически текст подобного проклятия (строящегося по модели сложного имени) вряд

ли мог иметь аналоги в реальном речевом обиходе якутов, и в этом отношении, как представляется, он целиком принадлежит области повествовательного фольклора. В то же время в нем определяемы структурные признаки проклятия: императивные конструкции (в том числе и обращенные к самому субъекту речи), возгласы с наименованием речевого акта, актуализирующие его. В последнем, впрочем, упоминается и жанр благопожеланий. Возможно, употребление этой дефиниции здесь десемантизировано и находится в связи с устойчивыми речевыми оборотами, зачастую ставящими *кырыыс* и *алгыс* в антонимичные параллельные ряды¹.

IV. Обсуждение. Проблема соотношения словесной деятельности, моделируемой в нарративном фольклоре, с реальной речевой практикой носителей традиции имеет многоаспектный характер и, по-видимому, не имеет односложного решения. В ее исследовании, как представляется, важно учитывать следующее: 1) эпос в жанровом пространстве архаического фольклора часто является одной из доминант, в «силовом поле» которой в той или иной мере оказываются все другие формы, в особенности повествовательные [Мелетинский и др., 1994: 67], но также и близкие по стилистическому регистру ритуализованные и собственно обрядовые жанры; 2) монологи персонажей эпоса, взятые в общем виде, представляют собой конструируемые высказывания, своеобразный «текст в тексте», когда предметом словесного изображения становится сама речевая деятельность, в эпическом жанре ассоциируемая с «ранней», предисторической эпохой. Последнее качество нередко оказывается акцентированным в повествовании. В связи с этим в отношении рассматриваемого предмета целесообразно ожидать стремления дифференцироваться от обыденного речевого узуса, что отразилось бы в первую очередь в подборе языковых средств (архаизация стиля, усложнение формы исполнения и т.д.). Обнаруживаемые в записях эпоса примеры проклятий могут быть показательны в исследовании представлений самой устной традиции

¹Ср. устойчивые выражения типа: *алгыс баһа сыалаах, кырыыс баһа хааннаах* / «алгыс озаглавлен жиром, проклятие озаглавлено кровью» (встречается в приведенном примере), *алгыстаах албаабыт, кырыыстаах кыраабыт* / «благопожелатель произнес алгыс, проклинатель произнес проклятие», *кырыыстаах-алгыстаах кыһыл тыл* / «красный язык, обладающий способностью произносить проклятия и алгысы» и под.

о дискурсивных практиках прошлого, о функциях и негласных правилах использования слова.

У. Заключение. Итак, *кырыыс* предстает как самостоятельный, но в целом менее продуктивный, по сравнению с другими ритуальными речениями, сюжетный элемент якутского эпоса. Несмотря на большой сюжетопорождающий потенциал проклятия как повествовательного мотива, о чем свидетельствуют данные мирового фольклора, его объем в текстах олонхо невелик. Возможно, косвенным образом это обусловлено существующим в традиции запретом на произнесение злопожеланий. Обращает на себя внимание тот факт, что случаев конкретизации текстов проклятий в связанных с ними мотивах больше, чем одних упоминаний. Однако арсенал способов их вербального воплощения довольно однообразен. Наиболее употребительным способом конструирования проклятий в эпическом нарративе становится смысловое инвертирование формул благопожеланий; вместе с тем в частных случаях текстуализация проклятия может опираться и на специфические словесные структуры, например, именные формулы эпоса. В связи с отсутствием у жанра проклятия «сильных» маркеров, однозначно указывающих на него, в условиях устной наррации, как кажется, возникала необходимость в дополнительных средствах его атрибуции. В частности, центром перформативного речевого акта зачастую оказывается его прямое название: *кыраан этэн эрэбин* / ‘проклиная говорю’, *кырыыс эрэ кырыыс* / ‘проклятие же, проклятие’ и т.п.

Рассмотрение текстов проклятий, моделировавших в эпическом повествовании олонхо, при их очевидной разности с реальными контекстами бытования малоизученного речевого жанра *кырыыс*, позволяет составить представление об общих ценностных ориентациях традиции, важных в исследовании многих других ее элементов.

Список литературы:

- Ала Булкун: олонхо [Сказитель Т.В. Захаров-Чээбий]. Якутск: Сахаполиграфиздат, 1994. 109 с.
- Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. 317 с.
- Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1975. 210 с.
- Архипова А.С. Проклясть по-монгольски // Пространство колдовства: сб. статей [Сост. О.Б. Христофорова]. М.: РГГУ, 2010. С. 214–228.
- Баһымны Баатыр Эрбэхтэй Бэргэн икки // Образцы народной литературы якутов, собранные Э.К. Пекарским. Ч. 1. Вып. 4. СПб.: Имп. АН, 1910. С. 281–310.
- Басангова Т.Г. Специфика жанра проклятий в фольклоре калмыков // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 4. С. 120–123.
- Гоголев А.И. Истоки мифологии и традиционный календарь якутов. Якутск: Изд-во ЯГУ, 2002. 98 с.
- Гусев В.Ю. Типология императива. М.: Языки славянской культуры, 2013. 334 с.
- Дырай Бэргэн: олонхо [Самозапись У.Г. Нохсорова]. Якутск: Бичик, 2009. 333 с.
- Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. М.: Наука, 1980. 375 с.
- Ефимова Л.С. Алгыс саха (якутов) в свете фольклорных традиций тюрко-монгольских народов Сибири. Новосибирск: Наука, 2013. 178 с.
- Золотова Г.А. Композиция и грамматика // Язык как творчество: Сб. науч. трудов к 70-летию В.П. Григорьева. М.: ИРЯ РАН, 1996. С. 284–296.
- Ини-бии Айыыһыт сизэнэ Ала Хара, Иэйэхсит сизэнэ Илэ Хара // Образцы народной литературы якутов, собранные Э.К. Пекарским. Ч. 1. Вып. 4. СПб.: Имп. АН, 1910. С. 396–400.
- Кириисэлиир Кириилэ // Образцы народной литературы якутов, собранные Э.К. Пекарским. Ч. 1. Вып. 5. СПб.: Имп. АН, 1911. С. 469–470.
- Көр Буурай: олонхо [Текст Н.С. Александрова]. Якутск: Бичик, 2014. 333 с.
- Кулаковский А.Е. Научные труды. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1979. 483 с.
- Күлкүл Бөбө онгонньор Силирикээн эмээхсин икки // Образцы народной литературы якутов, собранные Э.К. Пекарским. Ч. 1. Вып. 3. СПб.: Имп. АН, 1909. С. 195–280.
- Кыыдааннаах Кыыс Бухатыыр: олонхо [Сказитель М.Н. Горехов]. Якутск: Бичик, 2016. 205 с.
- Макаров С.С. Алгысы в якутском эпосе олонхо: структура, типология, статус // Проблемы востоковедения. 2017. № 4 (78). С. 96–101.
- Мас Батыйа бухатыыр: олонхо [Сказитель П.Н. Назаров] // Орто Халыма олонхолоро. Якутск: Бичик, 2008. С. 109–141.
- Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С. Статус слова и понятие жанра в фольклоре // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания [Отв. ред. П.А. Гринцер]. М.: Наследие, 1994. С. 39–104.
- Могучий Эр Соготох: якутский героический эпос [Сказитель В.Е. Каратаев]. Новосибирск: Наука, 1996. 437 с.

Мухоплева С.Д. Олонхо и закликательные песни-алгысы // Поэтика эпического повествования: сб. статей [Отв. ред. В.М. Никифоров]. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1993. С. 64–71.

Мухоплева С.Д. Якутские проклятия-кырыыс // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1991. С. 119–131.

Неклюдов С.Ю. Душа убиваемая и мстящая // Ученые записки Тартуского университета. 1975. № 394. С. 65–75.

Ньургун Бэбэ: олонхо [Сказитель Н.А. Абрамов]. Якутск: Бичик, 2011. 509 с.

Обрядовая поэзия саха (якутов) [Сост. и подг. текстов Н.А. Алексеев, П.Е. Ефремов, В.В. Илларионов]. Новосибирск: Наука, 2003. 505 с.

Предания, мифы и легенды якутов [Вступит. статья, подг. текстов, переводы и комм. Н.А. Алексеев, Н.В. Емельянов, В.Т. Петров]. Новосибирск: Наука, 1995. 395 с.

Решетникова А.П. Музыка якутских олонхо // Кыыс Дэбиллэй: якутский героический эпос. Новосибирск: Наука, 1993. С. 26–69.

Романова Е.Н. Мифология и ритуал в якутской традиции: Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.07. М., 1999. 388 с.

Романова Е.Н. Якутский праздник Ысыах: Истоки и представления. Новосибирск: Наука, 1994. 160 с.

Семенова Л.Н. Эпический мир олонхо: пространственная организация и сюжетики. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 228 с.

Слепцов П.А. Семья и родильная обрядность // Якуты (саха) [Отв. ред. З.П. Соколова, Е.Н. Романова]. М.: Наука, 2012. С. 276–285.

Толстая С.М. Вербальные ритуалы в славянской народной культуре // Логический анализ языка. Язык речевых действий [Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева]. М.: Наука, 1994. С. 172–177.

Улуу Даарын бухатыр: олонхо [Сказитель М.Т. Шараборин]. Якутск: Бичик, 2008. 270 с.

Элик Боотур Ньыгыл Боотур икки // Образцы народной литературы якутов, собранные Э.К. Пекарским. Ч. 1. Вып. 1. СПб.: Имп. АН, 1907. С. 311–395.

Thompson S. Motif-Index of Folk-Literature [Reviewed and enlisted by Stith Thompson]. Volume 2 (D-E). Copenhagen: Rossenkilde & Bagger, 1956. 517 p.

Словари:

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Т. I–III. 2-е изд. М.: Изд. АН СССР, 1958–1959. 3858 стлб.

References:

Ala Bulkun: olonkho. Skazitel' T.V. Zakharov-Cheebiy [Ala Bulkun: Yakut Epic. Text by T.V.

Zakharov]. Yakutsk: Sakhapoligrafizdat Publ., 1994. 109 p. (In Yakut).

Alekseev N.A. *Rannie formy religii tyurkoyazychnykh narodov Sibiri* [Early forms of religion of the Turkic-speaking peoples of Siberia]. Novosibirsk: Science Publ., 1980. 317 p. (In Russian).

Alekseev N.A. *Traditsionnye religioznye verovaniya yakutov v XIX – nachale XX veka* [Traditional religious beliefs of the Yakuts in the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Science Publ., 1975. 210 p. (In Russian).

Arkhipova A.S. Proklyast' po-mongol'ski [How to curse in Mongolian]. *Prostranstvo koldovstva: sbornik statei. Sostavitel' O.B. Khristoforova* [Space of witchcraft: Collection of papers. Compiled by O.B. Khristoforova]. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ., 2010. Pp. 214–228. (In Russian).

Basangova T.G. Spetsifika zhanra proklyatiy v fol'klоре kalmykov [Specificity of the genre of curses in the folklore of the Kalmyks]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia]. № 4. 2008. Pp. 120–123. (In Russian).

Bahymn'y Baatyr Erbekhtey Bergen ikki [Bahymn'y Baatyr and Erbekhtey Bergen]. *Obraztsy narodnoy literatury yakutov, sobrannye E.K. Pekarskim* [Samples of Yakut folk literature collected by E.K. Pekarsky]. Part I. Volume 4. St. Petersburg, 1910. Pp. 281–310. (In Yakut).

Dyyray Bergen: olonkho. Samozapis' U.G. Nokhsorova [Dyyray Bergen: Yakut epic. Text by U.G. Nokhsorov]. Yakutsk: Bichik Publ., 2009. 333 p. (In Yakut).

Efimova L.S. *Algys sakha (yakutov) v svete fol'klornykh traditsiy tyurko-mongol'skikh narodov Sibiri* [Algys of Sakha (Yakuts) in context of folklore traditions of the Turkic-Mongolian peoples of Siberia]. Novosibirsk: Science Publ., 2013. 178 p. (In Russian).

Elik Bootur N'ygyt Bootur ikki [Elik Bootur and N'ygyt Bootur]. *Obraztsy narodnoy literatury yakutov, sobrannye E.K. Pekarskim* [Samples of Yakut folk literature collected by E.K. Pekarsky]. Part I. Volume 1. St. Petersburg, 1907. Pp. 311–395. (In Yakut).

Emel'yanov N.V. *Syuzhety yakutskikh olonkho* [Plots of the Yakut epic]. Moscow: Science Publ., 1980. 375 p. (In Russian).

Gogolev A.I. *Istoki mifologii i traditsionnyy kalendar' yakutov* [The origins of Mythology and the Traditional Calendar of the Yakuts]. Yakutsk: Yakutsk State University Publ., 2002. 98 p. (In Russian).

Gusev V.Yu. *Tipologiya imperativa* [Typology of imperative]. Moscow: The Languages of Slavic Culture Publ., 2013. 334 p. (In Russian).

Ini-bii Ayyyhyt siene Ala Khara, Ieyekhsit siene Ile Khara [Two brothers: Grandson of Ayyyhyt Ala Khara and the grandson of Ieyekhsit Ile Khara]. *Obraztsy narodnoy literatury yakutov, sobrannye E.K. Pekarskim* [Samples of Yakut folk literature collected by E.K. Pek-

arsky.]. Part I. Volume 4. St. Petersburg, 1910. Pp. 396–400. (In Yakut).

Ker Buuray: Olonkho. Tekst N.S. Aleksandrova [Ker Buuray: Yakut Epic. Text by N.S. Aleksandrov]. Yakutsk: Bichik Publ., 2014. 333 p. (In Yakut).

Kiriiseliir Kiriile [Kiriiseliir Kiriile]. *Obraztsy narodnoy literatury yakutov, sobrannye E.K. Pekarskim* [Samples of Yakut folk literature collected by E.K. Pekarsky]. Part. I. Volume 5. St. Petersburg, 1911. Pp. 469–470. (In Yakut).

Kulakovskiy A.E. *Nauchnye trudy* [Scientific Works]. Yakutsk: Yakutsk State Publishing House, 1979. 483 p. (In Russian).

K'ulk'ul Bege ogonn'or Silirikeen emeekhsin ikki [The old man K'ulk'ul Bege and old woman Silirikeen]. *Obraztsy narodnoy literatury yakutov, sobrannye E.K. Pekarskim* [Samples of Yakut folk literature collected by E.K. Pekarsky]. Part 1. Volume 3. St. Petersburg, 1909. Pp. 195–280. (In Yakut).

Kyydaannaakh Kyys Bukhatyyr: *olonkho* [Kyydaannaakh Kyys Bukhatyyr: Yakut epic. Text by M.N. Gorokhov]. Yakutsk: Bichik Publ., 2016. 205 p. (In Yakut).

Makarov S.S. Algysy v yakutskom epose Olonkho: struktura, tipologiya, status [Algyses in the Yakut epic Olonkho: structure, typology, status]. *Problemy vostokovedeniya* [The Problems of Oriental Studies], № 4(78), 2017. Pp. 96–101. (In Russian).

Mas Batyya bukhatyyr [The hero Mas Batyya: Yakut epic. Text by P.N. Nazarov]. *Orto Khalyma olonkholoro* [Epics of the Srednekolymsky District]. Yakutsk: Bichik Publ., 2008. Pp. 109–141. (In Yakut).

Meletinskiy E.M., Nekljudov S.Yu., Novik E.S. Status slova i ponyatie zhanra v fol'klore [The Status of the word and the concept of genre in folklore]. *Istoricheskaya poetika. Literaturnye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniya: Sbornik statei. Otvetstvennyi redaktor P.A. Grintser* [Historical poetics. Literary eras and types of artistic consciousness: Collection of papers. Edited by P.A. Grintser]. Moscow: Haritage Publ., 1994. Pp. 39–104. (In Russian).

Moguchiy Er Sogotokh: olonkho. Skazitel' V.E. Karataev [The Strong Er Sogotokh: Yakut epic. Text by V.E. Karataev]. Novosibirsk: Science Publ., 1996. 437 p. (In Yakut).

Mukhopleva S.D. Olonkho i zaklinatel'nye pesni-algysy [Olonkho and incantatory songs-algyses]. *Poetika epicheskogo povestvovaniya: sbornik statei. Otvetstvennyi redaktor V.M. Nikiforov* [The poetics of epic storytelling: Collection of papers. Edited by V.M. Nikiforov]. Yakutsk: Yakutsk Scientific Centre Publ., 1993. Pp. 64–71. (In Russian).

Mukhopleva S.D. Yakutskie proklyatiya-kyryys [Yakut curses kyryys]. *Fol'klornoe nasledie narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka: sbornik nauchnykh trudov. Redkol-*

legiya V.M. Gatsk i drugiye [Folklore heritage of the people of Siberia and the Far East: Collection of papers. Editorship: V.M. Gatsak et al.]. Yakutsk: Yakutsk Scientific Centre Publ., 1991. Pp. 119–131. (In Russian).

Nekljudov S.Yu. Dusha ubivaemaya i mstyashchaya [A slain and revenge soul]. *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta* [Memoirs of the University of Tartu]. 1975. № 394. Pp. 65–75.

N'urgun Bege: olonkho. Skazitel' N.A. Abramov [N'urgun Bege: Yakut epic. Text by N.A. Abramov]. Yakutsk: Bichik Publ., 2011. 509 p. (In Yakut).

Obryadovaya poeziya Sakha (yakutov). Sostaviteli N.A. Alekseev, P.E. Efremov, V.V. Illarionov [Ritual Folklore of the Sakha (Yakuts). Compiled by N.A. Alekseev, P.E. Efremov, V.V. Illarionov]. Novosibirsk: Science Publ., 2003. 505 p. (In Yakut).

Pekarskiy E.K. *Slovar' yakutskogo yazyka* [Dictionary of the Yakut Language]. Volumes I–III. Sec. ed. Moscow: Academy of Sciences of USSR Publ., 1958–1959. 3858 columns. (In Russian).

Predaniya, mify i legendy yakutov. Sostaviteli N.A. Alekseev, N.V. Emel'yanov, V.T. Petrov [Oral stories, myths, legends of the Yakuts. Compiled by N.A. Alekseev, N.V. Emel'yanov, V.T. Petrov]. Novosibirsk: Science Publ., 1995. 395 p. (In Yakut).

Reshetnikova A.P. Muzyka yakutskikh olonkho [Music of the Yakut Olonkho]. *Kyys Debiliye: yakutskii geroicheskiy epos* [Kyys Debiliye: Yakut heroic epic]. Novosibirsk: Science Publ., 1993. Pp. 26–69. (In Russian).

Romanova E.N. *Mifologiya i ritual v yakutskoy traditsii* [Mythology and ritual in the Yakut tradition]: DcS dissertation in History. Moscow, Russia, 1999. 388 p. (In Russian).

Romanova E.N. *Yakutskiy prazdnik Ysyakh: Istoki i predstavleniya* [Yakut celebration Ysyakh: Origins and ideas.]. Novosibirsk: Science Publ., 1994. 160 p. (In Russian).

Semenova L.N. *Epicheskiy mir olonkho: prostranstvennaya organizatsiya i syuzhetika* [The epic world of Olonkho: Spatial organization and plot]. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies Publ., 2006. 228 p. (In Russian).

Sleptsov P.A. Sem'ya i roditel'naya obryadnost' [Family and childbirth rituals]. *Yakuty (Sakha). Otvetstvennye redaktory N.D. Arutyunova, N.K. Ryabtseva* [The Yakuts (Sakha). Edited by Z.P. Sokolova, E.N. Romanova]. Moscow: Science Publ., 2012. Pp. 276–285. (In Russian).

Thompson Stith. Motif-index of folk-literature [Reviewed and enlisted by Stith Thompson]. Volume 2 (D-E). Copenhagen: Rossenkilde & Bagger, 1956. 517 p.

Tolstaya S.M. Verbal'nye ritualy v slavyanskoy narodnoy kul'ture [Verbal Rituals in Slavic Folk Culture]. *Logicheskii analiz yazyka. Yazyk rechevykh deyst-*

viy: *sbornik statei. Otvetstvennyie redaktory N.D. Arutyunova, N.K. Ryabtseva* [Logical analysis of language. Language of speech actions: Collection of papers. Edited by N.D. Arutyunova, N.K. Ryabtseva]. Moscow: Science Publ., 1994. Pp. 172–177. (In Russian).

Uluu Daaryn bukhatyir: olonkho. Skazitel' M.T. Sharaborin [Uluu Daaryn bukhatyir: Yakut epic. Text by M.T. Sharaborin]. Yakutsk: Bichik Publ., 2008. 270 p. (In Yakut).

Zolotova G.A. *Kompozitsiya i grammatika* [Composition and grammar]. *Yazyk kak tvorchestvo: sbornik nauchnykh trudov. Redkolegiya: Z.Yu. Petrova, N.A. Fateeva* [Language as creativity: Collection of papers. Editorship: Z.Yu. Petrova, N.A. Fateeva]. Moscow: Russian Language Institute of RAS Publ., 1996. Pp. 284–296. (In Russian).

S.S. Makarov

The Curses in the Plots of the Yakut Epos: Motifs and Texts

Scientific novelty. In the paper, for the first time on a fairly representative sample, an analytical description of the curse texts found in the records of the Yakut epos (Olonkho) is proposed. *The aim of the article* is to introduce into scientific circulation information about the features of modeling the speech genre of curse in the texts of the Yakut epos. The study solves the following particular *tasks*: the most typical plot situations are identified, the content of which is a speech act of curse; the characteristic motifs is analyzed; a review of the speech means with the help of which utterances of this type were objectified in the Olonkho texts is carried out. The study of small speech forms of Yakut folklore is an urgent scientific objective. The appeal to the epic genre sheds light on both the concepts of the structure and functions of curses that existed in the oral tradition of the Yakuts, and the principles and means of text generation of Olonkho. The study is based on a wide sample of records of the Yakut epos (includes more than fifty records of different times). *Research methods.* In the development of this material, the method of comparative typological analysis of folklore texts was used. *Results.* The examination shows that, appearing in simulated narrative contexts, the texts of the ill-wishes of the olonkho characters are somewhat different from the usual type of genre in everyday speech practice. At the same time, the analysis undertaken allows us to identify the axiological dominants of traditional culture. The topic of kyryys in the epic concerns not only health and economic well-being, but also the social life of an individual: stability of family relations, prolongation of the clan, an honest name, good memory. The most common way of composing curses in Olonkho epic narrative is the semantic inversion of traditional formulas for good wishes.

Keywords: Yakut folklore, heroic epos, curse, kyryys, speech act, Olonkho (an epos of Yakuts)

A.C. Ларионова, А.Н. Данилова, Н.А. Оросина

DOI: 10.25693/SVGV.2021.35.2.008

УДК 001.89:398(=512.157)

История становления полевых исследований по фиксации фольклора народа саха

Научная новизна. Статья посвящена изучению становления собирательской деятельности известных якутских исследователей в 30–40-е гг. XX века: А.А. Саввина, М.Н. Жиркова и их корреспондентов.

Целью статьи является научное осмысление методов полевой работы по фиксации фольклорных материалов в текстовой и нотной записях в период становления якутской фольклористики.

© Ларионова А.С., Данилова А.Н., Оросина Н.А., 2021

В соответствии с этим поставлены следующие *задачи*: определение основных принципов А.А. Саввина и его корреспондентов при фиксации текстов якутского эпоса олонхо; выявление специфики сбора якутского музыкального фольклора М.Н. Жирковым и его корреспондентами.

Методы исследования. Для осуществления поставленной цели и задач использованы описательный, сравнительно-сопоставительный методы, а также текстологический анализ архивных рукописей.

Результаты. Рассматриваются особенности фиксации рукописных текстов якутского эпоса олонхо, записанных фольклористом, этнографом А.А. Саввиным и его корреспондентами в рамках Вилуйской фольклорно-этнографической экспедиции 1938 г. Корреспондентами выступали учителя и ученики сельских школ районов Вилуйского округа. Ими было записано шесть полных текстов олонхо. В целом стремились зафиксировать архаический слой традиции. Выявлены основные принципы фиксации А.А. Саввина, такие как запись исключительно «с голоса», запись биографических сведений о сказителях наряду с основным текстом, обязательная проверка записей корреспондентов, объяснение архаизмов и диалектизмов, наличие постскриптумов и комментариев. Впервые созданная им сеть корреспондентов впоследствии способствовала функционированию сети корреспондентов как одного из перспективных направлений Института языка и культуры при СНК ЯАССР.

Проанализирована совместная работа композитора и музыковеда М.Н. Жиркова с корреспондентами по фиксации традиционных напевов якутов. В качестве корреспондентов привлечены не только местные грамотные жители и активисты населенных пунктов, но и артисты организованного им в 1936 г. первого национально-го хора. Корреспондентами-активистами предоставлены сведения об исполнителях и произведениях фольклора. Корреспондентами-хористами проведен отбор наиболее интересных и старинных якутских народных песен, которые М.Н. Жирков нотировал с их «голоса». Благодаря деятельности М.Н. Жиркова и его корреспондентов по сбору якутских народных песен впервые были зафиксированы многие жанры и реликтовые образцы якутской традиционной песенности.

Таким образом, в материалах, собранных в период становления якутской полевой фольклористики, отражается богатство и многообразие якутской фольклорной традиции, а также ее архаичность и уникальность в качестве объекта для исследований.

Ключевые слова: устная традиция, собирательская деятельность, музыкальный фольклор, якутский эпос олонхо, якутская народная песня, методы фиксации фольклора

I. Введение. В якутской фольклористике и этномузыкознании осмысление истории сбора экспедиционных материалов, в частности выявление и исследование особенностей фиксации текстовых и нотных записей в рамках изучения собирательской деятельности первых исследователей, считаются одним из актуальных направлений. К примеру, уникальность материалов Вилуйской фольклорно-этнографической экспедиции 1938 г. заключается в том, что в них отражаются не только локальные особенности устной традиции данного региона, но и многообразие якутской традиционной культуры в целом. Научное наследие Вилуйской и Северной экспедиций, организованных Институтом языка и культуры при СНК ЯАССР, высоко оценивалось рядом исследователей различных направлений [Аластыров, 2007; Покатилова, 2017] и др.

Участники экспедиции А.А. Саввин и С.И. Боло совместно с корреспондентами собрали богатый материал по фольклору, этнографии и языку. Полевая работа А.А. Саввина и С.И. Боло основывалась на «системном представлении о фольклоре как определенной целостности, имеющей особые, устные механизмы функционирования» [Покатилова, 2017: 133]. В ходе полевых исследований в задачи участников экспедиции входила фиксация наиболее архаичного слоя устной традиции во всем многообразии и разноплановости жанровой репрезентации. Количество собранных фольклорных материалов по «Отчету о работе Вилуйской экспедиции А.А. Саввина» («Отчет») составляет: тексты олонхо – 6, тексты народных песен – 43, тексты обрядовых песен и заклинаний – 19, тексты скороговорок-*чабыргах* – 74, тексты сказок – 20, тексты загадок и пословиц – 1509¹.

¹Рукописный фонд Архива Якутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (РФ АЯНЦ СО РАН). Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 270. Л. 9.

По сбору якутских народных песен требуется выработка определенной методики записи, так как в период 1930-40-х гг. в Якутии отсутствовали нотные записи многих жанров традиционного песенного фольклора народа саха. Вплоть до настоящего времени отсутствуют новые нотные сборники якутских народных песен. Последний сборник «Образцы якутского песенного фольклора» Э.Е. Алексеева и Н.Н. Николаевой был издан только в 1981 г. [Алексеев, Николаева, 1981]. Также важен в наши дни сбор якутского песенного фольклора, когда исчезают целые пласты жанров и стилей якутской народной песенности, поэтому изучение методов работы собирателей и корреспондентов по сбору якутских народных песен является актуальным.

Первый якутский профессиональный композитор и музыковед М.Н. Жирков вел активную фольклористическую деятельность. Он провел первые экспедиции по сбору материалов по якутской народной песне в вилюйскую и центральную группу улусов. Во время Вилюйской экспедиции 1943 г. им зафиксировано 35 нотных записей танцевальной музыки – это осуохай (обрядовый круговой танец-песня) и танцевальные напевы, 42 нотных записей ырыа (песня), тойуков (песнопение), алгысов (благопожелание), напевов хабарҕа ырыата (горловое пение), напева предсмертного пения, напевов поэмы-тойука и песенных разделов якутского героического эпоса олонхо. В центральной группе улусов в 1950 г. записано 265 песен дэҕэрэн ырыа (подвижное, ритмичное, порывистое пение), тойуков, напевов танцев и песенных разделов якутских сказаний.

Целью исследования является изучение истории становления полевой работы по сбору якутского фольклора А.А. Саввиным, М.Н. Жирковым и их корреспондентами.

II. Материалы и методы. Методологической основой исследования стали труды Г.Г. Алексеевой [Алексеева, 1994], Н.И. Головневой [Головнева, 1981], М.Н. Жиркова [Жирков, 2017], Г.М. Кривошапко [Кривошапко, 1982] и Р. Харрис [Harris, 2017]. В работе опирались на «Особенности полевых исследований в фиксации фольклора народов Якутии в 40-е гг. XX в.» [Данилова, Ларионова, Чарина, 2019], «Корреспонденты А.А. Саввина как фиксаторы

текстов якутского эпоса олонхо (по материалам Вилюйской экспедиции 1938 г.)» [Оросина, 2019], «Первые научные корреспонденты: к проблеме сбора фольклорного материала в Якутии в 1930-40 гг. XX в.» [Danilova, Larionova, Orosina, Charina, 2020], «Особенности полевых исследований первого якутского композитора М.Н. Жиркова» [Ларионова, 2017].

Материалом исследования выступают записи текстов якутского эпоса олонхо, собранные А.А. Саввиным и его корреспондентами в рамках Вилюйской экспедиции 1938 г., а также нотные записи М.Н. Жиркова материалов Вилюйской экспедиции 1943 г. и песни, записанные с «голоса» его корреспондентов. Новизной считается исследование особенностей сбора информации об исполнителях фольклора и народных напевах якутов от корреспондентов-активистов и фиксации якутских народных песен от корреспондентов-хористов в период активного бытования якутского фольклора.

III. Результаты. А.А. Саввин и его корреспонденты: особенности фиксации текстов якутского эпоса олонхо. Становление полевых исследований якутского фольклора в Якутии началось с деятельности первых якутских фольклористов С.И. Боло и А.А. Саввина, которые в 1938 г. организовали первую экспедицию в вилюйскую группу улусов. Из-за ограниченного количества времени и громадной территории исследуемого Вилюйского округа продуктивный сбор материалов для участников Вилюйской экспедиции 1938 г. не представлялся возможным. Впоследствии ими было предпринято решение применять стационарный подход с участием местных корреспондентов. Вербовка корреспондентов в первую очередь производилась среди учительской интеллигенции и учеников школ с целью постоянного сбора материалов и по мере накопления отправки их в институт. Благодаря совместной работе с корреспондентами было собрано достаточное количество не только фольклорных, но и этнографических материалов. Их научная ценность состоит в жанровом многообразии и в том, что они были собраны еще в «живом» бытовании.

А.А. Саввиным и его корреспондентами зафиксировано всего 6 текстов якутского эпоса олонхо, из которых 3 текста записано А.А. Сав-

виным, 2 текста – корреспондентами, а один текст имеет смешанный тип, т.е. зафиксирован А.А. Саввиным и корреспондентом.

А.А. Саввиным было записано всего три текста олонхо: «Төбөт Мэник бухатыыр» («Богатырь Төбөт Мэник») С.И. Еремеева–Дэдэгс из Вилуйского улуса, «Одун Чуураа бухатыыр» («Богатырь Одун Чура») С.С. Афанасьева и «Уол Дуолан бухатыыр» («Богатырь Уол Дуолан») М.З. Мартынова из Сунтарского улуса. Впоследствии два олонхо были изданы в рамках республиканской серии «Саха боотурдара» («Якутские богатыри») [Уол Дуолан бухатыыр, 2010] и XI республиканского национального праздника Ысыах Олонхо [Еремеев, 2017].

Фиксация текстов производилась с «голоса», позднее возвращался к ним для работы над совершенствованием аутентичного языка сказителя. Собственные записи делал карандашом, иногда синими чернилами в дневниках, на бумаге разного размера и цвета. Относительно методологии своих полевых работ по сбору текстов олонхо А.А. Саввин писал так: «Все олонхо записаны под диктовку, причем сказитель, делая небольшие паузы, растягивая каждое слово, почти безостановочно продолжает декламировать свои стихи, в большинстве случаев хорошо ими заученные в процессе бесчисленных повторений в своих выступлениях перед публикой. В некоторых случаях, когда сказитель путается, он тут же исправляет свою ошибку или же исправляет, немного погодя, при чтении записанного текста»¹.

На основе текстологического анализа рукописей выявлены следующие основные принципы фиксации текстов олонхо А.А. Саввиным. Он выполнял такие действия:

1) перед записью текста олонхо предварительно слушал живое исполнение олонхосута, отмечая у себя ключевые моменты сюжета;

2) тексты записывал исключительно с «голоса», позднее возвращался к ним для работы над совершенствованием аутентичного языка сказителя;

3) делал комментарии в виде определения архаизмов и диалектизм, посткриптумов, текстологических замечаний;

4) наряду с текстами фиксировал биографические сведения и составлял учет сказителей-олонхосутов Вилуйского региона.

В рамках экспедиционной деятельности А.А. Саввиным впервые была создана сеть корреспондентов, содействие которых положительно повлияло не только на количество, но и на качество собранных материалов.

Корреспондентами коллективно записаны тексты олонхо «Дылырдаайы бухатыыр» («Богатырь Дылырдаайы») И.П. Кутурукова и «Түмэн Түүрэй бухатыыр» («Богатырь Түмэн Түүрэй») Ф.Н. Тимофеева. А в записи олонхо С.Н. Каратаева–Дыгыяр «Тонг Саар бухатыыр» («Богатырь Тонг Саар») выявлено участие одного корреспондента. Также А.А. Саввиным и его корреспондентами были записаны паспортные данные и биографические сведения некоторых олонхосутов, находящихся в «Списке лучших сказочников импровизаторов-певцов по районам бывшего Вилуйского округа»².

Принятые от корреспондентов материалы А.А. Саввин повторно просматривал и выверял, об этом мы можем судить по тому, что во многих текстах имеются его примечания. После проверки всегда ставил личную подпись. В отличие от записей А.А. Саввина, в записях корреспондентов не обнаружены комментарии к тексту, определения непонятных слов и внутритекстовых отметок. Важно указать, что «особенностью записей корреспондентов является то, что их рукопись представляет беловую запись, а не черновую. Так как не прослеживается процесс записывания текста под диктовку» [Оросина, 2019: 135]. В целом в изучении рукописей корреспондентов затруднение вызвало отсутствие подписей, из-за чего установление личностей корреспондентов представляется невозможным. Поэтому распознавание почерков проводилось на уровне зрительного восприятия.

Таким образом, тексты олонхо, записанные А.А. Саввиным и его корреспондентами, являются уникальным наследием якутского народа и имеют определенную научную ценность в том, что были зафиксированы в период живого бытования.

¹РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 270. Л. 7.

²РФ АЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 215.

М.Н. Жирков и его корреспонденты: особенности работы по сбору якутского музыкального фольклора. Первый якутский профессиональный композитор и музыковед М.Н. Жирков был исследователем и собирателем якутской народной музыки. Он начал проводить с 1936 г. свои первые полевые исследования по сбору образцов традиционной музыки народа саха, разнообразных по жанрово-стилевому составу. Он организовал плановые экспедиции по записи якутского музыкального фольклора в вилюйскую группу улусов в 1943 г., в центральную группу улусов в 1950 г. Первая экспедиция за полтора месяца пребывания (Сунтар, Нюрба, Верхневилуйск, Вилюйск без углубления в таежные наслеги) «собрала 72 народные мелодии, более 20 народных танцев и старинных игр, а также импровизации, посвященные теме Великой Отечественной войны» [Алексеева, 1994: 38]. Приленская экспедиция зафиксировала около 265 напевов различных жанров якутской традиционной песенности. Материалы экспедиций хранятся в фондах М.Н. Жиркова Национальной библиотеки РС (Я) в папке «Ч. 4, № 1. Записи якутских песен, произведенные в группе Вилюйских районов и высказывания о якутской музыке. 212 с.» под № 4/5 «М.Н. Жирков. Записи якутских народных песен, произведенные в группе Вилюйских районов 1943 г.»¹. Все напевы записаны на ноты М.Н. Жирковым.

Собирателем впервые были записаны такие реликты старинной якутской традиционной песенности, как «Өлүөхүмэ үнүүтэ по типу Pa-de-Pha» («Олекминский танец по типу Pa-de-Pha») № 22 С.А. Зверева², напев старинного танца времен Эллия «Үнүү ырыата (былыргылы)» («Танцевальная песня (старинная)») № 26 и «Үнүү сиилиир ырыа» («Высмеивающий танец с пением») № 27 Семена Борисова³.

По поводу этих танцев Жирков отмечал: «В числе записанных балетмейстером Карениным танцев есть весьма оригинальный, большой формы трехчастный старинный Осуокай, есть обрядовый старинный танец еще времен Эл-

лэйэ «Кымыс юрдэ», впоследствии ставший традиционным танцем родовых, наследных, улусных ысыахов. Есть танцы, напоминающие по своим движениям и фигурациям классические танцы Франции XVI века» [Марк Жирков, 2017: 134].

Можно предположить, что «Үнүү ырыата (былыргылы)», записанный во время Вилюйской экспедиции 1943 г., является танцем времен Эллия «Кымыс үрдэ» («Верх кумыса»), а в большой форме трехчастному старинному осуокаю возможно принадлежит осуокай Зверева «Түһүлгэ тойуга 2 вариант» № 12 из 3-х частей, открывающийся тойуком. К напевам с движениями и фигурациями танцев Франции XVI в скорее всего принадлежит «Өлүөхүмэ үнүүтэ по типу Pa-de-Pha» («Олекминский танец по типу Pa-de-Pha») № 22 С.А. Зверева, хотя интонационно напев типично якутский.

В фиксации якутской народной песни впервые принимали участие корреспонденты М.Н. Жиркова. К этой работе он активно привлекал не только местных грамотных активистов, но и артистов организованного им в 1936 г. первого национального хора (с 1938 г. – Якутский государственный хор). Собиратель и его корреспонденты проводили большую работу по сбору якутского музыкального фольклора. Если корреспонденты-активисты на местах в основном предоставляли сведения об исполнителях народных песен, то от корреспондентов-хористов необходимо было переводить с голоса на ноты традиционные песни якутов.

В отношении корреспондентов-активистов М.Н. Жирков писал: «В наслегах назначаются уполномоченные, комплектуемые из народных учителей, а также вовлечения краеведов и других лиц, интересующихся этнографической работой в районных центрах, путем массового вовлечения на эту работу городских народных учителей, учащихся, театральных, клубных работников, партийно-комсомольских организаций, библиотек и т. д.» [Марк Жирков, 2017: 58-59].

¹Жирков М.Н. Записи якутских песен, произведенные в группе Вилюйских районов и высказывания о якутской музыке // Записи якутских народных песен, произведенные в группе Вилюйских районов 1943 г. Архивный фонд М.Н. Жиркова Национальной библиотеки РС(Я). Ф. 4. П. 1. 212 л.

²Там же. Л. 8.

³Там же. Л. 9.

Они организовали на местах сбор данных о якутской народной музыке и исполнителях произведений народного творчества. Жирков уточнял: «В целях организованного обследования с охватом всех населенных пунктов ЯАССР и постоянного руководства этим делом в районных центрах ЯАССР назначаются уполномоченные Комитета искусств при СНК ЯАССР в лице заведующих отделом народного образования районных исполнительных комитетов. Они же организуют сбор сведений о якутском музыкальном фольклоре, руководствуясь прилагаемым, и анкетным вопросником и инструкцией по записи якутской народной музыки» [Там же: 58].

Полученные от корреспондентов данные помогали собирателям музыкального фольклора осуществлять сбор и запись якутской традиционной музыки. Таким способом корреспонденты на местах проводили свой отбор среди большого числа носителей фольклора и образцов традиционной песенности якутов в период активного бытования якутского фольклора.

В 1937 г. в связи с подготовкой Первой республиканской олимпиады художественной самодеятельности, посвященной 15-летию ЯАССР, М.Н. Жирковым были составлены анкеты для сбора якутского музыкального фольклора и сведений о носителях фольклорных традиций саха, которые раздавали в районных центрах лицам, интересующимся якутской народной музыкой. М.Н. Жирков вводит в анкету данные об исполнителе, вопросы, связанные с данными собирателя и с записью фольклора. Например, у него в пункте 1 стоит «дата, когда данное произведение записано»¹. Остальные пункты основное внимание обращают на произведение, которое было исполнено. По составленным им анкетным данным для участия в олимпиадах, фольклорных концертах и концертах художественной самодеятельности приглашались олонхосуты, тойуксуты, запева-лы осуохая и *ырыаһыты* из разных регионов Якутии, которые одновременно записывались собирателями фольклора. Таким способом появлялась возможность записывать якутские народные песни различных регионов Якутии и увеличивалась возможность для фиксации традиционной песенности якутов, в то же вре-

мя вместе с выездом на места исследователей фольклора для сбора фольклорных образцов все это расширяло поле их исследовательской деятельности.

Что касается сбора якутских народных песен корреспондентами-хористами, то сбор якутского музыкального фольклора имел свою специфику. Созданный им хор состоял из 29 хористов, приехавших из различных регионов Якутии. Они не имели музыкального образования и не владели музыкальной грамотой. Тем не менее многие из них имели прекрасную музыкальную память и превосходно знали якутский музыкальный фольклор. В связи с этим М.Н. Жирков давал им задание по запоминанию народных песен, особенно старинных, во время летних отпусков, когда они разъезжались по своим улусам. Когда они возвращались после отпуска из своих деревень, собиратель записывал от них, как Саввин, с «голоса» на ноты те напевы, которые хористы запомнили и привезли. Это отмечала Г.Г. Алексеева: «С 1936 г. по 1940 г. он собирает народные песни, используя необычный способ их записи: нотирует с голоса артистов хора, съезжавшихся со всех сторон республики после летних отпусков. Артисты, выполняя задание своего руководителя, специально выучивали и «привозили» новые песни» [Алексеева, 1994: 36].

По мнению М.Н. Жиркова, «хоровой коллектив должен быть своего рода «лабораторией», где должно изучаться народное творчество якутского народа, анализироваться, прорабатываться, гармонизироваться в соответствии со стилем, колоритом собственного якутского самобытного песенного творчества» [Головнева, 1994: 100].

Он прививал хористам «вкус к народной мелодии до такой степени, что почти каждый из них не мог уже пройти мимо новой песни, интересной мелодии, чтобы не записать ее или постараться запомнить» [Кривошапко, 1982: 50]. Такое воспитание способствовало тому, что хористы из всего массива якутских песен старались отбирать самые интересные и старинные напевы. Среди корреспондентов-хористов выделяются Т.П. Местников, Т.Ф. Саввина (Ларионова), И.Д. Семенов, Е.Н. Скрыбина и особенно

¹Там же. Л. 60.

«якутский жаворонок» Е.А. Захаровой, от которой М.Н. Жирков записал большое количество якутских народных песен. Многие образцы традиционных песен якутов, собранные корреспондентами-хористами в нотографии Жиркова, вошли в сборник С.А. Кондратьева «Якутская народная песня» [Кондратьев, 1963: 32–49].

Таким образом, корреспонденты-хористы проводили отбор якутских песен и старались запомнить самые интересные и старинные из них. Корреспонденты-активисты также производили свой отбор и предоставляли данные об исполнителях и произведениях фольклора, на основе чего М.Н. Жирков мог записывать якутские народные песни от подлинных носителей якутского фольклора. Благодаря деятельности М.Н. Жиркова и его корреспондентов удалось зафиксировать многие, в том числе редкие, старинные и реликтовые жанры песенного фольклора народа саха во время его активного бытования в 40-х гг. XX в.

IV. Обсуждение. Таким образом, собранные материалы по эпосу олонхо занимали значительное место в экспедиционных материалах А.А. Саввина. В его записях на первый план поставлено выявление известных сказителей Вилюйского региона наряду с фиксацией их фольклорных произведений, списка репертуара, биографических сведений, в результате которого определена роль олонхосута как создателя, носителя, хранителя и транслятора в сохранении и развитии якутского героического эпоса олонхо. А в материалах корреспондентов, помимо текстов олонхо, преобладают записи сказок и малых жанров якутского фольклора.

Сбор фольклорных текстов М.Н. Жирковым и его корреспондентами стал первой попыткой планомерной фиксации якутских традиционных напевов с записью их на ноты. Собиратель акцентировал основное внимание на сбор старинных и реликтовых песен якутов, еще бытовавших в тот период. В 40-х гг. XX в. практически никто не знал нотной грамоты, в связи с этим М.Н. Жиркову приходилось разрабатывать свои методы работы с корреспондентами.

V. Заключение. Результаты исследования связаны с тем, что изучение истории становления полевых работ по сбору якутского фолькло-

ра связано не только с деятельностью исследователей-фольклористов, но также с привлечением к этому занятию корреспондентов из числа учителей, учеников школ и грамотных активистов-энтузиастов.

Выявлены основные принципы фиксации текстов олонхо А.А. Саввиным такие как предварительное слушание сказителя перед записью текста его олонхо; запись исключительно с «голоса»; комментарии в виде определения архаизмов и диалектизмов, посткриптумов, текстологических замечаний; фиксация биографических сведений и составление учета сказителей-олонхосутов Вилюйского региона. Привлечение корреспондентов А.А. Саввиным к деятельности Вилюйской экспедиции играло значительную роль в формировании научного собирательства в Якутии. Грамотно организованная работа А.А. Саввина с корреспондентами способствовала пополнению архивной коллекции уникальными материалами и положила начало дальнейшему успешному сотрудничеству института с внештатными корреспондентами. В отличие от записей А.А. Саввина, записи корреспондентов представляют собой беловые записи, не обнаружены комментарии, определения непонятных слов и внутритекстовых отметок.

Особенности работы М.Н. Жиркова и его корреспондентов по сбору якутской народной музыки связаны со спецификой записи традиционных напевов народа саха. Он производил нотацию якутских народных напевов с «голоса» корреспондентов-хористов, которые не владели нотной грамотой, но при этом во время летних отпусков в своих улусах запоминали традиционные напевы якутов. В то же время сами корреспонденты из всего массива якутских напевов проводили свой отбор по фиксации якутского песенного фольклора. Благодаря сельским корреспондентам-активистам также происходил выбор того или иного исполнителя, от которых записывал народные песни М.Н. Жирков, или выбор жанра традиционной песенности якутов.

Таким образом, в период «живого» бытования якутского фольклора в 1930–40-е гг. сбор якутского фольклора А.А. Саввиным и М.Н. Жирковым и их корреспондентами послужил основой в фиксации разнообразных жанров устного народного творчества якутов.

Список литературы:

Аластыров Н.В. Вилуйская и Северная фольклорные экспедиции Института языка и культуры (1937–1941 гг.) // Якутский архив. 2009. № 1. С. 3-9.

Алексеев Э., Николаева Н. Образцы якутского песенного фольклора. Якутск: Кн. изд-во, 1981. 100 с.

Алексеева Г.Г. От фольклора до профессиональной музыки. Якутск: Бичик, 1994. 160 с.

Головнева Н.И. Становление якутской профессиональной музыкальной культуры (1920-1985). Новосибирск, 1994. 383 с.

Данилова А.Н., Ларионова А.С., Чарина О.И. Особенности полевых исследований в фиксации фольклора народов Якутии в 40-е гг. XX в. // Культура и цивилизация. 2019. Т. 9 (2А). С. 247-262.

Еремеев С.И.–Дэдэгэс. Төбөт Мэник Бухатыыр: олонхо [Сост.: А.Н. Данилова; отв. ред.: В.В. Илларионов]. Якутск: Бичик, 2017. 176 с.

Кондратьев С.А. Якутская народная песня. М.: Советский композитор, 1963. 180 с.

Кривошапко Г.М. Музыкальная культура якутского народа. Якутск: Кн. изд-во, 1982. 184 с.

Ларионова А.С. Особенности полевых исследований первого якутского композитора М.Н. Жиркова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 5. С. 144-148.

Марк Жирков: сборник документов и материалов // Выдающиеся люди республики [Сост. Т.Н. Семенова, Н.Н. Иванова. Ред. Л.Л. Габышева, Н.С. Степанова]. Якутск: Бичик, 2017. 544 с.

Оросина Н.А. Корреспонденты А.А. Саввина как фиксаторы текстов якутского эпоса олонхо (по материалам Вилуйской экспедиции 1938 г.) // Языки коренных народов как фактор устойчивого развития Арктики. Сб. мат. междунар. научн.-практ. конф. [Отв. ред. Н.И. Данилова]. Якутск, 2019. С. 132-136. URL: <https://pub.e.nlrs.ru/online2/27807> (дата обращения: 19.04.2021).

Покатилова Н.В. О фольклорном наследии А.А. Саввина: интеллектуальный контекст и исследовательский подход // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 3 (20). С. 133-138.

Уол Дуолан бухатыыр: олонхо [Со слов М.З. Мартынова зап. А.А. Саввиным; сост.: В.В. Илларионов, Т.В. Илларионова; отв. ред.: Н.А. Алексеев] // Саха боотурдара 21 т. Т. 7. Якутск: Бичик, 2010. 248 с.

Danilova A., Larionova A., Orosina N., Charina O. The First Scientific Correspondents: on the Problem of Collecting Folklore Material in Yakutia in 1930-40th of the XX century // International Journal of Psychosocial Rehabilitation. 2020. Volume. 24. Issue 8. Pp. 11356-11366.

Harris Robin P. *Storytelling in Siberia. The Olonkho Epic in a Changing World*. Urbans, Chicago and Springfield (USA): University of Illinois Press, 2017. 234 p.

References:

Alastyrov N.V. *Vilyuyskaya i Severnaya fol'klornye ekspeditsii Instituta yazyka i kul'tury (1937-1941 gg.)* [Vilyui and Northern Folklore Expeditions of the Institute of Language and Culture (1937-1941)]. *Yakutskiy arkhiv* [Yakut archive]. 2009. № 1. Pp. 3-9. (In Russian).

Alekseev E., Nikolaeva N. *Obraztsy yakutskogo pesennogo fol'klora* [Samples of the Yakut song folklore]. Yakutsk: Book Publ., 1981. 100 p. (In Russian and Yakut).

Alekseeva G.G. *Ot fol'klora do professional'noy muzyki* [From folklore to professional music]. Yakutsk: Bichik Publ., 1994. 160 p. (In Russian).

Danilova A., Larionova A., Orosina N., Charina O. The First Scientific Correspondents: on the Problem of Collecting Folklore Material in Yakutia in 1930-40th of the XX century. *International Journal of Psychosocial Rehabilitation*. 2020. Volume. 24. Issue 8. Pp. 11356 - 11366. (In English).

Danilova A.N., Larionova A.S., Charina O.I. Osobennosti polevykh issledovaniy v fiksatsii fol'klora narodov Yakutii v 40-e gg. XX v. [Features of field researches in fixing of folklore of the people of Yakutia in the 40th of the 20th century]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and civilization]. 2019. № 2A, Volume 9. Pp. 247-262. (In Russian).

Eremeev S.I. – Dedeges. *Töböt Menik Bukhatyir: olonkho. Sostavitel' A.N. Danilova. Otvetstvennyy redaktor V.V. Illarionov* [Bogatyr (hero) Tebet Menik. Yakut epic Olonkho. Compiled by A.N. Danilova. Executive editor V.V. Illarionov]. Yakutsk: Bichik Publ., 2017. 176 p. (In Yakut).

Golovneva N.I. *Stanovlenie yakutskoy professional'noy muzykal'noy kul'tury (1920-1985)* [Formation of the Yakut professional musical culture (1920-1985)]. Novosibirsk, 1994. 383 p. (In Russian).

Harris Robin P. *Storytelling in Siberia: The Olonkho Epic in a Changing World*. Urbans, Chicago and Springfield (USA): University of Illinois Press, 2017. 234 p. (In English).

Kondrat'ev S.A. *Yakutskaya narodnaya pesnya* [Yakut national song]. Moscow: Soviet composer, 1963. 180 p. (In Russian and Yakut).

Krivoschapko G.M. *Muzykal'naya kul'tura yakutskogo naroda* [Musical culture of the Yakut people]. Yakutsk: Book Publ., 1982. 184 p. (In Russian).

Larionova A.S. Osobennosti polevykh issledovaniy pervogo yakutskogo kompozitora M.N. Zhirkova [Features of field researches of the first Yakut composer

M.N. Zhirkov]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University]. 2017. № 5. Pp. 144-148. (In Russian).

Mark Zhirkov: *sbornik dokumentov i materialov* [Mark Zhirkov: collection of documents and materials]. *Vydayushchiesya lyudi respubliki. Sostaviteli T.N. Semenova, N.N. Ivanova. Redaktory L.L. Gabysheva, N.S. Stepanova* [Outstanding people of the republic. Compiled by T.N. Semenova, N.N. Ivanova. Editors L.L. Gabysheva, N.S. Stepanova]. Yakutsk: Bichik Publ., 2017. 544 p. (In Russian and Yakut).

Orosina N.A. *Korrespondenty A.A. Savvina kak fiksatory tekstov yakutskogo eposa olonkho (po materialam Vilyuyskoy ekspeditsii 1938 g.)* [A.A. Savvin's correspondents as clamps of texts of the Yakut epos Olonkho (on materials of the Vilyuysk expedition of 1938)]. *Yazyki korennykh narodov kak faktor ustoychivogo razvitiya Arktiki. Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Otvetstvennyy redaktor N.I. Danilova* [Indigenous languages as a factor

of sustainable development of the Arctic. Conference Proceedings. Executive editor N.I. Danilova]. Yakutsk, 2019. Pp. 132-136. (In Russian) URL: <https://pub.e.nlrs.ru/online2/27807> (date of the application: 19.04.2021). (In Russian).

Pokatilova N.V. O fol'klornom nasledii A.A. Savvina: intellektual'nyy kontekst i issledovatel'skiy podkhod [About the folklore heritage of A.A. Savvin: intellectual context and research approach]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik* [North-Eastern Journal of Humanities]. 2017. № 3 (20). Pp. 133-138. (In Russian).

Uol Duolan bukhatyir: Olonkho. Co slov M.Z. Martynova zapisano A.A. Savvinym; sostaviteli V.V. Illarionov, T.V. Illarionova; otvetstvennyy redaktor N.A. Alekseev [Bogatyr (Hero) Uol Duolan. Yakut epic Olonkho. According to M.Z. Martynov recorded by A.A. Savvin; compiled by V.V. Illarionov, T.V. Illarionov; executive editor N.A. Alekseev]. *Sakha booturdara 21 tomakh* [Sakha booturdara 21 volumes]. Volume 7. Yakutsk: Bichik Publ., 2010. 248 p. (In Yakut).

A. S. Larionova, A. N. Danilova, N. A. Orosina

The History of the Formation of Field Research on Recording the Folklore of the Sakha People

Scientific novelty. The article focuses on the study of the Yakut researchers collecting activities at the 30-40 of the 20th century – A.A. Savvin, M.N. Zhirkov and their correspondents on recording text and musical notations folklore materials. *The aim of the article* is to determine the methods of field work on recording text and musical folklore materials in the formation of Yakut folkloristics. The following *tasks*: determination of the basic principles of fixing the epic texts by A.A. Savvin and his correspondents; identifying the specifics of collection the Yakut musical folklore by M.N. Zhirkov and his correspondents. *Research Methods.* Descriptive, comparative and textual analysis was used. *Results.* Folklorist and ethnographer A.A. Savvin and his correspondents worked as part of the Vilyui folklore and ethnographic expedition in 1938. Thanks to joint work with correspondents, a sufficient amount of not only folklore, but also ethnographic materials was collected. The article discusses their recordings of epic texts, provides the result of textological analysis of manuscripts. M.N. Zhirkov and his correspondents collected the Yakut musical folklore. He conducted folklore expeditions in which he recorded the traditional tunes of the Yakuts. Correspondents-activists identified folklore performers and works of folklore in their settlements. Correspondents-choristers, who at that time did not know musical notation, the selection of folk melodies was carried out with the help of memorization, and from them M.N. Zhirkov recorded the Yakut folk songs. Thus, the materials collected during the formation of Yakut field folklore reflect not only the richness and diversity of the Yakut folklore tradition, but also its archaic nature and uniqueness as an object for research.

Keywords: oral tradition, collecting activity (collecting), the Yakut musical folklore, the Yakut epic Olonkho, the Yakut folk song, recording text and musical notations folklore materials

Функции небожителя Сэгэн Сэбдэг тэнгри в бурятских версиях Гэсэриады*

Научная новизна. В данной статье впервые проводится сравнительный анализ всех имеющихся рукописных и изданных бурятских версий Гэсэриады по данной теме. Актуальным представляется определение функций мифологических персонажей в сюжетном движении эпических текстов.

Целью работы является выявление роли и значения божества срединного неба в мифологической картине мира бурят.

Методы исследования. В исследовании применяется сравнительно-типологический метод в качестве основного, также используется сравнительно-сопоставительный метод. С помощью системного подхода реализуется анализ сквозных сюжетов, в которых функционирует рассматриваемый персонаж.

Результаты. В итоге исследования приходим к выводу, что в образе срединного небожителя закодирован персонаж, олицетворяющий собой сакральный божественный центр вселенной, поддерживающий гармонию и равновесие всех и всего сущего. В версиях улигера, в которых он локализуется на Поклонной горе (*Сахидаг уула*) и обладает пятью божественными книгами, еще раз подчеркиваются его магические способности и особая сила, что отличает его от остальных божеств. Необходимо подчеркнуть, что в разных версиях Гэсэриады образ исследуемого героя не повторяется, в каждом варианте рапсод выстраивает свою концепцию, выявляя значение и роль божества.

Ключевые слова: срединный тэнгри, бурятский эпос, Гэсэриада, эхирит-булагатская традиция, унгинская версия, небожители, персонаж, мифология

I. Введение. Сюжет бурятских версий Гэсэриады основан на конфликте двух оппозиционных сторон, представителями которых являются западные (положительные, светлые) и восточные (отрицательные, темные) небожители *тэнгри*. Исследователи богатого фольклорного наследия бурят, в частности, бурятского героического эпоса и бурятской мифологии, а также ученые, изучающие шаманский фольклор, при описании традиционного пантеона бурятских небожителей выделяют пятьдесят пять западных (в монгольской версии – тридцать три) и сорок четыре восточных тэнгри [Бурчина 1990: 8–69; Уланов 1963: 166; Уланов 1957; Михайлов 1980: 149; Михайлов 1987: 13].

Основой сюжета о разделении неба на два противоборствующих лагеря становится проти-

востояние Хан Хурмаса и Атай Улана, в котором решение заключительного вопроса об абсолютном первенстве зависит от срединного тэнгри, призванного сохранять равновесие. Сэгэн Сэбдэг тэнгри во всех версиях Гэсэриады присутствует с разной долей активности, вариации сюжета о небожителе реализованы в прологовой части бурятских вариантов Гэсэриады.

Актуальным представляется анализ образа одного из основных божеств в мифологической картине мира в эпических нарративах в сравнительном аспекте для выявления роли героев в развитии сюжета. Целью работы является определение функций срединного небожителя в бурятских версиях Гэсэриады и его различия в разных вариантах. В данной статье впервые приводятся все версии бурят-

*Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект № 121031000259-6 «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона»). The research was carried out within the state assignment (project № 121031000259-6 “Ethnocultural Identity in the Architectonics of Folklore and Literary Texts of the Peoples of the Baikal Region”).

ской Гэсэриады в сравнительном аспекте по данной теме.

II. Материалы и методы. Исследование основывается на анализе западнобурятских версий Гэсэриады. Эхирит-булагатская представлена улигером, записанным от сказителя М. Именгова [Абай Гэсэр-Хубун, 1961], унгинская – опубликованными вариантами П. Петрова [Абай Гэсэр, 1960], П. Дмитриева [Гэсэр, 1953], П. Тушемилова (запись 1948 г.) [Абай Гэсэр, 2000], текстом в записи М. Хангалова [1959, с. 229-324], изданным в виде подробного пересказа на русском языке. Также материалом для исследования послужили рукописные тексты, записанные от унгинских сказителей А. Васильева, П. Тушемилова (запись 1940 г.), П. Степанова, Н. Иванова, Б. Жатухаева, хранящиеся в архивных фондах Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН), г. Улан-Удэ.

В работе использованы сравнительно-типологический и сравнительно-сопоставительный методы, позволяющие выявить общие и специфические характеристики рассматриваемого персонажа, особенности его функционирования в анализируемых текстах бурятской Гэсэриады. В качестве основного использован сравнительно-типологический метод, который дает возможность сопоставить варианты эпических произведений, различающихся по месту и времени бытования. Системный подход предполагает выявление сквозных сюжетов, мотивов, образов, и выяснение их функциональной и семантической роли в фольклорном тексте.

III. Результаты. Начало эпического повествования (пролог), где отражен быт и семейный уклад глав западной и восточной сторон неба, представляет собой картины мирной жизни, описывающие членов семейно-родового сообщества, в некоторых вариантах содержатся подробные описания жилых и хозяйственных построек. Примечательно, что небесный уклад жизни полностью соответствует земному и почти отсутствуют фантастические мифические мотивы в описании их быта.

Как одну из главных фигур среди божеств небесного пантеона можно выделить небожителя срединного пространства. Небесный конфликт между западными и восточными небожителями разгорается из-за срединного *Сэгэн*

Сэбдэг тэнгри, который персонифицирует центральную часть небесного пространства [Birtalan, 2000: 902], или *дунд зүгийн тэнгэр* [Гэрэлжав, 1996: 38]. Возможно, первоначально Сэгэн Сэбдэг тэнгри был олицетворением зимнего неба или холодного состояния атмосферы как природной стихии, оказывающей определенное влияние на жизнь и хозяйственную деятельность древних бурят [Манжигеев, 1978: 68]. Согласно календарно-обрядовым представлениям, Сэгэн Сэбдэг тэнгри символизирует равновесие и гармонию мира, и его отнесенность к какой-либо из сторон, по логике мифа, приведет к нарушению миропорядка [Бурчина, 2000: 184]. Именно следуя этой традиции в эпических текстах срединный тэнгри категорически отказывается принять одну из сторон неба, представители которых по разным причинам стремятся причислить его к своей половине.

Уместно здесь привести этнографический материал, собранный М.Н. Хангаловым в конце XIX в. у бурят Иркутской губернии (ныне Иркутская область), который повествует о разделении тэнгринов и роли срединного небожителя. В прежнее время все 99 тэнгринов были хорошими и белыми, старшим был тэнгрин Асаранги, после смерти которого Хан-Тюрмас и Ата-Улан-тэнгэри заспорили о первенстве. 53 тэнгрина пошли за Хан-Тюрмасом, а остальные 43 – за Атай Уланом. В середине остался один тэнгери Сэгэн-Сэбдэг, или обо-тэнгэри, который не принадлежал ни к одной из этих групп. Впоследствии 54 тэнгрина взяли к себе срединного тэнгрина Сэгэн-Сэбдэка, таким образом, их стало 55, которые и сделались западными тэнгринами. Остальные 44, не желая подчиняться, отошли на восток и сделались восточными тэнгринами. Над ними самым старшим сделался Ата-Улан-тэнгэри. Так образовались западные и восточные тэнгерины, которые враждуют между собою [Хангалов, 2004: 92].

Семантика теонима Сэгэн Сэбдэг тэнгри содержит цветовую характеристику персонажа ‘голубой, светло-голубой, сизый’, которая не связана ни с белым, ни с черным цветом, отражая нейтральность небожителя. А слово *сэбдэг* с учетом произношения его одним из лучших сказителей унгинской традиции П. Петровым передает пространственную характеристику персонажа – ‘ровно посередине’ [Дугаров,

2007: 236–237]. Хотя в литературном бурятском языке слово *сэбдэг* имеет значение ‘оледенелый’, мы придерживаемся точки зрения И.А. Манжигеева [Манжигеев, 1978: 68]. В эпосе локация персонажа также определяется его центральностью, что неизменно подчеркивается практически во всех наиболее полных вариантах бурятской Гэсэриады:

М. Имененов: *Баруулажа түрүлдөбө – / Табин табан тэнгри <...> Зүүлэжэ түрүлдөбө – / Дүшэн дүрбэн тэнгэри <...> Тэгхэн дундань түрүбө / Сэгээн Сэбдэг тэнгэри* ‘Родились на западе 55 тэнгриев <...> На востоке родились 44 тэнгриев <...> Между ними родился / Сэгэн Сэбдэг тэнгри...’ [Абай Гэсэр-хубун, 1961: 12]; П. Петров: *Газари тэндэ һуудалта / Сахидаг уулайн оройдоху / Сэгээн Сэбдэг тэнгэри ...* ‘Живущий на середине пространства / На вершине горы Сахидаг / Сэгэн Сэбдэг тэнгри...’ [Абай Гэсэр, 1960: 16–17]; П. Тушемилов: *Тэрэ хоёр можо тэньерын / Тэн багта һуудалтай / Сэгээн Сэбдэг тэньерэ* ‘Между двумя лагерями небожителей / На самой-самой середине живет / Небожитель Сэгээн Сэбдэг...’ [Абай Гэсэр, 2000: 19]; П. Дмитриев: *Газарай тэндэ һуудалтай / Сэгээн Сэбдэг тэнгэрише / Булялдажа байба гэхэ...* ‘Живущего на самой середине мира / Сэгэн Сэбдэг тэнгри / Не могут поделить...’ [Гэсэр, 1953: 12].

Запись М. Хангалова: Срединное небо Сэгэн-Сэбдэг-тэнгэри не подчиняется ни западным 55 тэнгэринам, ни восточным 44 тэнгэринам. Оно находится между ними и служит границей между ними... [Абай Гэсэр Богдо хан, 1893: 46]. Б. Жатухаев¹: *Баруулама Гушан гурбан тэнгэрин / Зүүлэмэ дүшэн дүрбэн тэнгэрин / Хоорондо, / Алинданише мэдүүлэхэбээ, / Амитанише нишлэбээ, / Сэгээн Сэбдэг тэнгэри һуугаал* ‘Тридцати трех западных тэнгри / Сорока четырех восточных тэнгри / Ровно посередине / Никому не подчиняясь, / Независимо / Жил Сэгэн Сэбдэг тэнгри...’

Во всех перечисленных версиях Гэсэриады он обязательно указывается как бог золотой се-

редины и равновесия. Небольшие отличительные дополнения к образу срединного божества, не меняя его основного значения, уточняют его роль в развитии эпоса. Но существуют и такие версии, в которых или его роль передается другим персонажам, что доказывает все же его второстепенное значение в сюжетном движении, или его образ меняет свою функцию.

Так, в неполном варианте П. Степанова² персонаж, обозначающий срединного тэнгри, отсутствует, конфликт небожителей не представлен. Причиной нисхождения Гэсэра на землю становится возникновение по инициативе шараблинских ханов в мире людей бесов-шулма. При этом характеристики срединного тэнгри, которые в другом унгинском варианте (А. Васильев), свидетельствовали о его великом колдовстве (*ширээмэ ехэ шижэстэй, айха бүтэ абаатай* ‘страшный колдун, всесильный чародей’), в данном варианте принадлежат шараблинским ханам.

Сказитель Н. Иванов³ повествует в своем варианте о рождении в семье Сэгэн Сэбдэг тэнгри дочери Сэсэг Ногон Абхай, из-за которой вскоре разгорится вражда между западными и восточными небожителями. При этом в эпическом тексте не акцентируется внимание на особенности Сэгэн Сэбдэга как срединного небожителя, он выступает как участник ряда событий, происходящих во время эпического действия, как отец красавицы и умницы Сэсэг Ногон Абхай.

В бурятской Гэсэриаде наибольшая активность персонажа наблюдается в прологе. Небесный конфликт, вследствие которого в большинстве вариантов и происходят все эпические события, завязывается при его непосредственном участии. Так, в эхирит-булагатской версии М. Имененова Сэгэн Сэбдэг тэнгри лишь упоминается как предмет спора Хан Хурмаса и Атай Улана. Главы западных и восточных небожителей без участия срединного тэнгри договариваются, что Сэгэн Сэбдэг тэнгри достанется победителю схватки:

¹Абай Гэсэр: записано А.А. Бальбуриным от Б. Жатухаева (р. 1891) в апреле 1941 г. в г. Улан-Удэ // ЦВРК ИМБТ СО РАН, ОАФ. Д. № 2510. 102 с. (машинопись)

²Абай Гэсэр хубун. Записано С.П. Балдаевым от П.У. Степанова 6 августа 1940 г. в с. Ныгда Аларского района Иркутской области // ЦВРК ИМБТ СО РАН, Ф.36. Оп.1. Д. № 170. 77 с. (машинопись).

³Абай Гэсэр Богда хан. Записано С.П. Балдаевым от Н.Т. Иванова и Б. Болдонова (зунгарский вариант). 1941. ЦВРК ИМБТ СО РАН, Ф.36. Оп.1. Д. № 161. 106 лл.

Сэгээн Сэбдэг тэнгэри
 Бихэл абаха, шихэн абаха гэжэ
 Буляалдаба байнал даа.
 Гурбала хоножо
 Дайлаласаха байнал даа.
 Дараһа лан хүүнхэн най
 Сэгээн Сэбдэг тэнгэрьеэ
 Абаха гэжэ хэлсэбэ байнал даа.
 Хэлсэһэн биеэрээ
 Хоёр тээшээ харина бэлэйл даа.

Сэгэн Сэбдэг тэнгрием
 Кто завладеет,
 Тэнгрии между собой поспорили.
 Через трое суток
 Решили они сразиться
 Кто победит из них
 Сэгэн Сэбдэг тэнгрием
 Тот и будет владеть.
 Порешив так,
 Разошлись они в разные стороны.

Хан Хурмас забывает о договоренности, чем вызывает гнев восточного тэнгри Атай Улана. Далее в эпическое действие вступает Гэсэр, который пронзает уязвимое место Атай Улана и сбрасывает его на землю. Срединный тэнгри в эхирит-булагатской версии представляет номинально обозначенного персонажа, который не принимает активное участие в эпическом повествовании. Можно прийти к выводу, что в эхирит-булагатской версии Гэсэриады известный в бурят-монгольской мифологии эпизод о борьбе за срединного небожителя не имеет особого значения и только упоминается как известный факт. В дополнение можно добавить, что после поражения Атай Улана и победы представителей западного фронта не фиксируется причисление срединного тэнгри к западным небожителям. Причина и исход небесного конфликта отходит на второй план. В фокусе внимания небожителей оказывается более важная проблема – нарушение космической гармонии и отражение последствий этого в мире людей.

Развернуто описываются возникновение конфликта и роль Сэгэн Сэбдэг тэнгри в унгинских вариантах эпоса «Гэсэр», которые более близки по сюжетному развитию к монгольским письменным версиям. Однако в монгольских текстах срединный тэнгри не представлен, поскольку, вероятно, прологовая часть в этих эпических текстах была утеряна вследствие буддийской редакции, как предполагает Л. Лёринц [Lörlincz, 1975: 84-85].

В прологовой части улигера П. Дмитриева Хан Хурмас и Атай Улаан спорят за право причислить Сэгээн Сэбдэг тэнгри к своей стороне. На просьбу Атай Улана отдать срединного тэн-

[Абай Гэсэр-хубун, 1961: 12, перевод наш] гри ему, чтобы восточных стало 45, Хан Хурмас отвечает отказом и говорит, что тоже хочет пополнить ряды своих 55 тэнгри и стать *Табан номто*: «Табан номто болохо юм гэжэ» [Гэсэр, 1953: 16]. Западные небожители стремятся присоединить к себе срединного тэнгри в качестве пятого книжного тэнгри, что может обеспечить им власть в верхнем мире. Спор из-за книжного тэнгри Сэгээн Сэбдэга, завершающийся победой Хана Хормусты и низвержением восточного тэнгри Атай Улана, носит принципиальный характер, свидетельствующий о значимости книги *ном*, обладатель которой может значительно усилить победившую сторону. В эпическом тексте книга имеет волшебные способности предсказывать ход событий, и в этом случае, по нашему мнению, рапсод, символически завуалировав, художественно образно показывает исходные магические данные персонажа.

Практически такая же мотивировка стремления завладеть Сэгэн Сэбдэг тэнгри встречается в унгинском варианте А. Васильева¹, который отличается наиболее оригинальной вступительной частью, посвященной событиям, происходящим на небе, предвещающим земную жизнь Гэсэра. Тут мы видим очень значимую характеристику Сэгэн Сэбдэг тэнгри: *шэрээмэ ехэ шэжэтэй, айма ехэ абатай* ‘владеющий страшным колдовством, сильными чарами’, что, возможно, объясняет желание противоборствующих сторон завладеть благосклонностью этого божества.

В этом варианте срединный тэнгри предстает самодостаточным членом небесного сообщества, который играет в прологовой части улигера знаковую роль. Именно Сэгэн Сэбдэг подвер-

¹Абай Гэсэр богдо хан. Записано от А. Васильева, предпол. в 30-е – нач. 40-х гг. XX в. // ЦВРК ИМБТ СО РАН, ф. С.П. Балдаева, Ф.36. Оп.1. Д. № 155. 405 с. (машинопись)

гает сомнениям слова Хан Хурмаса, чем вызывает гнев последнего, вследствие чего разрушенным и низвергнутым оказывается восточный Атай Улан тэнгри. Роль Сэгэн Сэбдэга как центральной точки, уравнивающей две стороны неба и отвечающей за гармонию и равновесие во Вселенной, в рассматриваемых вариантах реализуется в его обособленности, а

Баруулама табин табан тэнгэри
Табин табаа дүүрэхэдээ
Газари тэндэ һуудалта,
Сахидаг уулайн оройдохи
Сэгэн Сэбдэг тэнгэритээ
Табин табаа дүүрэхэ.

Душэн дүрбөө дүүрхэдээ —
Газари тэндэ һуудалта
Сахидаг уулайн оройдохи
Сагэн Сэбдэг тэнгэритээ
Душэн дүрбөө дүүрэхэ.

Если в варианте А. Васильева больше подчеркиваются магические способности срединного тэнгри, его неимоверная волшебная сила, то в версии поэта-сказителя П. Петрова акцентируется его близость к обоим враждующим божествам как божественного центра. Особую значимость здесь имеет дополнительная характеристика срединного тэнгри – локализация его пространства на горе Сахидаг. *Сахидаг Уула* ‘поклонная гора’ от бур. *сахиха* ‘поклоняться, охранять, беречь’. В названии горы закодировано символическое значение и роль Сэгэн Сэбдэг тэнгри в устройстве верхнего мира: охранять и беречь. Кроме того, гора, а точнее ее вершина, в религиозно-магических представлениях бурят олицетворяет собой центральную точку Вселенной, символизируя параллель, соединяющую трехмерное пространство, населенное живыми существами. В общемонгольской мифологии наиболее распространенным является название Сумеру (Сумбэр, Меру). Таким образом, в образе срединного тэнгри в сочетании с местом его локализации горы Сахидаг, скрыты глубокие смыслы, выявляющие его сущность.

Знаменательно, что и в варианте П. Петрова изначально не возникает спор о завладении срединным тэнгри, здесь в центре эпического по-

причисление его к одной из сторон влечет увеличение ее численности и, как следствие, нарушение установленного миропорядка.

В сказительском варианте известного улигершина и шамана П. Петрова небожители распределены особым образом. Знаменательно, что Сэгэн Сэбдэг тэнгри уже включен в состав как западных, так и восточных небожителей:

Западных пятидесяти пяти тэнгриев
Пятьдесят пять было
Живущий на середине пространства
На вершине горы Сахидаг
Сэгэн Сэбдэг тэнгри
Пятьдесят пятый был.

Их сорок четыре если
Живущего на середине пространства
На вершине горы Сахидаг
Сэгэн Сэбдэг тэнгрия
Сорок четвертым считать.

[Абай Гэсэр, 1960: 16–17; пер. наш]

вестования появляется новый солярный мотив. Вражда между божествами начинается из-за болезни Наран Гохон Абхай – Солнечной Красавицы, от нее зависит подчинение западных тэнгри восточным. Атай Улан навлекает на дочь *Наран Дулан тэнгри* (Теплого Солнечного тэнгри) болезнь, исцелить которую по силам только сыну главы западных небожителей Гэсэру.

В борьбе сыновей Хан Хурмаса и Атай Улана побеждает Гэсэр и сбрасывает трех восточных богатырей на землю. Далее описывается схватка глав западных и восточных небожителей, победа Хан Хурмаса, который подсматривает способ победить в священной книге. В связи с тем, что роль Сэгэн Сэбдэг тэнгри обозначена достаточно четко и срединный тэнгри независим, попытка присоединить его к своему фронту восточными небожителями была предпринята не сразу. Первой попыткой получить главенство в небесном пространстве было наведение болезни на Наран Гохон Абхай, представляющую солярный мифологический символ.

Неудавшаяся попытка извести дочь Солнца как бы становится началом открытого противостояния западных и восточных тэнгри, но в итоге все же остается стремление восточных получить превосходство, забрав себе Сэгэн Сэбдэга.

Здесь отмечается активная роль срединного тэнгри, который уверенно отстаивает свои границы и отказывает обеим сторонам. Вариативность дочери то Солнечного, то срединного божества показывает как неактуальность по сути темы конфликта (лишь бы был конфликт), так и особенности бурятских версий Гэсэриады, в которых активно участвуют разные мифологические небожители.

Небезынтересно привести свидетельство установленной независимости срединного тэнгри, которая прописана в сакральном предмете – книге. В варианте Б. Жатухаева¹ западный и восточный тэнгри случайно в одно время оказываются в гостях у Сэгэн Сэбдэга, и на приглашение сторон стать их частью Сэгэн Сэбдэг тэнгри предлагает посмотреть решение в священной книге. После того как они узнают предпрешенный ответ, что срединный тэнгри будет ничьим, Хан Хурмас предлагает уступить ему, поскольку западных тэнгри всего тридцать три, тогда как восточных сорок четыре. Атай Улан соглашается, считая такое решение правильным, и приглашает Хан Хурмаса к себе в гости. Хан Хурмас забывает о приглашении, чем вызывает гнев Атай Улана и провоцирует небесную схватку между западными и восточными небожителями.

Улигер Б. Жатухаева отличается от остальных унгинских вариантов оригинальным развитием сюжетной линии и участием в эпическом действе элемента предопределенности, заключенного в сакральном предмете. Здесь усиливается миротворческая роль срединного тэнгри, который служит разграничивающей силой между противоборствующими сторонами и призван сохранять хрупкую гармонию своим нейтралитетом.

IV. Обсуждение. Итак, Сэгэн Сэбдэг тэнгри является одним из примечательных персонажей Гэсэриады с точки зрения типологического анализа вариантов и версий эпоса. Несмотря на кажущуюся второстепенность, в полных версиях Гэсэриады персонаж обнаруживает устойчивость в описании и характеристиках, а именно – акцент на срединности этого тэнгри и его особой значимости для обоих лагерей небожите-

лей. При этом в неполных версиях Гэсэриады допускаются отступления – замена функций или передача функций другому персонажу.

В эхирит-булагатской версии борьба за причисление Сэгэн Сэбдэг тэнгри в свои ряды фигурирует как известный момент мифологической истории небожителей, однако фактически она обозначена номинально и в дальнейшем в конфликте предводителей тэнгри отходит на второй план, практически не участвуя в событиях эпического пролога. В унгинской версии Гэсэриады история персонажа показана более развернуто, он является действующим героем, наделенным собственными функциями. При этом в трактовке причин особой значимости Сэгэн Сэбдэг тэнгри обнаруживается вариативность: владение книгой (завуалированное указание на магические способности), обладание всесильными чарами, соблюдение нейтралитета, функция гаранта равновесия, миротворческая функция.

V. Заключение. В итоге исследования приходим к выводу, что в образе срединного небожителя закодирован персонаж, олицетворяющий собой сакральный божественный центр вселенной, поддерживающий гармонию и равновесие всех и всего сущего. В версиях улигера, в которых он локализуется на Поклонной горе и обладает пятью божественными книгами, еще раз подчеркиваются его магические способности и особая сила, отличающие его от остальных божеств. Необходимо подчеркнуть, что в разных версиях Гэсэриады образ исследуемого героя не повторяется, в каждом варианте рапсод выстраивает свою концепцию, выявляя значение и роль божества.

В целом образ Сэгэн Сэбдэг тэнгри достаточно органично вписывается в общую канву эпического повествования и демонстрирует определенную стабильность в роли уравновешивающей миропорядок фигуры. Интерпретация сюжета о небожителе обретает поэтическую форму, в которой скрыт глубинный подтекст: проблема первенства становится неразрешимой, а стремление нарушить установленный порядок поворачивается губительными для всего мира последствиями.

¹Абай Гэсэр: записано А.А. Бальбуровым от Б. Жатухаева (р. 1891) в апреле 1941 г. в г. Улан-Удэ // ЦВРК ИМБТ СО РАН, ОАФ. Д. № 2510. 102 с. (машинопись)

Список литературы:

Абай Гэсэр [Сказитель П. Петров, зап. И.Н. Мадасона. Вступ. ст., подг. текста, пер. и коммент. А.И.Уланова]. Улан-Удэ: Бур. комплексный НИИ СО АН СССР, 1960. 314 с.

Абай Гэсэр [Сказитель П.М. Тушемилов, науч. зап. Т.М. Болдоновой; пер., вступит. статья и послесловие С.Ш. Чагдунова]. Улан-Удэ: Изд. Бурятского госуниверситета, 2000. 256 с.

Абай Гэсэр Богдо хан [Зап. М.Н. Хангаловым от Н. Хангалова и Петкова Тушемилова] // Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Путешествие Г.Н. Потанина. 1884-1886. Т. II. СПб, 1893. С. 44-113.

Абай Гэсэр-Хубун: Эпопея (Эхирит. булагат. вариант) [Сказитель Маншута Имегенова, зап. Ц. Жамцарано. Подг. текста, пер. и примеч. М.П. Хоконова. Вступ. ст. А. Уланова]. Улан-Удэ: АН СССР. Сиб. отд-ние. Бурят. комплекс. НИИ, 1961. 231 с.

Бурчина Д.А. Гэсэриада западных бурят. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1990. 449 с.

Бурчина Д.А. Календарно-обрядовые истоки формирования сюжетного ядра бурятской Гэсэриады // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Улан-Удэ, 2000. С. 182-188.

Гэрэлжав Э. О небесных божествах – тэнгриях в монгольском «Гэсэре» (на кит. яз.) // Social sciences of Inner Mongolia. 1996. № 1. С. 36-44.

Гэсэр [Сказитель П.П. Дмитриев, зап. Д. Хилтухин. Подг. к печати А. Уланов, К. Черемисов. Под общей ред. П.И. Хадалова, А.И. Уланова]. Улан-Удэ, 1953. 163 с.

Дугаров Б.С. Мифология бурятской Гэсэриады: западные тэнгри. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2007. 268 с.

Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М.: Наука, 1978. 128 с.

Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск: Наука, 1987. 288 с.

Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма (С древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1980. 320 с.

Уланов А.И. Бурятский героический эпос. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. 245 с.

Уланов А.И. К характеристике героического эпоса бурят. Улан-Удэ: Бурят.-Монг. кн. изд-во, 1957. 172 с.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений: в 3 т. [Под ред. Г.Н. Румянцев]. Т. 2. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2004. 312 с.

Birtalan A. Die Mythologie der Mongolischen volkreigion // Wörterbuch der Mythologie. 34. Band VII. 2. Klett-Kotta, 2000. 1068 p.

Lörincz 1975 – Lörincz L. Die Burjatischen Geser Varianten // Acta orientalia Academiae scientiarum hungaricae. Volume XXIX. Fasc.1. Budarest, 1975. P. 55-91.

References:

Abaj Geser. Skazitel' P. Petrov, zapis' I. N. Madasona. Vstupitel'naya stat'ya, podgotovka teksta, perevod i kommentarii A.I. Ulanova [Abai Gesar. Storyteller P. Petrov, recording by I. N. Madason, introductory article by A.I. Ulanov]. Ulan-Ude: Buryat Complex Research Institute of the Siberian Branch of the Academy of Sciences Union of Soviet Socialist Republics, 1960. 314 p. (In Buryat, in Russian).

Mihajlov T.M. *Iz istorii buryatskogo shamanizma (S drevnejshih времен po 18 vek)* [From the history of Buryat shamanism (From ancient times to the 18th century)]. Novosibirsk: Science Publ., 1980. 320 p. (In Russian).

Mihajlov T.M. *Buryatskij shamanizm: istoriya, struktura i social'nye funkcii* [Buryat shamanism: history, structure and social functions]. Novosibirsk: Science Publ., 1987. 288 p. (In Russian).

Ulanov A.I. *Buryatskij geroicheskiy epos* [Buryat heroic epic]. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1963. 245 p. (In Russian).

Ulanov A.I. *K harakteristike geroicheskogo eposa buryat* [To the characteristic of the heroic epic of the Buryats]. Ulan-Ude: Buryat-Mongolian Book Publ., 1957. 172 p. (In Russian).

Khangelov M.N. *Sobranie sochinenij: v 3 tomah. Pod redakciei G. N. Rumyantseva* [Collected works: in 3 volumes. Edited by G.N. Rumyantsev]. Volume 2. Ulan-Ude: Republican Publ., 2004. 312 p. (In Russian).

Gerelzhav E. O nebesnyh bozhestvah – tengriyah v mongol'skom "Gesere" [About the heavenly deities – tengri in the Mongolian "Geser"]. *Social sciences of Inner Mongolia*. 1996. № 1. Pp. 36-44. (In Chinese).

Birtalan A. Die Mythologie der Mongolischen volkreigion. *Wörterbuch der Mythologie*. 34. Band VII. 2. Klett-Kotta, 2000. 1068 p. (In Hungarian).

Lörincz L. Die Burjatischen Geser Varianten. *Acta orientalia Academiae scientiarum hungaricae*. Volume XXIX. Fasc.1. Budarest, 1975. Pp. 55-91. (In German).

Abaj Geser-Hubun: Epopeya: (Ekhirit. bulagat. variant). Skazatel' Manshuta Imegenova, zapisan C. Zhamcarano. Podgotovka teksta, pertvod i primechaniya M.P. Homonova; Vstupitel'naya stat'ya A. Ulanova [Abai Gesar hubun: Epic (Ehirit-Bulagat version). Recorded by Ts. Zhamtsarano from the storyteller M. Imegenov, text preparation, translation, and notes by M.P. Khomonov, introductory article by A. I. Ulanov]. Ulan-Ude: Buryat Complex Research Institute of the Siberian Branch of the Academy of Sciences Union of So-

viet Socialist Republics, 1961. 231 p. (In Buryat, in Russian).

Abaj Geser. Skazitel' P.M. Tushemilov, zapisivala T.M. Boldonova; perevod, vstupitel'nata stat'ya i posleslovie S. SH. Chagdurova [Abai Gesar. Storyteller P. M. Tushemilov, scientific record by T.M. Boldonova, introductory article and afterword by S.Sh. Chagdurov]. Ulan-Ude: Buryat State University Publ., 2000. 256 p. (In Buryat, in Russian).

Abaj Geser Bogdo han. Zapisano M.N. Khangalovym ot N. Hangalova i Petkova Tushemilova [Abai Gesar Bogdo khan. [Written by M. N. Khangalov from N. Khangalov and Petkov Tushemilov]. *Tangutsko-Tibetskaya okraina Kitaya i Central'naya Mongoliya. Puteshestvie G.N. Potanina. 1884-1886* [Tangut-Tibet outskirts of China and Central Mongolia. The journey of G.N. Potanin. 1884-1886] Volume II. St. Petersburg, 1893. Pp. 44-113. (In Russian).

Burchina D.A. *Geseriada zapadnyh buryat* [Geser epic of the Western Buryats]. Novosibirsk: Science Publ., Siberian Branch, 1990. 449 p. (In Russian).

Burchina D.A. *Kalendarno-obryadovye istoki formirovaniya syuzhetnogo yadra buryatskoj Geser-*

ady [Calendar and ritual sources of the formation of the plot core of the Buryat Geser epic]. *Problemy istorii i kul'tury kochevyh civilizacij Central'noj Azii* [Problems of history and culture of nomadic civilizations of Central Asia]. Ulan-Ude, 2000. Pp. 182–188. (In Russian).

Geser. Skazitel' P.P. Dmitriev, zapisano D. Hiltuhin. Podgotovil k pechati A. Ulanov, K. Cheremisov. Pod obshchej redakciei P.I. Hadalova, A.I. Ulanova [Geser. Storyteller P.P. Dmitriev, recording by D. Khiltukhin. Preparing for printing by A. I. Ulanov, K. Cheremisov. Under the general editorship of P.I. Khadalov and A.I. Ulanov]. Ulan-Ude, 1953. 163 p. (In Buryat).

Dugarov B.S. *Mifologiya buryatskoj Geseriady: zapadnye tengri*. [Mythology of the Buryat Geser epic: Western Tengri]. Ulan-ude: Republican Publ., 2007. 268 p. (In Russian).

Manzhigeev I.A. *Buryatskie shamanisticheskie i doshamanisticheskie terminy* [Buryat shamanistic and pre-shamanistic terms]. Moscow: Science Publ., 1978. 128 p. (In Russian).

E.B. Ayusheeva, L.S. Dampilova, O.V. Khandarova

The Functions of a Celestial Segen Sebdeg Tengeri in the Buryat Versions of the Geseriad

Scientific novelty. In this article, for the first time, a comparative analysis of all available handwritten and published Buryat versions of the Geseriad on this topic is carried out. The definition of the functions of mythological characters in the plot movement of epic texts seems relevant. *The aim and tasks.* The purpose of the work is to identify the role and significance of the deity of the middle sky in the mythological picture of the world of the Buryats. *Research methods.* The study uses the comparative-typological method as the main one; the comparative method is also used. With the help of a systematic approach, the analysis of cross-cutting plots in which the character in question functions is realized. *Results.* As a result of the research, we come to the conclusion that the image of Segen Sebdeg tengeri codes the character, representing the sacred divine center of the universe, maintaining the harmony and balance of all beings and all things. In the versions of the uliger, in which he localizes on Worshipful Mountain (Sahidag uula) and possesses five divine books, his magical abilities and special power are once again emphasized. It distinguishes him from other deities. It should be emphasized that in different versions of Geseriad the image of this hero is not similar. In each version the rhapsode creates his own concept, revealing the special meaning and role of the deity.

Keywords: middle tengri, Buryat epos, Geseriad, Ekhirit-Bulagat tradition, Unga version, celestials, character, mythology

Эпические мотивы Малодербетовского цикла эпоса «Джангар»*

Научная новизна. Мотивы Малодербетовского цикла эпоса «Джангар» впервые рассматриваются как одно из слагаемых эпического сюжета, строящегося по единой модели: 1) героическая коллизия; 2) выбор/самовыбор богатыря (отправление в поход); 3) преодоление пути (претерпевание препятствий); 4) героический подвиг; 5) восстановление мира.

Цель и задачи. В статье рассматриваются сюжетообразующие мотивы песни «Күрл Эрднь маңһс хааг богд Жаңһр дөрэцүлгсн бөлг» («Песнь о том, как богдо Джангар хана мангасов Кюрюл Эрдени покорил») Малодербетовского цикла «Джангара» с целью выявления и анализа повествовательных единиц мотива в их сюжетной последовательности.

Методы исследования. При анализе эпических мотивов применяется сравнительный, сравнительно-сопоставительный методы.

Результаты. В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что сюжетообразующие мотивы, являясь частью повествовательной структуры, предстают в виде предикативной конструкции, имеющей свою последовательность, где каждый комплекс мотивов имеет нерасторжимую связь между собой. Так, мотив угона табуна, представляющий конфликтную ситуацию, повлек за собой самовыбор богатыря, отправление его в боевой поход, в котором герою предстояло преодолеть препятствия в пути, совершить героический подвиг, вступив в единоборство с противником потерпеть неудачу и быть плененным в верхнем мире, вступить в единоборство с ханом-антагонистом и одержать победу, уничтожить змея-поглотителя, с помощью мифической птицы спуститься из верхнего мира, испытать приключения в маске плешивого героя и вернуться в бумбайскую страну.

Ключевые слова: эпос «Джангар», Малодербетовский цикл, песнь, мотив, герой, богатырь, мангас, верхний мир

I. Введение. Калмыцкий героический эпос «Джангар» является величайшим достоянием духовной культуры калмыцкого народа, вершиной его эпического творчества, традиции которого развивались и сохранялись из века в век. Эпос «Джангар», пройдя многовековой путь стадийного развития, стал циклическим эпосом, объединившим группу песен-поэм вокруг единого героя – Джангара. В настоящее время в джангароведении известны следующие циклы и эпические репертуары: Малодербетовский цикл (запись 1862 г.), включающий три песни-поэмы; Багацохуровский цикл (1853–1862 гг.) – 3 песни; эпический репертуар рапсода Ээлян Овлы (1908 г.) – 10 песен; эпический репертуар джангарчи Давы Шавалиева (1939 г.) – 4 песни; эпиче-

ский репертуар сказителя Насанки Балдырова (1966 г.) – 1 песнь-поэма; эпический репертуар сказителя Бадмы Обушинова (1901 г.) – 1 песнь-поэма; эпический репертуар джангарчи Телтя Лиджиева (1970 г.) – 10 песен.

Целью настоящего исследования является выявление и анализ повествовательных единиц мотива в песне «Күрл Эрднь маңһс хааг богд Жаңһр дөрэцүлгсн бөлг» («Песнь о том, как богдо Джангар хана мангасов Кюрюл Эрдени покорил») Малодербетовского цикла «Джангара». При анализе эпических мотивов применяется сравнительный, сравнительно-сопоставительный методы.

II. Материалы и методы. Материалом исследования является Малодербетовский цикл

*Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (регистрационный номер АААА-А19-119011490036-1).

калмыцкого героического эпоса «Джангар», записанный в 1862 г. на ойратской письменности «тодо бичиг» («ясное письмо»). Рукопись песен хранится в рукописном фонде библиотеки Санкт-Петербургского университета и имеет название на обложке: «Джангара (список М[ало] дербетовского улуса)» [РО БВФ СПбГУ. Сalm. С 4]. Малодербетовский цикл калмыцкого героического эпоса «Джангар», состоящий из трех песен: 1. «Ут Цаһан манһсиг богд Жаһһр дөрэцүлгсн бөлг» ('Песнь о том, как богдо Джангар мангаса Уту Цагана покорил'); 2. «Күрл Эрднь манһс хааг богд Жаһһр дөрэцүлгсн бөлг» ('Песнь о том, как богдо Джангар хана мангасов Кюрюл Эрдени покорил'); 3. «Догшн Шар Гүргү манһс хааг дуут Улан Шовшур дөрэцүлгсн бөлг» ('Песнь о том, как прославленный Улан Шовшур хана мангасов Свирепого Шара Гюргю покорил'), является одним из ранних по времени бытования и фиксации (1862 г.), а также одним из архаичных, поскольку в нем сохранились мифологические мотивы. Эпические песни Малодербетовского цикла отличаются внутренним сюжетным единством и повествуют о героических подвигах Джангара и его богатырей в борьбе с противниками Бумбы. При анализе эпических мотивов применяется сравнительный, сравнительно-сопоставительный методы.

III. Результаты. Песни Малодербетовского цикла «Джангара» строятся по единой модели эпического сюжета и включают в себя ряд сюжетобразующих мотивов, имеющих следующую устойчивую последовательность:

1. Героическая коллизия
2. Выбор/самовыбор богатыря (отправление в поход)
3. Преодоление пути (претерпевание препятствий)
4. Героический подвиг
5. Восстановление мира

Рассмотрим мотивы песни «Күрл Эрднь манһс хааг богд Жаһһр дөрэцүлгсн бөлг» в их сюжетной последовательности.

1. Героическая коллизия
- 1.1. Мотив угона табуна

Завязкой сюжета песни служит сообщение табунщика Шара Мангаса об исчезновении табуна. Мотив угона табуна, разработанный в эпо-

се «Джангар», являет собой конфликтную ситуацию. Число угоняемых коней в песнях «Джангара» дается гиперболизировано, так, в песне «Кюрюл Эрдени» неизвестный похититель угоняет семидесятитысячный табун кобылиц, возглавляемый рыжим жеребцом [Калмыцкий героический эпос..., 2020: 174–175].

Мотив угона табуна, являясь одним из распространенных, присутствует в разных циклах и эпических репертуарах «Джангара»: в песне «Догшн Замбл хаана Һалзу долан бодһгиг Аср Улан Хоһһр Күнд Һарта Савр хойр дөрэцүлгсн бөлг» («Песнь о том, как Улан Хонгор Могучий и Тяжелорукий Савар одолели семерых неукротимых вепрей[-богатырей] Свирепого Замбал-Хана») Багацохуровского цикла, где «второй ход сюжета посвящен похищению и возвращению девятидесяти тысяч табуна Джангар-хана» [Убушиева, 2019, 66], встречается также в песне «Ке шар цоохр мөртэ Келмән көвүн Моңхуяла дээлдгсн бөлг» («Песнь о поединке [Джангара и его богатырей] с Монхуля, сыном Кермина, владеющим красивым соловом-чубарым конем») сказителя Давы Шавалиева и в «Песне о том, как Мингъян пригнал Джангару табун золотисто-рыжих скакунов Тюрк Алтан хана» джангарчи Телтя Лиджиева¹.

2. Выбор / самовыбор богатыря (отправление в поход).

Из рассказа Джангара становится ясно, что угон табуна связан с давно произошедшими событиями: «— В начале ранних времён, / Когда [мир] безлюдной пустыней был, / Семь стран нижнего мира / Вере [и власти] своей я подчинил, / Скакун мой был изнурён, / Силы покинули меня, / И я возвращался домой. / Когда ехал я, / С сорока четырьмя головами / Огромный чёрный мус повстречался. / Сорок его голов снеся, / считающуюся нежной печень его / Вырвав, / На резвом Зерде / Уходить я стал. / Тот мус, когда / Душа покидала его [крикнуть успел]: / «Узюнга единственный [сын] Джангар, / За это тебе / Сполна я отомщу!» — так / Он крикнул, / И душа его отлетела. / Кто знает, где после он переродился!» [Калмыцкий героический эпос..., 2020: 177].

Похищенный табун должен быть незамедлительно возвращен в бумбайскую страну, поэто-

¹Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Фонозаписи эпических песен репертуара Телтя Лиджиева.

му Джангар с богатырями немедленно отправляются в погоню за антагонистом.

3. Преодоление пути (претерпевание препятствий).

3.1. Эмоциональное состояние (страх) богатыря.

В погоне за угнанным табуном Джангар прибывает на пограничье. Визуализировав на гору Цаган, герой обозревает местность и видит, как четыре бирмена пригнали на водопой его табун, а на расстоянии полета стрелы могущественный Кюрюл Эрдени-хан в одиночестве едет. Увидев хана-антагониста, Джангар испытывает одну из сильнейших эмоций — страх, который является реакцией на внешнюю угрозу в лице Кюрюл Эрдени. Проведя в страхе двенадцать суток, герой не решается на действия. Только возмущение и негодование прибывшего Хонгора способствовали внутренней перемене героя:

Дотадын долан түмн сүрэ дөгэд, / Хазадын нэгмн түмн сүрэ буульгад, / Зеерд деерэн харв. / Зеерд адунн мөрт орад жиһнв. (Внутренних семьдесят тысяч вдохновений испытал, / Внешних восемьдесят тысяч воодушевлений испытал, / На Зерде своего вскочив, / По следу табуна из рыжих [коней] он помчался) [Калмыцкий героический эпос..., 2020: 186–187].

Воодушевленный Хонгором Джангар, нагнав врага, с боевым кличем вступает в единоборство с Кюрюл Эрдени-ханом.

4. Героический подвиг.

4.1. Единоборство богатыря

Поединок богатыря изображается по той же схеме, что и в первой песне цикла: богатыри попеременно наносят друг другу удары, схватка продолжается богатырской плетью, затем Джангар, пронзив острием, на копье поднимает хана-антагониста, но оружие не выдержало и переломилось. Кюрюл Эрдени-хан, увидев, какая мощная подмога подошла к Джангару, превращается в Хана Гаруду и уносит героя на небо.

4.2. Пребывание в героя в верхнем мире.

4.2.1. Испытание героя.

Верхний мир по представлениям предков калмыков «ничем не отличается от окружающего рапсодов мира: те же юрты, та же «казахская» телега, арба-двуколка, тот же хан-феодал, каких немало встречали как в ойратском мире, так и за его пределами, в виде его врагов; домашние и дикие животные — как и на земле» [Кичиков, 1976: 74].

В верхнем мире плененный ханом-антагонистом Джангар подвергается адским мукам: «С человеческое туловище [толщиной] / Из крепкой стали [цепью] к огромной, железом обитой телеге приковав, / Восемью тысяч ударов они наносили, / Восемь тысяч раз калёным железом жгли его, / В каждое мгновение двенадцати преисподних нестерпимые муки / Джангар испытывал» [Калмыцкий героический эпос..., 2020: 193]. Испытания, которые проходит герой, раскрывают его богатырские качества, Джангар терпит адские муки, ради достижения своей цели — уничтожения врага Бумбы — мангаса Кюрюл Эрдени.

4.2.2. Мотив «внешней души».

Мангас — персонаж антропоморфный, «полностью уподобляясь «человеческому» противнику — в героических песнях, складывающихся в эпоху феодальных войн (XIV–XVII вв.), он становится подобен богатому кочевнику или феодальному владыке» [Неклюдов, 2019: 108]. Рассматриваемый персонаж мангас-оборотень Кюрюл Эрдени первоначально был сорокачетырёхголовым кривым черным мусом, с которым Джангар «В начале ранних времён, / Когда [мир] безлюдной пустыней был» встретившись, расправился с ним «Сорок его голов снеся, / считающуюся нежной печень его / Вырвав», теперь мангас, движимый местью, «Узюнга единственный [сын] Джангар, / За это тебе / Сполна я отомщу!» [Калмыцкий героический эпос..., 2020: 177], приняв человеческий облик, пленил героя и подверг адским мукам. Чтобы уничтожить мангаса Кюрюл Эрдени, Джангару необходимо истребить его «внешнюю душу».

Мотив «внешней души» является одним из архаичных мотивов, относящихся к числу «важнейших образов мифологического мышления» [Неклюдов, 1975: 65]. «Отделение души от тела есть смерть. Но: отделение души от тела и изолированное хранение ее есть бессмертие» [Неклюдов, 1975: 65]. Душа может размещаться в самых разных посторонних предметах. С.Ю. Неклюдов приводит два ассоциативных ряда: 1) *душа — жизнь — судьба — удача — счастье*; 2) *душа — источник жизни — жизненная сила — сила богатырская — сила «духовная» (потусторонняя, сверхъестественная, колдовская; магические и мантические способности,*

тайное знание, мудрость, хитрость) [Неклюдов, 1975: 65].

Душа хана-антагониста Кюрюл Эрдени размещается в «универсальном космическом символе верха» [Неклюдов, 2019: 125] – семи птенцах, которые находятся в чреве маралихи. Младшая хатун Кюрюл Эрдени-хана – дочь Солнца, освободившая пленника Джангара из оков и указавшая ему место нахождения души хана-оборотня, выполняет функцию помощника героя. Джангар не желает принять свободу из рук женщины, тогда дочь Солнца раскрывает причину, побудившую ее помочь герою: «Я дочерью Солнца была, / Когда я, резвясь, цветы здесь собирала, / Меня сорокачетырехголовый / Кривой чёрный мус / Проглотил. / Вы этому мусу / Сорок голов снесли, / Считающуюся нежной печень его вырвали. / Чрево того муса покинув, / Вновь солнце увидела я, за это вам благодарна я» [Калмыцкий героический эпос..., 2020: 203].

Джангар, добыв птенцов из печени маралихи, шестерых огню предает, и, засунув седьмого под набойку сапога, отправляется к мангасу. В архаическом эпосе плохое самочувствие мангаса ассоциируется с приближением его смерти. Также и в рассматриваемом мотиве недомогание Кюрюл Эрдени связано с его последним поединком:

«Джангара / За полы [*беимета*] схватив, / Оземь стал бить его, без устали бил его / Когда так бил его, [спрятанный] / В правом сапоге, под набойкой, / Детёныш раздавленным оказался. / Кюрюла Эрдени / Крепкая красная аорта оборвалась, / У семидесяти рек росший лес повалив, он упал, / Для бесчисленных рыб морских приманкой он стал» [Калмыцкий героический эпос..., 2020: 205].

Могущественный враг Бумбы Кюрюл Эрдени-хан уничтожен. Герой ищет способ спуститься из верхнего мира на землю.

4.2.3. Мотив змееборства

Как известно, змей – один из популярных персонажей народных сказок. В различных национальных традициях имеются многочисленные вариации его образа, достаточно полные и интересные для рассмотрения, выявления отличительных черт и создания собирательного образа отрицательного героя народной сказки.

По мнению А.Н. Афанасьева, змей является олицетворением молнии и тучи, пламени и яда;

змеиная кровь – дождь; конь его и крылья – вихри; свист – вой бури; стрелы и палица – молнии. В некоторых сказочных сюжетах змей – похититель небесных светил и хранитель драгоценных кладов, змей – оберегатель живой воды и творец дождевых потоков, змей – виновник бездождия и засухи, змей – похититель и любовник красавиц, пожиратель дев [Афанасьев, 1865: 259–321]. Значимость образа змея объясняется тесной связью со многими основными религиозными представлениями славян. Поверья приписывают Змею демонические свойства, богатырскую силу, умение менять свой облик, обладание несметными богатствами и живой водой, знание целебных трав.

В калмыцком фольклоре, как и в фольклоре других народов, образ змея может быть как положительным, так и отрицательным. В древнее время змей был почитаем как тотемное животное, позднее он трансформировался в образ, олицетворяющий тотемные, грозные силы природы, а затем и в угнетателя, насильника, врага.

Т.Г. Басанговой рассмотрен образ змеи в калмыцком фольклоре, по мнению исследователя: «В мифологии калмыков образ змеи занимает особое место. Суеверные калмыки считали, что змеи бывают нескольких видов – это змея с двумя головами и рогатая змея. Среди калмыков существовал обряд выпрашивания рогов у змеи: нужно было сесть перед ползущей змеей и расстелить белый платок, и тогда змея, сбросив рога на белый платок, ползет дальше. Калмыки считали, что эти рога бывают золотого или серебряного цвета. Встреча со змеей носит у калмыков знаковый характер» [Басангова, 2014].

В мифологии калмыков сохранились народные представления о змее: «В давние времена змеи почитались также, как и бурханы. Змей и лягушек не убивали – соблюдали табу. «Убить одну лягушку всё равно что убить семерых гелюнгов», – говорили [калмыки]. Если в дом заползала змея, её не убивали, подманивая молоком, заставляли покинуть дом или, помазав ей голову маслом, отпускали. Души предков, воплотившись в змею, приходили посмотреть, как мы живем, – так говорили. Есть и змеи с рогом. Только не каждому дано увидеть их. Если такая змея встретится, надо перед этой змеей расстелить белый платок и, по обычаю, поклонившись, забрать себе рог, который она скинет. Че-

ловец, взявший змеиный рог, способен лечить и исцелять людей. Доводилось также слышать, что у змей есть ноги. Человек, увидевший ноги змеи, долго не живет. Если пришло время человеку принять определенный дар – стать шаманом или начать лечить людей, ему снятся змеи» [Мифы, легенды и предания калмыков, 2017: 175].

Образ змеи связан с представлениями об изобретении дара медлги. «По рассказам одной из медлги, принимающей в Ики-Бурульском районе, как в роду ее отца, так и в роду ее матери были сильные гелюнг: у отца – в начале века прославился Дорджи Гунзлама, у матери – Маца бакши, служивший в хуруле рода «ики-буурла». С детства девочка иногда входила в измененное состояние сознания. Так, в переходном возрасте – 12 лет – к ней явилась белая змея, которую нужно было задобрить и перед которой следовало помолиться, расстелив белый платок (по поверью, змея сбросит рожки, которые дают особую силу лечения). Но девочку из этого состояния сознания вывела своим зовом бабушка, не видевшая змею. При присутствии духа-покровителя чувствовала медлги и затем, пока во сне ей не явился Маца бакши, передавший белый мешочек с наказом лечить заговорами, молитвами и народными средствами («домнх»). Все божества-покровители (а их семь) – буддийские, они помогают лечить (руками и молитвами) и предсказывать будущие события» [Бакаева, 2003: 293].

Мотив змеборства относится к числу архаических сюжетов эпоса. Являясь одним из распространенных мотивов, по мнению В.Я. Проппа, «мотив змеборства возникает вместе с государственностью» [Пропп, 1986: 224]. Рассматривая эволюцию мотива В.Я. Пропп приходит к выводу, что мотив змеборства развился из мотива поглощения, которое первоначально представляло обряд инициации. Проглоченный и извергнутый герой наделялся магическими способностями, но со временем связь с обрядами утрачивается и поглощение не испытывается как благо. С исчезновением смысла поглощения и извержения развивается борьба с поглотителем.

В героическом эпосе «Джангар», в частности в изучаемой песне, хан Джангар в поисках пути вернуться на землю, блуждая, видит гнездо мифической птицы хан Гаруды на берегу широкого океана. В том гнезде сидят три птенца-дочери

хана Гаруды. Джангар видит, что к птенцам, чтобы съесть, подбирается враждебная светлая с белой отметиной на голове змея. Герой разрубает змею на три части и отдает их птенцам хана Гаруды. Спасенные птенцы, боясь гнева матери, спрятали Джангара под своим гнездом. Когда прилетела хан Гаруда и спросила у дочерей, как они уцелели и кто убил змею, то птенцы рассказали о спасителе. В благодарность Гаруда спускает героя на землю [Калмыцкий героический эпос..., 2020: 204–209].

4.2.4. Мотив превращения героя в плешивого мальчика

После пребывания в верхнем мире Джангар с помощью Гаруды спускается на землю и превращает себя в плешивого мальчика, Зерде скакуна в безгривого рыжего жеребенка-двухлетку.

Мотив превращения героя генетически взаимосвязан с богатырской сказкой. Известный сказочный мотив превращения мотивирован тем, что богатырь не может проникнуть в собственном облике во дворец, являющийся конфликтным локусом. В этом облике герой не только не узнаваем, но и не уязвим.

Мотив превращения героя в паршивца-тарха присутствует в эпическом цикле джангарчи Ээлян Овла, в записи (1908 г.) Номто Очирова в «Песне о том, как в свои восемнадцать лет Хонгор привез в супруги Герензел, дочь Догшин-Цаган-Зула хана – одного из четырех ханов четырех сторон» [Жаңһр, 1978, т. 2: 25–70] и в эпическом репертуаре сказителя Давы Шавалиева «Хонһрин гер авлһн[а бөлг]» («Песнь о женитьбе Хонгора») [Манджиева, 2018: 79–102], которые целиком посвящаются теме женитьбы богатыря Хонгора.

Тема сватовства сказочного героя в «Джангаре» порождает сюжет о походе героя в иной мир, проявляющегося в виде скитания Хонгора, вступления в границы владений Замбал хана, превращения Хонгора в плешивого мальчика (паршивца-тарха), а коня – в плохонького жеребенка. Прибытие Хонгора в обличье плешивого мальчика связано с обрядом инициации, знаменующим переход героя на новую ступень, в данном случае в статус жениха.

В Малодербетовском цикле мотив плешивого героя «неумойки» и «незнайки» взаимосвязан с представлениями о неузнаваемости героя, возвратившегося из страны смерти [Пропп,

1986: 135]. С точки зрения разработки эпического сюжета в целом и реализации темы героического сватовства в особенности использование маски «лысого паршивца» оказывается исключительно продуктивным художественным приемом, позволяющим представить эпическую композицию в виде системы взаимообуславливающих элементов в случае постоянства этой маски [Кичиков, 1992: 219].

Джангар в облике плешивого мальчика преследует две цели: во-первых, быть неузнанным в чужой стране, во-вторых, разведать обстановку и собрать информацию о положении в стране Алтан Гюргю-хана.

Мотив усыновления героя бездетными стариками архаического эпоса, связанный с активным поиском суженой, в героическом преобразуется в поиск.

«Несмотря на «низкое» обличье, многие признаки выдают в нем героя-богатыря – хитрость, смекалка, находчивость, магические способности, исполнительское искусство, которые он намеренно демонстрирует» [Селеева, 2019: 71]. Участие плешивого в играх в альчики и последующий выигрыш открывает герою возможность проникнуть в ханский дворец. В обличии плешивца-тарха Джангар приходит к Алтан Гюргю-хану с жалобой на сыновей старшего и младшего тушимелов. Хан, выслушав две стороны, восстанавливает справедливость и присуждает выигрыш плешивому. Герой по-своему распоряжается с выигранным золотом: шесть телег отдает заступившемуся за него сыну среднего тушимела, а тринадцать – своим старикам.

Приключения героя в маске паршивого развиваются дальше. Как оказалось, из владений Алтан Гюргю-хана в страну могущественного Шара Мангас-хана в год по три тысячи девушек, по три тысячи юношей отправляли. Плешивец-тарха уничтожает посланца Шара Мангаса Онге Цагана борца, разорвав его надвое. Благодарный Алтан Гюргю-хан отдает плешивого в услужение своему сыну Мёнген Герелу. Проходит время, и новый слуга предлагает ханскому сыну отправиться в путешествие, чтобы познать чужие земли, узнать людей. Так, ханский сын Мёнген Герел и Джангар, в обличии паршивого мальчика оказываются в Бумбе.

4.3. Мотив «муж на свадьбе своей жены» («возвращение мужа»)

Мотив «муж на свадьбе своей жены» является одним из распространенных в фольклоре и средневековой литературе европейских народов. В.М. Жирмунский отмечает известность данного сюжета во французской, немецкой, английской, итальянской, испанской, скандинавской, русской и славянской, венгерской, румынской, новогреческой литературе [Жирмунский, 1960: 278].

В русской былинной традиции также встречается этот мотив: в разгар свадебного пира Добрыня возвращается домой. Для него как скомороха находится местечко на печи, однако игрой на гуслих он так покоряет присутствующих, что князь предлагает ему любое место на пиру. Так Добрыня оказывается за пиршественным столом – напротив невесты. Узнавание происходит по обручальному кольцу.

В Малодербетовском цикле «Джангара» властелин эпической Бумбы после длительного отсутствия возвращается домой в облике плешивого мальчика. За время приключений Джангара в верхнем мире его когда-то трехлетняя Шавдал *хатун* постарела, герой видит сидящую на его престоле седую старуху [Калмыцкий героический эпос..., 2020: 219]. Здесь угадывается возвращение Одиссея к Пенелопе, но присутствующая в «Одиссее» ситуация «муж на свадьбе жены» отсутствует: свою постаревшую Ага Шавдал хатун Джангар видит на своем троне, одинокую, а не в обществе претендентов на ее руку.

Таким образом, Малодербетовский цикл «Джангара» помнит художественно разработанное в далеком прошлом повествование на тему «муж на свадьбе жены», но утратило ее, когда потеряла свою актуальность тема героического сватовства в целом.

5. Восстановление мира.

5.1. Мотив пира

Возвращение хана Джангара и Хонгора явилось восстановлением нарушенного равновесия Бумбы. Конфликт, назревший в завязке песни, разрешился счастливой развязкой: могущественный враг-мангас Кюрюл Эрдени-хан побежден, в бумбайской державе восстанавливается мир.

Мотив пира во дворце Джангара является финальной сценой повествования: «Некогда потерянный [всеми] / Молодой *нойон* Джангар /

По велению времени / На престол свой взошёл.
/ Смерть не познавшая, вечной жизни страна его
была величава, / Зим не знающая, [вечного] лета
страна его была величава, / *Богдо* тридцать пять
вепрей[-богатырей], / Семьдесят два хана, у ко-
торых [подобные океану Бумба] океаны есть, /
С великим *богдо* / Из молока необъезженных
кобылиц / В изобилии готовящейся *арзой* уго-
щаясь, сидели. / Богатырей Бумба страна в спо-
койствии пребывает всегда» [Калмыцкий героиче-
ский эпос..., 2020: 223].

Таким образом, проведенное исследование показало, что мотивы Малодербетовского цикла, являясь частью повествовательной структуры, предстают в виде предикативной конструкции, имеющей свою последовательность, где каждый комплекс мотивов имеет нерасторжимую связь между собой. Так, мотив ультиматума, мотив угона табуна и мотив мировой скорби, представляющие конфликтную ситуацию, повлекли за собой самовыбор богатыря, отправление его в боевой поход, где ему предстояло преодолеть препятствия в пути, совершить героический подвиг, вступив в единоборство с противником, пережить временное поражение, вместе с прибывшими на помощь богатырями победить антагониста, вернуть бумбайский народ и возродить Бумбу, а в заключительной песне – пережить приключения в связи со спасением и возвращением Хонгора из нижнего мира. В соответствии с прологом цикла джангарчи изображает возрожденную Бумбу, символизирующую восстановление эпической гармонии и мира.

IV. Обсуждение. В создании эпического произведения в целом велико значение мотивов как значимых и необходимых единиц фольклорной поэтики. По мнению британского исследователя Дж. Даггана, эпос складывается и передается посредством «мотива и формулы» Дж. Дагган [Duggan, 1973: 67], французский ученый Ж.-П. Мартен [Martin, 1987] рассматривает нарративные мотивы, которые не имеют четкой закреплённости в сюжете. Мотив «трудноуловим и трудноопределим, неясно соотношение его синтагматических и парадигматических ракурсов, морфологической схемы и текстовой реализации, универсальных структур и национально-специфических редакций, его корреляций с компонентами модели / картины мира, с одной стороны, и с «общими местами» текста, loci

communes, с другой» [Неклюдов, 2004, 236]. Тем не менее исследователям эпоса приходится продумывать и искать свой подход в трактовке мотива, определении его границ и функций. Модель эпического сюжета, состоящая из устойчивой последовательности элементов применена нами к эпическим песням «Джангара». Анализ песен Малодербетовского цикла показал, что мотивы строятся по единой модели эпического сюжета и включают в себя ряд сюжетообразующих мотивов, имеющих устойчивую последовательность: 1) героическая коллизия; 2) выбор/самовыбор богатыря (отправление в поход); 3) преодоление пути (претерпевание препятствий); 4) героический подвиг; 5) восстановление мира.

V. Заключение. Таким образом, в результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что сюжетообразующие мотивы, являясь частью повествовательной структуры, предстают в виде предикативной конструкции, имеющей свою последовательность, где каждый комплекс мотивов имеет нерасторжимую связь между собой. Так, мотив угона, представляющий конфликтную ситуацию, повлек за собой самовыбор богатыря, отправление его в боевой поход, в котором герою предстояло преодолеть препятствия в пути, совершить героический подвиг, вступив в единоборство с противником, потерпеть неудачу и быть плененным в верхнем мире, затем освободиться из плена, вступить в единоборство с ханом-антагонистом и одержать победу, уничтожить змея-поглотителя, с помощью мифической птицы спуститься из верхнего мира, испытать приключения в маске плешивого героя и вернуться в бумбайскую страну. В финале песни в соответствии с прологом цикла джангарчи изображает возрожденную Бумбу, символизирующую восстановление мира и эпическую гармонию.

Список литературы:

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. Т. 2. М., 1865-1869. 793 с.

Бакаева Э.П. Добуддийские верования калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 357 с.

Басангова Т.Г. Змея в мифологии калмыков // Новые исследования Тувы. № 2. 2014. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_22/7148-basangova.html (дата обращения: 26.02.2021)

Жирмунский В.М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 335 с.

Жаңһр. Хальмг баатһрлг дуульвр (25 бөлгин текст: 1–2 боть) = Джангар. Калмыцкий героический эпос (тексты 25 песен). М.: Наука, ГРВЛ, 1978. Т. 1: 441 с. Т. 2: 417 с.

Калмыцкий героический эпос «Джангар»: Малодербетовский цикл. М.: АО «Первая Образцовая типография», Филиал «Чеховский Печатный Двор», 2020. 544 с.

Кичиков А.Ш. Героический эпос «Джангар»: сравнительно-типологическое исследование памятника. М.: Наука, 1992. 320 с.

Кичиков А.Ш. Исследование героического эпоса «Джангар»: вопросы исторической поэтики. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 154 с.

Манджиева Б.Б. Хальмг баатһрлг дуульвр «Жаңһр»: Шавалин Даван дуһргин шинжллт болн текстмүд (Калмыцкий героический эпос «Джангар»: исследование и тексты эпического репертуара Давы Шавалиева). Элиста: КалмНИЦ РАН, 2018. 264 с.

Мифы, легенды и предания калмыков. М.: Наука – Вост. лит., 2017. 365 с.

Неклюдов С.Ю. Душа убиваемая и мстящая / Труды по знаковым системам, VII // Ученые записки ТГУ. № 394. Тарту, 1975. С. 65–75.

Неклюдов С.Ю. Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный. М.: Индрик, 2019. 592 с.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 365 с.

Селеева Ц.Б. «Героическое сватовство» в синьцзян-ойратской версии «Джангара»: сюжетный состав и композиционная структура // Новый филологический вестник. 2019. № 2 (49). С. 65–78.

Убушиева Д.В. Мотивы «тууль-улигера» (архаического эпоса) в героическом эпосе «Джангар» // Новый филологический вестник. 2019. № 1(48). С. 57–69.

Duggan J.J. The Song of Roland: Formulaic Style and Poetic Craft. Berkeley: University of California Press, 1973. 226 p.

Martin J.-P. Les motifs dans la chanson de geste. Définition et utilisation // Cahiers de Civilisation Médiévale, 1987. Pp. 315–329.

References:

Afanas'ev A.N. *Pojeticheskie vozzrenija slavyan na prirodu: Opyt sravnitel'nogo izuchenija slavyanskikh pre-*

danij i verovanij v svyazi s mificheskimi skazanijami drugih rodstvennyh narodov [Poetic views of the Slavs on nature: The experience of a comparative study of Slavic traditions and beliefs in connection with the mythical legends of other related peoples]. Volume 2. Moscow, 1865–1869. 793 p. (In Russian).

Bakaeva E.P. *Dobuddijskie verovanija kalmykov* [Pre-Buddhist Beliefs of Kalmyks]. Elista: Dzhangar Publ., 2003. 357 p. (In Russian).

Basangova T.G. Zmeja v mifologii kalmykov [Snake in Kalmyk mythology]. *Novye issledovanija Tuvy* [New research of Tuva]. № 2. 2014. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_22/7148-basangova.html (date of appeal: 26.02.2021) (In Russian).

Duggan J. J. *The Song of Roland: Formulaic Style and Poetic Craft*. Berkeley: University of California Press, 1973. 226 p. (In English).

Kalmyckij geroicheskij jepos «Dzhangar»: *Maloderbetovskij cikl* [Kalmyk heroic epic “Dzhangar”: Maloderbetovsky cycle]. Moscow: The first exemplary publ., Filial “Chekhov Publ.”, 2020. 544 p. (In Russian).

Kichikov A.Sh. *Geroicheskij jepos “Dzhangar”*: *sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie pamjatnika* [The heroic epic “Dzhangar”: a comparative typological study of the monument]. Moscow: Science Publ., 1992. 320 p. (In Russian).

Kichikov A.Sh. *Issledovanie geroicheskogo jeposa «Dzhangar»*: *voprosy istoricheskoy pojetiki* [Study of the heroic epic “Dzhangar”: questions of historical poetics]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1976. 154 p. (In Russian).

Mandzhieva B.B. *Hal'mg baatrlg duulvr «Жаңһр»*: *Shavalin Davan duhrgin shinjllt boln tekstmyd* (=Kalmyckij geroicheskij jepos «Dzhangar»: *issledovanie i teksty jepicheskogo repertuara Davy Shavalieva*) [Kalmyk heroic epic “Dzhangar”: research and texts of the epic repertoire of Dava Shavaliyev]. Elista: Kalmyk Scientific Center RAS Publ., 2018. 264 p. (In Russian).

Martin J.-P. *Les motifs dans la chanson de geste. Définition et utilisation*. Cahiers de Civilisation Médiévale, 1987. Pp. 315–329. (In French).

Mify, legendy i predanija kalmykov [Myths, legends and traditions of the Kalmyks]. Moscow: Science – Oriental Literature Publ., 2017. 365 p. (In Russian).

Nekljudov S.Ju. Dusha ubivaemaja i mstjashhaja. *Trudy po znakovym sistemam, VII* [Soul slain and revenge. Sign Systems Studies, VII]. *Uchenye zapiski Tomskogo universiteta* [Scientific notes of Tomsk University]. № 394. Tartu, 1975. Pp. 65–75. (In Russian).

Nekljudov S.Ju. *Fol'klornyj landshaft Mongolii. Jepos knizhnyj i ustnyj* [Folklore landscape of Mongolia. Book and oral epic]. Moscow: Indrik Publ., 2019. 592 p. (In Russian).

Propp V.Ja. *Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [The historical roots of the fairy tale]. Leningrad:

Leningrad State University Publ., 1986. 365 p. (In Russian).

Seleeva C.B. "Geroicheskoe svatovstvo" v sin'czjan-ojratskoj versii "Dzhangara": sjuzhetnyj sostav i kompozicionnaja struktura ["Heroic matchmaking" in the Xinjiang Oirat version of "Jangar": plot composition and compositional structure]. *Novyj filologicheskij vestnik* [New philological bulletin]. 2019. № 2(49). Pp. 65–78. (In Russian).

Ubushieva D.V. Motivy "tuul'-uligera" (arhaičeskogo jeposa) v geroicheskom jepose "Dzhangar" [Motives of "tuul-uliger" (archaic epic) in the heroic

epic "Dzhangar"]. *Novyj filologicheskij vestnik* [New philological bulletin]. 2019. № 1(48). Pp. 57–69. (In Russian).

Zhirmunskij V.M. *Skazanie ob Alpamyše i bogatyr-skaja skazka* [The Legend of Alpamysh and the Heroic Tale]. Moscow: Vostochnaya Literatura Publ., 1960. 335 p. (In Russian).

Жаңһр: *Hal'mg baat'rl'g duul'vr (25 bəlgin tekst: 1–2 bot') = Dzhangar. Kalmyckij geroicheskij jepos (teksty 25 pesen)* [Dzhangar. Kalmyk heroic epic (texts of 25 songs)]. Moscow: Science, 1978. Volume 1. 441 p. Volume 2. 417 p. (In Russian).

B.B. Mandzhieva

Epic Motifs of Maloderbet's Cycle of the Epos "Dzhangar"

Scientific novelty. The motives of Maloderbet's cycle of the epos "Dzhangar" are for the first time considered as one of the components of the epic plot, built according to a single model: 1) heroic collision; 2) selection / self-selection of a hero (departure for a hike); 3) overcoming the path (enduring obstacles); 4) heroic deed; 5) restoring peace. *The aims.* The article examines the plot-forming motives of the song "Kurl Erdn maңһs haag bogd Zhaңһr dərətsəlgsn bəlɡ" ('The song about how bogdo Jangar khan of the mangasses Kyurul Erdeni conquered') of Maloderbetov's cycle "Dzhangara" in order to identify the sequence and analysis of the motive of their narrative units. *Research methods.* When analyzing epic motives, comparative, comparative-comparative methods are used. *Results.* As a result of our research, we came to the conclusion that plot-forming motives, being part of the narrative structure, appear in the form of a predicative structure, which has its own sequence, where each complex of motives has an indissoluble connection with each other. So, the motive for stealing the herd, representing a conflict situation, entailed the self-selection of a hero, sending him on a military campaign in which the hero had to overcome obstacles on the way, perform a heroic feat, having entered into single combat with the enemy, fail and be captured in the upper world, enter in single combat with the antagonist khan and win the victory, destroy the snake-devouring, with the help of the mythical bird descend from the upper world, experience adventures in the mask of a bald hero and return to the Bumbai country.

Keywords: epos "Dzhangar", Maloderbetovsky cycle, song, motive, hero, bogatyr, mangas, upper world

С.Д. Мухоплева, Л.Н. Романова

DOI: 10.25693/SVGV.2021.35.2.011

УДК 001:398(571.56)(092)

Николай Васильевич Емельянов: страницы ранней биографии и научная деятельность

Научная новизна. В статье на основе документов личного происхождения и воспоминаний современников рассмотрены ранее изданные и неизвестные факты из жизни якутского советского фольклориста XX в. Николая Васильевича Емельянова (1921–2000), которые могут послужить основой для создания целостного образа ученого. Впервые в научный оборот вводятся биографические данные о раннем (так называемом «до-

© Мухоплева С.Д., Романова Л.Н., 2021

научном») периоде жизни ученого в обобщенном виде. Также сделана попытка оценить вклад ученого в становление современных направлений якутской фольклористики и литературоведения.

Цели и задачи. Перед автором статьи стояла цель исследовать особенности становления личности Н.В. Емельянова от сына «врага народа», учителя до ученого российской величины, определившего основные направления формирования и развития региональной фольклористики, особенно сибирского эпосоведения. Для выполнения целевой установки решались следующие задачи: проанализировать источники личного происхождения (в основном воспоминания современников ученого), реконструирующие ранний период жизни (детские, школьные годы, работа учителем сельской школы); представить в обобщенном виде научно-исследовательскую деятельность Н.В. Емельянова.

Методы исследования: исследование основано на историко-биографическом методе, который дает возможность обратиться не только к чисто научным источникам (научным работам, архивным данным, документальным свидетельствам и т.д.), но и к текстам ненаучного плана – мемуарам, личным письмам, семейным историям, которые при всей своей субъективности создают живой облик исследуемой личности.

Результаты. Установлено социальное происхождение родителей Н.В. Емельянова, несправедливо раскулаченных в 1930-х гг., выяснен круг его школьных друзей, выпускников школы 1941–1942 гг., с которыми Н.В. Емельянов поддерживал связь всю свою жизнь. Исследованы обстоятельства и результаты его работы в системе школьного и среднего образования в течение 14 лет. Дана характеристика личности и научно-исследовательской деятельности ученого, внесшего большой вклад в развитие якутской фольклористики и литературоведения во второй половине XX в. и в значительной мере повлиявшего на новые исследовательские стратегии в изучении тюрко-монгольских эпосов.

Ключевые слова: Н.В. Емельянов, жизненный путь ученого, история якутской советской фольклористики, историко-биографический метод, российское эпосоведение

I. Введение. В январе 2021 г. исполнилось 100 лет со дня рождения одного из крупнейших российских эпосоведов XX в. Николая Васильевича Емельянова. Н.В. Емельянов принадлежал к поколению якутских исследователей, живших и творивших в советское время, переживших суровые годы Великой Отечественной войны. Он справедливо считается продолжателем дела основателя якутской фольклористики Г.У. Эргиса, одним из создателей олонховедения как отдельной научной дисциплины. Ныне расширяется влияние его трудов в связи с возрастанием научного интереса к исследованиям в области якутского эпоса и фольклора в целом. Как известно, выдвижение олонхо в круг центральных проблем общественной мысли вызвано признанием ЮНЕСКО олонхо шедевром устного нематериального культурного наследия человечества в 2005 г.

В настоящее время работы Н.В. Емельянова продолжают издаваться. В 2016 г. его монография «Сюжеты олонхо о родоначальниках племени» [Емельянов, 1990] переведена на турецкий язык профессором университета Гази М. Эргуном (г. Анкара) и издана в Турции [Emelyanov, 2016]. В 2017 г. «Сборник якутских пословиц и поговорок», ставший библиографической редкостью, опубликован в сокращенном

варианте национальным книжным издательством «Бичик» [Саха өһүн хоһоонноро, 2017]. Сборник был составлен Н.В. Емельяновым и издан более полувека назад [Саха өһүн хоһооннорун хомуура, 1965]. Кроме того, в научный оборот продолжают поступать полевые материалы, собранные им в 60-70-х гг. XX в. Особо следует отметить издание образцов фольклора эссеистских якутов [Дьэһиэй сахаларын фольклора, 2002], собранных в 1959 г. Сборник был подготовлен к печати Н.В. Емельяновым еще при жизни совместно с этнографом А.И. Саввиновым, но был опубликован только после кончины собирателя.

Сегодня без монографий Н.В. Емельянова по сюжетам якутских олонхо не может обойтись ни один исследователь мирового эпического наследия. Как известно, якутским фольклористом впервые был дан систематизированный свод изложений сюжетов олонхо на основе целого корпуса архивных рукописей и изданных текстов якутских олонхо, где сюжетные темы были подразделены на три типовые группы: 1) олонхо о заселении племенем айыы аймага Среднего мира; 2) олонхо о родоначальниках ураангхай саха; 3) олонхо о защитниках племени. В российском эпосоведении данная классификация является первым уникальным опытом в плане

описания сюжетов. Исследования Н.В. Емельянова по сюжетике олонхо [Емельянов, 1980, 1983, 1990, 2000], его работы по якутским пословицам и поговоркам [Емельянов, 1962; Саха өһүн хоһооннорун хомуура, 1965], можно сказать, стали классическими, общеизвестными. Между тем деятельность Н.В. Емельянова не ограничивалась только изучением этих жанров якутского фольклора, она была весьма многогранной. Как фольклорист, Н.В. Емельянов мыслил себя продолжателем научной школы, основанной Г.У. Эргисом, и добился развития якутской фольклористики по трем основным направлениям. За годы его работы полевая фольклористика, научная эдичия и исследование фольклорных жанров получили свое наибольшее развитие, что подробно освещено в статьях его ученика В.В. Илларионова и молодых исследователей олонхо [Данилова, Оросина, 2016; Илларионов, 2011; Илларионов, 2012].

В данной статье читатели ознакомятся с малоизвестными широкому кругу читателей страницами биографии фольклориста: с детскими и юношескими годами Н.В. Емельянова, его педагогической и научно-организационной деятельностью. Эти материалы в дальнейшем позволят воссоздать жизненный путь фольклориста в полном объеме, представить его как многогранную личность в контексте исторических событий.

II. Материалы и методы. В целях реконструкции школьных годов жизни Н.В. Емельянова, начального периода его трудовой деятельности в статье использованы документальные (канцелярские) и повествовательные (личные) источники, представляющие собой два рода письменных исторических источников. Из документальных источников использованы такие канцелярские документы, как личный листок по учету кадров Н.В. Емельянова 1986 г., а также его автобиография от 06.12.1990. Листок и автобиография представляют собой автографы, написанные от руки (документы хранятся в архиве отдела фольклора и литературы ИГИИПМНС СО РАН).

Кроме канцелярских документов, в статье применены повествовательные личные документы. Это рукописные посмертные воспоми-

нания о Н.В. Емельянове. Авторами их являются родственники (О.М. Попова, двоюродная сестра Н.В. Емельянова, и дочь Г.Н. Попова), а также учитель, кандидат педагогических наук Г.И. Васильев, с которым будущий фольклорист работал в Мархинской школе с 1945 по 1951 гг. и поддерживал дружескую связь в течение всей жизни. Воспоминания собирались в 2001, 2016 гг. в связи юбилейными датами ученого, они хранятся в архиве отдела фольклора и литературы ИГИИПМНС СО РАН. Источником восстановления круга школьных друзей Н.В. Емельянова стали документы, опубликованные в книгах о первых выпускниках Нюрбинской средней школы № 1 [Маннайгы выпускниктар, 2007; Школа окнами на Виллюй, 2012].

Исследование основано на историко-биографическом методе (реконструированы детские и школьные годы Н.В. Емельянова, описаны обстоятельства его работы в школе и институте).

III. Результаты. Детские и школьные годы. Николай Васильевич Емельянов, родившийся 8 января 1921 г., является представителем первого советского поколения, ставшего очевидцем и участником сложных периодов становления советской власти в Якутии. Первые пять лет учебы будущего фольклориста в школе совпали с коллективизацией сельского хозяйства Якутии, и его семья оказалась в центре классовой борьбы, когда их крестьянское хозяйство было подвергнуто раскулачиванию [Санникова 2007: 99, 102]. Николай Васильевич, по сегодняшним данным, не оставил биографического материала на такую для него, несомненно, болезненную тему. Эта жизненная ситуация была вскользь затронута в воспоминаниях О.М. Поповой, двоюродной сестры Николая Васильевича, при описании отца Н.В. Емельянова: «Василий Федорович Емельянов для своего времени был довольно образованным, начитанным и с тонким юмором человек, читал, писал по-русски и на староякутском¹. Работал старостой в Жарханском наслеге, главным бухгалтером райсоюза² в Нюрбе, был несправедливо раскулачен, отобрали дом, скот – все, что имелось в хозяйстве, затем посадили в 1930–1934 гг. После реабилитации работал в Мархе председателем,

¹Староякутский – имеется в виду якутская письменность на латинской графике.

²Райсоюз – районный союз потребительских союзов.

главным бухгалтером наследного отделения сельского потребительского общества (НОСПО)»¹.

Сегодня можно только догадываться, как и насколько тяжело проходило взросление Николая Васильевича при таких противоречивых социальных отношениях семьи и общества. Однако ясно одно – он прошел испытания, сумел подружиться с одноклассниками. Одним из частных, но важных в психологическом плане маркеров успешного «вращения» его в школьный социум является то, что никто из сверстников его не дразнил «сыном кулака» даже в те лихие годы, когда его отец отбывал несправедливое наказание как «классовый враг»².

При изучении биографии Николая Васильевича как личности следует обратить внимание на одноклассников, с которыми он учился в старших классах. Это был первый выпуск Нюрбинской средней школы № 1, который состоялся 18 июня 1941 г., за четыре дня до начала войны. Как пишет учитель-краевед А.Г. Николаева, собравшая большой объем личных документов о жизни и деятельности учеников этого класса, «<...> В этот день 22 выпускника получили аттестаты зрелости, класс был дружный, сплоченный <...>. Парни, как только узнали о вероломном нападении фашистской Германии, сразу пошли в военкомат – проситься на фронт. Но в первый год войны никого из них не взяли. Обучив на краткосрочных курсах, всех отправили в разные школы района <работать учителями. – С.М.>» [Школа окнами на Вилюй, 2012: 25]. Тут следует пояснить, что Николай Емельянов два года учился с выпускниками 1941 г., однако по болезни вынужден был отстать от своих одноклассников и числился как выпускник 1942 г. Между тем дружбу с выпускниками 1941 г. он пронес через всю свою жизнь [Маннайгы выпускниктар, 2007: 51–52].

Начиная с июня 1942 г., его бывшие одноклассники Афанасий Николаев, Алексей Со-

фронов, Уар Яковлев, Иван Иванов, Василий Егоров, Гаврил Дмитриев были призваны в армию, с ними и ребята из Сунтарского района Егор Саввинов и Борис Максимов. Девять первых выпускников ушли воевать, из них вернулись на родину пятеро, а четверо сложили головы на полях сражений, в том числе и друг Николай Емельянов Егор Саввинов. Судьба Николая Васильевича Емельянова в это время складывалась по-другому из-за начавшегося туберкулеза. Он получил «белый билет» – свидетельство об освобождении от военной службы по состоянию здоровья и остался работать в тылу.

Сегодня сохранились личные документы этих выпускников 1941 г.: фотографии тех времен, их письма в личном архиве Н.В. Емельянова. Кроме того, материалы об учениках были собраны и опубликованы в малотиражных трудах школьного учителя, краеведа А.Г. Николаевой [Маннайгы выпускниктар, 2007; Школа окнами на Вилюй, 2012]. Эти документы представляют собой свидетельства о войне военнослужащих действующей армии, граждан, переживших работу в тылу в суровые годы войны – первых выпускников Нюрбинской средней школы №1, в том числе Н.В. Емельянова. Документальное отражение Великой Отечественной войны в их субъективном восприятии и опыте впоследствии может стать объектом особого исследования.

Педагогическая деятельность. Выпускник Нюрбинской средней школы №1 Н.В. Емельянов сразу после окончания школы был направлен на работу в Мархинскую среднюю школу Нюрбинского района в качестве учителя якутского языка и истории³. Это был 1941 г. Как известно, с началом войны все учителя призывного возраста были мобилизованы на фронт. Нехватка учителей повсеместно компенсировалась за счет увеличения нагрузки оставшихся учителей, принятия на работу выпускников школ и учителей-пенсионеров [Школа окнами на Вилюй, 2012: 19]. Так началась педагогическая деятель-

¹Попова О.М. Семья Николая Васильевича Емельянова: Рукопись // Архив отдела фольклора и литературы ИГИИПМНС СО РАН.

²Об этой ситуации Н.В. Емельянов не раз упоминал при устных беседах с коллегами, в том числе и с автором статьи. При этом он подчеркивал, что испытывает безмерное чувство благодарности своим одноклассникам за их тактичность и деликатность, проявленные в те тяжелые для него времена в детстве [С.Д. Мухомлева].

³Личный листок по учету кадров: Н.В. Емельянов // Архив отдела фольклора и литературы ИГИИПМНС СО РАН.

ность Н.В. Емельянова, продолжавшаяся до 1955 г.

Четырнадцать лет жизни ученого, посвященные народному образованию, были наполнены напряженной работой в школе и в селе, трагическими событиями в личной жизни, преодолением трудностей, борьбой за выживание в годы войны. В школе молодому учителю через два года работы доверили обязанности заведующего учебным процессом. На этой должности он верно и добросовестно проработал с 1943 по 1953 гг. По воспоминаниям его коллеги, заслуженного работника образования Республики Саха (Якутия), кандидата педагогических наук Г.И. Васильева, Николай Васильевич в качестве завуча очень ответственно относился к образовательному процессу школы: обязательно проводил обсуждения после каждого открытого урока. Как пишет Герасим Иванович, ссылаясь на архивные документы, в 1943–1944 учебных годах завуч Мархинской школы Н.В. Емельянов посетил, обсудил с коллегами и проанализировал 129 уроков. Помимо этого, он совместно с директором школы Н.Н. Григорьевым провел 21 собрание педсовета, тем самым коллектив школы послужил ярким примером для других школ района¹.

В тяжелые годы войны учителя, кроме своей работы, агитировали сельское население помогать фронту, собирали теплые вещи, постоянно проводили субботники среди населения, организовывали субботники школьников, которые наравне со взрослыми работали в тылу, выполняя все виды работ. По сведению А.Г. Николаевой, «в колхозе имени Кирова учащиеся младших классов [ученики Мархинской школы – М.С., П.Н.] собирали колосья на полях после жатвы. Каждый ученик собрал по 5–6 килограммов колосьев» [Школа окнами на Виллой, 2012: 19]. Это все проводилось под лозунгом «Все для фронта! Все для победы!». Школьники и педагоги помогали стране как могли, но и образовательный процесс не останавливался в это трудное время.

Суровые годы войны коснулись каждого жителя Якутии. Как отмечает С.И. Сивцева, «...

рождаемость населения уменьшилась за 1941–1945 гг. на 23,4 % (3460 чел.)...» [Сивцева, 2000: 105], «...смертность в Якутии была выше почти в 2 раза (в 1,9 раза) смертности в Сибири...» [Сивцева, 2000: 111]. В эти сухие цифры вписались и трагические события в жизни Николая Васильевича Емельянова. В 1944 г. из-за плохого отопления в помещении Мархинской школы царил холод, в результате пятеро из 11 учителей умерли от переохлаждения, трое стали инвалидами, на всю школу остались только три учителя. В тот же год у молодого завуча школы умирают его жена, молодая учительница Евдокия Семеновна Андреева, родная сестра Екатерина Васильевна Емельянова в возрасте 17 лет и брат матери Михаил Егорович Кузьмин. Эти годы были самыми тяжелыми для всей семьи Емельяновых и коллектива школы, о чем пишет О.М. Попова².

В годы работы в школе Николай Васильевич целеустремленно трудился над повышением уровня своих знаний, много читал, усиленно занимался самообразованием. В этот период был заложен его интерес к якутскому фольклору, литературе. Между тем он заочно окончил русское отделение филологического факультета педагогического института. Во время учебы он был замечен первым профессиональным фольклористом Г.У. Эргисом и по его рекомендации поступил в аспирантуру ЯНЦ СО РАН. С этого периода начинается его насыщенный научный путь от аспиранта, младшего научного сотрудника до заведующего отделом литературы и фольклора.

Научно-организационная деятельность. Значительный след в якутской науке оставила научно-организационная деятельность Н.В. Емельянова. В 1964–1972 гг. он заведовал большим коллективом отдела литературы и фольклора, а в последующие 14 лет руководил сектором фольклора Института языка и литературы Якутского филиала СО АН СССР. Перед самым началом его работы Якутским обкомом КПСС было принято постановление «Об исправлении ошибок в освещении некоторых вопросов в

¹Васильев Г.И. Эрдэттэн чинчийэр үлэбэ талааннааҕа: Рукопись // Архив отдела фольклора и литературы ИГИИПМНС СО РАН.

²Попова О.М. Семья Николая Васильевича Емельянова: Рукопись // Архив отдела фольклора и литературы ИГИИПМНС СО РАН.

истории якутской литературы» (1962). В связи с этим в институте началось активное изучение наследия А.Е. Кулаковского, А.И. Софронова, Н.Д. Неустроева. В этой атмосфере «оттепели» Н.В. Емельянов не только руководил коллективом, который выработал новую оценку творчества писателей, но и сам активно включился в дело изучения творчества А.Е. Кулаковского. Он обратил свое внимание на эпистолярное наследие А.Е. Кулаковского [Емельянов, 1964: 80–83], дал обзор его научных трудов [Емельянов, 1964: 67–72]. В дальнейшем совместно с известным якутским языковедом П.А. Слепцовым Н.В. Емельянов подготовил к печати научные труды А.Е. Кулаковского, хранящиеся в архиве, и ввел их в научный оборот [Кулаковский, 1979]. В дальнейшем это издание дало новый толчок в изучении А.Е. Кулаковского не только как поэта, основоположника якутской литературы, но и как исследователя культуры, языка и фольклора народа саха.

В институте изучение темы «фольклор и литература» связано с именами Г.У. Эргиса, Г.М. Васильева, И.В. Пухова, Г.С. Сыромятникова, Н.В. Емельянова, В.А. Семенова, В.Т. Петрова. В 1960–80-х гг. фольклористами и литературоведами эта тема продолжала активно разрабатываться. Н.В. Емельянов вложил много сил в становление традиции изучения литературно-фольклорных взаимосвязей не только как руководитель коллектива и редактор научных трудов, посвященных проблеме взаимодействия фольклора и литературы [Семенов, 1966; Васильев, 1973; Петров, 1972], но и как автор статей. В связи с этим обращает на себя внимание его статья «П.А. Ойунский и якутское устное народное творчество» [Емельянов, 1959], где Н.В. Емельянов рассмотрел П.А. Ойунского как одного из первых исследователей якутского фольклора и якутского народного стиха, а также поставил вопрос о фольклорных истоках его литературных произведений: сказок, рассказов, повестей, драматических произведений и олонхо.

Н.В. Емельянов работал в институте, руководил полевыми, издательскими и научно-исследовательскими проектами фольклористов в течение 42 лет. Он заслуженно считается исследователем, который определил основные тенденции развития якутской фольклористики в XX в. В данной статье мы затрагиваем отдельные

аспекты его полевой и издательской деятельности. СобираТЕЛЬСКАЯ работа фольклористов института, начатая с масштабной экспедиции С.И. Боло и А.А. Саввина в 1938–1941 гг., продолжала развиваться в рамках научно-исследовательской работы института до распада СССР. Начиная с 1950-х гг., эта работа в институте проводилась преимущественно участниками фольклорно-диалектологических экспедиций, снаряжаемых в составе двух-трех человек. Н.В. Емельянов участвовал в таких экспедициях и как член экспедиции, и как руководитель. На сегодня известны две экспедиции с его участием. Это работа Ессейского отряда фольклорно-диалектологической экспедиции Якутского института языка, литературы и истории, проведенная в 1959 г. В составе отряда были фольклорист Н.В. Емельянов и диалектолог М.С. Воронкин. Фольклорные материалы этой экспедиции были изданы спустя 43 года после смерти собирателей [Дьэһизий сахаларын фольклора, 2002]. В экспедиционно-собираТЕЛЬСКОЙ практике института того времени это был первый опыт по сбору фольклорного материала среди локальных групп саха, расселенных в другом регионе. Вторая экспедиция была фольклорной, она была организована в 1960 г. под руководством Н.В. Емельянова. Первый состав экспедиции (Г. М. Васильев, В.А. Семенов) работал в Сунтарском улусе, второй (Н.В. Емельянов, П.Е. Ефремов) – в Нюрбинском. На левобережной части Нюрбинского района фольклористами был собран непревзойденный по своему богатству не только рукописный фольклорный материал, но и уникальные фонозаписи образцов фольклора, которые ныне хранятся в аудиовизуальном архиве отдела фольклора и литературы ИГиИПМНС СО РАН и еще не вошли в научный оборот.

Основоположником якутской фольклористики Г.У. Эргисом была заложена научная традиция двуязычного научного издания собранных фольклорных материалов по жанрам, которая была продолжена коллективом фольклористов под руководством Н.В. Емельянова. Научному коллективу в 1976–1983 гг. удалось подготовить и завершить научное издание якутских народных песен в четырех частях, а в 1993–2008 гг. были составлены и изданы пять томов якутского корпуса серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Восто-

ка» [Данилова, Оросина: 2016: 115–116]. В научный оборот поступил большой объем малоизвестного мировой культуре фольклорного материала, представленного на языке оригинала и в русском переводе без каких-либо искажений и литературного вмешательства, с обязательным сохранением подлинной народной речи, диалектных форм языка. Наравне с научным двуязычным изданием фольклорных материалов в эти годы Н.В. Емельянов занимался публикацией научного наследия предшественников. Им в соавторстве были подготовлены к печати труд И.А. Худякова «Краткое описание Верхоянского округа» [Худяков, 1969] и сборник исторических преданий репрессированного Г.В. Ксенофонтова «Эллэяда» [Ксенофонтов, 1977], что явилось большим научным достижением того времени.

IV. Обсуждение. Николай Васильевич Емельянов, известный в науке исключительно как эпосовед, являлся многогранным ученым, чья исследовательская и организационная деятельность определили основные тенденции развития якутской фольклористики и в определенной мере способствовали развитию литературоведения Якутии в XX в. Исследование его установок, ценностей представляют интерес для изучения роли Н.В. Емельянова как ученого и организатора научных исследований в развитии якутской филологической науки XX в. Полагаем, что собранная информация и представляемая статья в будущем послужат материалом для глубокого изучения истории формирования и развития внутреннего мира личности Н.В. Емельянова и прояснения социального и исторического контекста его жизненного пути. Кроме того, история жизни известного фольклориста будет интересна и для исследователей якутской интеллигенции советской эпохи как социальной прослойки в рамках новой биографики, предметного поля современной исторической науки [Новая биографика, 2014].

V. Результаты. В статье сделана попытка через призму источников личного происхождения (воспоминаний его одноклассников, коллег и родственников) выстроить его эволюцию как личности и ученого-организатора, внесшего значительный вклад в развитие якутской фольклористики. Основное внимание в статье, во-первых, уделено становлению его личности в детские, школьные годы и годы учительства в

сельской школе; во-вторых, его научно-организаторской работе, направленной на развитие новых направлений в якутской фольклористике. Субъективные данные источников личного происхождения позволили представить портрет Н.В. Емельянова в годы формирования его характера, личностных качеств. Этот период биографии ученого является базовым для понимания его дальнейшей судьбы как ученого. Освещение научно-организаторской работы Николая Васильевича носит более обзорный характер, но по возможности охватывает все поле его деятельности как руководителя фольклорно-литературного направлений в институте, в особенности выделения эпосоведения и изучения фольклорно-литературных взаимодействий как отдельных исследовательских направлений.

В итоге хочется отметить, что создание научной биографии Н.В. Емельянова, оценка его вклада в собирание фольклорного наследия, комплектование архива института, разработки методологических подходов в изучении малых жанров фольклора и эпического текста, расширения границ фольклорно-литературных направлений исследования – дело будущего. Фольклористам еще предстоит научно осмыслить опыт полевой, издательской и исследовательской деятельности Н.В. Емельянова.

Список литературы:

- Васильев Г.М. Живой родник: об устной поэзии якутов. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1973. 115 с.
- Данилова А.Н., Оросина Н.А. Николай Васильевич Емельянов (К 95-летию со дня рождения) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2016. №1. С. 115-118.
- Дьэһиэй сахаларын фольклора [Түмэн онордулар: Н.В. Емельянов, А.И. Саввинов]. Дьокуускай: Агроинформ, 2002. 227 с.
- Емельянов Н.В. П.А. Ойунский и якутское устное народное творчество // Платон Алексеевич Ойунский (1893–1939): доклады к 65-летию со дня рождения. Якутск: Якутское книжное издательство, 1959. С. 58-65.
- Емельянов Н.В. Письмо А.Е. Кулаковского к Э.К. Пекарскому // Кулаковский: сборник докладов к 85-летию со дня рождения Алексея Елисеевича Кулаковского. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1964. С. 80-83.

Емельянов Н.В. Сюжеты олонхо о защитниках племени. Новосибирск: «Наука», Сиб. издат. фирма РАН, 2000. 187 с.

Емельянов Н.В. Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. М.: Наука, 1990. 205 с.

Емельянов Н.В. Сюжеты ранних типов якутских олонхо. М.: Наука, 1983. 244 с.

Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. М.: Наука, 1980. 374 с.

Емельянов Н.В. Труды Кулаковского по якутскому фольклору // Кулаковский: сборник докладов к 85-летию со дня рождения Алексея Елисеевича Кулаковского. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1964. С. 67-72.

Емельянов Н.В. Якутские пословицы и поговорки. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1962. 93 с.

Илларионов В.В. К 90-летию со дня рождения эпосоведа Николая Васильевича Емельянова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, 2011. Т. 8, №4. С. 134-136.

Илларионов В.В. Саха фольклористарын аксакала Н.В. Емельянов // Олонхо ыһыаҕа: бүгүҥнүтэ уонна кэлэр кэскилэ. Дьокуускай: Бичик, 2012. С. 123-126.

Ксенофонтов Г.В. Эллэйада: материалы по мифологии и легендарной истории якутов. Москва: Наука, 1977. 245 с.

Кулаковский А.Е. Научные труды. Якутск: Якут. книжное изд-во, 1979. 483 с.

Маннайгы выпускниктар (1941) [Хомуян онордо А.Г. Николаева]. Сунтар, 2007. 98 с.

Петров В.Т. Роль фольклора в зарождении якутской литературы. Якутск: Кн. изд-во, 1972. 95 с.

Санникова Я.М. Политика раскулачивания крестьянских хозяйств // Санникова Я.М. Коллективизация сельского хозяйства в Якутии (1929-1940 гг.). Якутск: Бичик, 2007. С. 85-107.

Саха өһүн хоһоонноро. 2-е изд, перераб. Якутск: Бичик, 2017. 256 с.

Саха өһүн хоһооннорун хомуура. Якутскай: Саха сириҥҥэ кинигэ издательствота, 1965. 246 с.

Семенов В.А. Фольклорные сюжеты и мотивы в творчестве П.А. Ойунского. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1966. 76 с.

Сивцева С.И. Якутия в годы Великой Отечественной войны: социально-демографический аспект (1941-1945 гг.). Якутск: ЯНЦ СО РАН, 2000. 149 с.

Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1969. 437 с.

Школа окнами на Вилюй /Сост. А.Г. Николаева. Якутск, 2012. 256 с.

Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974. 402 с.

Emelyanov N.V. Soy atalari hakkinda olongho konulari /Çevirmen Metin Ergun. Ankara: Kömen Yayinlari, 2016. 203 p.

Словари:

Новая биографика // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М., 2014. С. 334-335.

References:

Danilova A.N., Orosina N.A. *Nikolay Vasil'evich Emel'yanov (K 95-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Nikolay Vasil'evich Emel'yanov. To the 95th anniversary of the birth]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik* [North-Eastern Journal of the Humanities]. 2016. №1 (14). Pp. 115-118. (In Russian).

D'ehiey sakhalaryn fol'klora. Podgotovili k pechati Emel'yanov N.V., Savvinov A.I. [Folklore of the Essey Yakuts. Compiled by Emel'yanov N.V., Savvinov A.I.]. Yakutsk: Agroinform Publ., 2002. 227 p. (In Yakut).

Emel'yanov N.V. P.A. *Oyunskiy i yakutskoe ustnoe narodnoe tvorchestvo* [P.A. Oyunsy and Yakut oral folklore]. In: *Platon Alekseevich Oyunskiy (1893-1939): doklady k 65-letiyu so dnya rozhdeniya* [Platon Alekseevich Oyunsy (1893-1939): reports on the 65th anniversary of his birth]. Yakutsk: Yakutsk book publishing house, 1959. Pp. 58-65. (In Russian).

Emel'yanov N.V. *Pis'mo A.E. Kulakovskogo k E.K. Pekarskomu* [A.E. Kulakovsky's letter to E.K. Pekar-sky]. In: *Kulakovskiy: sbornik докладов k 85-letiyu so dnya rozhdeniya Alekseye Eliseevicha Kulakovskogo* [Kulakovsky: collection of reports dedicated to the 85th anniversary of the birth of Alexei Eliseevich Kulakovsky]. Yakutsk: Yakutsk book publishing house, 1964. Pp. 80-83. (In Russian).

Emel'yanov N.V. *Soy atalari hakkinda olongho konulari*. Perevod professora Metin Ergun [The plots of the Yakut Olonkho about the Tribal Progenitors. Translated by professor Metin Ergun]. Ankara: Kormen Publ., 2016. 203 p. (In Turkish).

Emel'yanov N.V. *Syuzhety olonkho o rodonachal'nikakh plemeni* [The plots of the Yakut Olonkho about the Tribal Progenitors]. Moscow: Nauka Publ., 1990. 205 p. (In Russian).

Emel'yanov N.V. *Syuzhety olonkho o zashchitnikakh plemeni* [The plots of the Yakut Olonkho about the Tribal Defenders]. Novosibirsk: Nauka, Sib. publish. RAS firm, 2000. 187 p. (In Russian).

Emel'yanov N.V. *Syuzhety rannikh tipov yakutskikh olonkho* [The plots of the earlier types of the Yakut Olonkho]. Moscow: Nauka Publ., 1983. 244 p. (In Russian).

Emel'yanov N.V. *Syuzhety yakutskikh olonkho* [The plots of the Yakut Olonkho]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 374 p. (In Russian).

Emel'yanov N.V. *Trudy Kulakovskogo po yakutskomu fol'kloru* [Kulakovsky's proceedings on Yakut folklore]. In: *Kulakovskiy: sbornik докладов к 85-letiyu so dnya rozhdeniya Alekseye Eliseevicha Kulakovskogo* [Kulakovsky: collection of reports dedicated to the 85th anniversary of the birth of Alexei Eliseevich Kulakovsky]. Yakutsk: Yakutsk book publishing house, 1964. Pp. 67-72. (In Russian).

Emel'yanov N.V. *Yakutskie poslovitsy i pogovorki* [Yakut proverbs and sayings]. Yakutsk: Yakutsk book publishing house, 1962. 93 p. (In Russian).

Ergis G.U. *Ocherki po yakutskomu fol'kloru* [Essays on the Yakut folklore]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 402 p. (In Russian).

Illarionov V.V. *K 90-letiyu so dnya rozhdeniya eposoveda Nikolaya Vasil'evicha Emel'yanova* [On the 90th anniversary of the birth of the researcher of the epic Nikolai Vasilievich Emel'yanov]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta* [Vestnik of North-Eastern Federal University]. V. 8. № 4 (2011). Pp. 134-136. (In Russian).

Illarionov V.V. *Sakha fol'kloristaryn aksakala N.V. Emel'yanov* [Aksakal of the Yakut folklorists Nikolai Vasilievich Emel'yanov] In: *Olonkho yhaаҕа: бүгүһүтэ uonna keler keskile* [National holiday Ysyakh to the heroic epic "Olonkho": present and future]. Yakutsk: Bichik Publ., 2012. Pp. 123-126. (In Yakut).

Khudyakov I.A. *Kratkoe opisanie Verkhoyanskogo okruga* [Brief description of the Verkhoyansk District]. Leningrad: Nauka Publ., Leningrad branch, 1969. 437 p. (In Yakut, in Russian).

Ksenofontov G.V. *Elleyada: materialy po mifologii i legendarnoy istorii yakutov* [Ellayada. Materials on the mythology and legendary history of Yakuts]. Moscow: Nauka Publ., 1977. 248 p. (In Russian).

Kulakovskiy A.E. *Nauchnye Trudy* [Scientific Works]. Yakutsk: Yakutsk book publishing house, 1979. 483 p. (In Russian).

Маһһауҕы vypuskniktar. A.G. Nikolaeva belemnēete (1941) [The first graduates of the school (1941).

Compiled by A.G. Nikolaeva], [Suntar], 2007. 98 p. (In Yakut).

Novaya biografika [New biography]. In: *Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskii slovar'* [Theory and methodology of historical science. Terminological dictionary]. Moscow, 2014. Pp. 334-335. (In Russian). https://vk.com/doc-23433303_442381148?hash=363aaec502a5e1c3b3

Petrov V.T. *Rol' fol'klora v zarozhdenii yakutskoy literatury* [The role of folklore in the origin of Yakut literature]. Yakutsk: book-publishing house, 1972. 95 p. (In Russian).

Sakha Өһүн khohoonnoro [Yakut proverbs and sayings], 2nd ed, revised. Yakutsk: Bichik Publ., 2017. 256 p. (In Yakut, In Russian).

Sakha Өһүн khohoonnorun khomuura [Collection of Yakut proverbs and sayings]. Yakutsk: Yakutskbook publishing house, 1965. 246 p. (In Yakut, in Russian).

Sannikova Ya.M. *Politika raskulachivaniya krest'yanskikh khozyaystv* [The policy of dispossession of peasant farms]. In: Sannikova Ya.M. *Kollektivizatsiya sel'skogo khozyaystva v Yakutii (1929-1940 gg.)* [Collectivization of agriculture in Yakutia (1929-1940)]. Yakutsk: Bichik Publ., 2007. Pp. 85-107. (In Russian).

Semenov V.A. *Fol'klornye syuzhety i motivy v tvorchestve P.A. Oyunskogo* [Folklore plots and motives in the works of P.A. Oyunsky]. Yakutsk: Yakutskbook publishing house, 1966. 76 p. (In Russian).

Shkola oknami na Vilyuy. Podgotovila k pechati A.G. Nikolaeva [School overlooking the Vilyui River. Compiled by A.G. Nikolaeva]. Yakutsk, 2012. 256 p. (In Russian).

Sivtseva S.I. *Yakutiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: sotsial'no-demograficheskiy aspekt (1941-1945 gg.)* [Yakutia in the years of the Great Patriotic War: socio-demographic aspect (1941-1945)]. Yakutsk: YaNC SO RAN, 2000. 149 p. (In Russian).

Vasil'ev G. M. *Zhivoy rodnik: ob ustnoy poezii yakutov* [The living fountain: about the oral poetry of the Yakuts]. Yakutsk: Yakutsk book publishing house, 1973. 115 p. (In Russian).

S.D. Mukhopleva, L.N. Romanova

Yakut Folklorist Nikolai Vasilyevich Emel'yanov: Unknown Stories from the Biography

Scientific novelty. The article is devoted to the study of the scientific biography of N. V. Emel'yanov (1921-2000), who went down in the history of Russian folklore studies as a researcher who made an invaluable contribution to the

formation of Yakut folklore and literary studies, as well as to the formation of the science of Olonkho as an independent discipline. *The aim and tasks.* The authors, based on the use of the historical and biographical method, attempted to reconstruct and analyze the circumstances associated with the period of N. V. Emel'yanov's education at school and his pedagogical activity (1930-1953). *Research methods.* The study was carried out on the basis of handwritten materials and sources of personal origin, published in small-circulation publications, collected by the authors of the article during fieldwork in 2016. The article also uses anniversary materials and biographical articles about the scientist. *Results.* For the first time, biographical information about the childhood, school years and teaching activities, and about the family life of N. V. Emel'yanov is introduced into scientific circulation. More complete historical and biographical data allow us to look at the personality of the scientist not only from the point of view of her professional and creative activity, but also through life circumstances and historical events, allowing us to present a living biography of the Yakut Soviet folklorist of the twentieth century.

Keywords: history of Yakut Soviet folklore studies, N.V. Emel'yanov, historical and biographical method, Russian epos studies

В.В. Илларионов, Л.Н. Романова

DOI: 10.25693/SVG.V.2021.35.2.012

УДК 001.89:398(=512.157)

Проблемы сохранения и популяризации фольклорного наследия народа саха в научно-организаторской деятельности Н.В. Емельянова

Научная новизна. В статье дана оценка научной и научно-организационной деятельности известного якутского фольклориста, эпосоведа, доктора филологических наук, заслуженного ветерана Сибирского отделения АН СССР, члена Международной тюркской академии Николая Васильевича Емельянова (1921–2000).

Цель статьи – оценить вклад Н.В. Емельянова в становление и развитие якутской фольклористики, представить масштабы его деятельности как исследователя, организатора науки, определившего основные направления развития современной фольклористики и воспитавшего целое поколение специалистов-фольклористов.

Методы исследования: С применением элементов биографического метода воссоздается научная и научно-организационная деятельность Емельянова, оценивается его вклад в развитие якутской фольклористики.

Результаты. В статье воспроизведена в хронологическом порядке научная биография Н.В. Емельянова. Показан процесс становления ученого, с одной стороны, как исследователя, одним из первых начавшего изучение поэтики фольклорных жанров; с другой – как организатора науки.

Особое внимание уделено научно-организаторской деятельности Н.В. Емельянова. Дана его характеристика как полевого исследователя, организатора фольклористических экспедиций и как руководителя отдела фольклора ИЯЛИ, взрастившего целое поколение молодых специалистов. Также оценен его вклад в популяризацию и академическое издание якутских народных песен, поговорок и пословиц, эпоса олонхо.

Авторами показано, что Николай Васильевич был одним из авторитетнейших ученых, утвердивших академические принципы издания памятников фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Освещена плодотворная работа Николая Васильевича по подготовке научных кадров, специалистов-фольклористов, продолживших его дело.

Ключевые слова: фольклористика, эпос, олонхо, сюжет, собрание, научная школа, фольклорные экспедиции, академическое издание

И. Введение. Сегодня пришло время осмыслить вклад ученого в становление и развитие якутской фольклористики. Николай Васильевич Емельянов был учеником и продолжателем научной школы основателя якутской фольклористики Г.У. Эргиса. По приглашению Георгия Устиновича после окончания заочного отделения Якутского пединститута в 1955 г. он поступил в аспирантуру ЯФ СО АН СССР. Свою научную деятельность начал с изучения традиционной культуры, фольклора эсеевских якутов и малых жанров якутского фольклора. На основе изучения архивных документов и предыдущих исследований, скрупулезного анализа этимологии и структуры 2500 пословиц и поговорок, Емельянов в 1962 г. издал сборник «Якутские пословицы и поговорки» [Емельянов, 1962]. В 1963 г. при специальном Совете Ленинградского института литературы имени А.С. Пушкина успешно защитил кандидатскую диссертацию на эту тему.

Емельянов – автор более 80 работ по жанровой специфике фольклора саха, мифологии и героическому эпосу олонхо. Ученый всесторонне исследовал разные жанровые формы фольклора: пословицы и поговорки, народные песни-тойуки, эпические тексты и т.д. Ему принадлежит заслуга систематизации сюжетов олонхо, что стало первым шагом в изучении поэтики якутского героического эпоса. Его работы отличаются системным подходом к изучаемому материалу, позволившим раскрыть целостность объектов исследования, выявить их внутреннюю структуру в тесной взаимосвязи с внешней средой.

Научная и научно-организационная деятельность Н.В. Емельянова мало освещена и недостаточно охарактеризована в историографии фольклористики. Оценка научных исследований Н.В. Емельянова дана в основном в виде рецензий на книги в газетных и журнальных статьях, сборниках [Алексеев, 1962; Григорьев, 1962; Элиасов, 1965; Иванова, 1980; Еремеев, 1981; Илларионов, 1981; Васильев, 1990]. Обзорный анализ научных работ Емельянова присутствует в монографиях Г.У. Эргиса [Эргис, 1974] и В.Т. Петрова [Петров, 1978]. Научная биография ученого также освещена в работах одного из авторов представляемой статьи [Илларионов, 2011; Илларионов, 2021].

II. Материалы и методы. Материалом для статьи служит научная биография ученого, основанная на фактологических данных (биографических фактах, оценках и воспоминаниях современников, личных воспоминаниях автора статьи). С применением элементов биографического метода воссоздается научная деятельность Емельянова, начиная с его ранних исследований. Выделены разные стороны деятельности Николая Васильевича: экспедиционная работа (полевые исследования), собственно-научная деятельность (систематизация жанровых форм и сюжетов эпоса); целенаправленная работа по изданию памятников якутского фольклора; научно-организационная работа.

III. Результаты. Полевые исследования Н.В. Емельянова. Емельянов многому научился у своего учителя Г.У. Эргиса. Прежде всего полевой работе по сбору, записи и систематизации уникальных фольклорных текстов. Идеи и убежденность основателя якутской фольклористики о неукоснительной необходимости этой работы Николай Васильевич принимал всем сердцем и душой.

Закончив аспирантуру в 1959 г., он с коллегой М.С. Воронкиным, изучавшим эсеевский диалект, предпринял длительную экспедицию через Красноярск и г. Туру в Есеей, чтобы собирать фольклор местных якутов. Эсеевские якуты – выходцы из Вилуйского улуса, большинство из которых, общаясь и живя среди местных эвенков и долганцев, переняли эвенкийский быт. Работа этой экспедиции отличается широким охватом материала, глубиной аналитического обзора. Именно в этой экспедиции Николаем Васильевичем впервые была использована запись информантов на магнитофон, впоследствии она была расшифрована и сдана в виде рукописи в архив ЯНИЦ СО РАН. Весь собранный материал экспедиции: эпос, народные песни, тойуки, сказки и легенды – был издан в сборнике «Эсеевский фольклор» в 2002 г. [Дьэһиэй..., 2002]. Им собраны и опубликованы тексты олонхо: «Грозная девушка-богатырка» («Кыйдааннаах Кыыс бухатыыр»), «Богатырь Тиигэнэй в беличьей дохе» («Тиинг хонноох Тиигэнэй бухатыыр»), «Богатырь Могучий Орёл» («Хотой Бөгө») М.И. Ёспёка. Позднее в своих научных трудах Н.В. Емельянов часто сравнивал сюжеты олонхо саха с сюжетами эсеевского

эпоса. Особое внимание исследователь обращал на языковые особенности собранных текстов, показывающих специфику национального самосознания эсэеиских якутов.

Спустя год Николай Васильевич в качестве руководителя фольклорной экспедиции выезжал в Нюрбинский и Сунтарский улусы. Первый ее состав: Г.М. Васильев, В.А. Семенов – работал в Сунтарском районе. Второй состав: Н.В. Емельянов, П.Е. Ефремов – в Нюрбинском улусе. В Нюрбе были сделаны записи олонхо таких известных олонхосутов, как И.М. Харитонов-Саакырдаах, Н.Г. Тагров, С.В. Петров, Г.В. Дуяков, С.В. Чочанов, В.Д. Егоров. Из участников экспедиции запись на магнитофон делал только Николай Васильевич. В те времена портативных и мобильных магнитофонов не было. Аппаратура была громоздкая и тяжелая, магнитные ленты были маловместительными, поэтому в полном объеме исполнение сказителей записать было сложно. Тем не менее Емельянов стал в этом деле новатором, внедрившим в полевое исследование фольклора новые методы сбора материала, позволяющие сегодня слышать живой голос исконных сказителей. Так, в фонотеке Рукописного фонда ИГИИПМНС СО РАН хранится уникальная запись олонхо «Куллуйа Куллустуур», исполненного знаменитым сказителем И.Г. Тимофеевым-Теплоуховым в 1959 г. на республиканском семинаре олонхосутов. Фольклористом П.Е. Ефремовым написана статья об итогах этих экспедиций [Ефремов, 1961], в которой отражена работа Н.В. Емельянова как умелого руководителя фольклорной экспедиции.

Находясь в экспедиции в Борогонцах Усть-Алданского района, Н.В. Емельянов встретился с известным олонхосутом Р.П. Алексеевым и зафиксировал момент создания олонхо «Алаатыр Ала Туйгун». Сказитель во время записи был намерен закончить олонхо двумя периодами, но Николай Васильевич посоветовал ему докончить повествование, чтобы полный объем текста сдать в архив. Олонхосут прислушался к совету фольклориста, и была записана третья часть олонхо «Ала Туйгун», рассказывающая о героических подвигах богатыря Тустуулаах Дьоруо Бөбө. Впоследствии текст этого олонхо полностью вошел в 21-томную серию «Саха ботурдара» («Богатыри Саха») тремя книгами.

После этого Н.В. Емельянов в связи с возрастом не принимал личного участия в экспедициях. Но, будучи руководителем отдела литературы и фольклора, организовал тесное сотрудничество с краеведами, фольклористами районов республики, которые на местах производили записи различных жанров устного народного творчества. Так, Н.Т. Степанов в Нюрбе, Г.Е. Федоров в Сунтарах, И.К. Васильев, Л.Ф. Николаев в Верхневилуйске, Е.М. Николаев в Вилуйске, В.Р. Уломжинский в Мегино-Кангаласском районе собрали уникальные материалы от местных сказителей и певцов. Этот материал также вошел в научный фонд института, был обработан и проанализирован. Позже ученые института П.Н. Дмитриев, В.П. Еремеев, В.В. Илларионов, С.Д. Мухоплева, Н.А. Дьяконова успешно продолжили традицию сбора уже более современных вариантов устно-поэтических жанровых форм по районам республики.

Благодаря подвижнической деятельности Н.В. Емельянова как организатора и руководителя экспедиций, значительно расширившего границы полевой собирательской работы и внедрившего новые методы сбора и записи фольклорных источников, Рукописный фонд ИГИИПМНС СО РАН обогатился уникальными материалами по якутскому фольклору, собранными во второй половине XX в. Именно его новаторские методы позволили сохранить живые голоса народных сказителей в фонотеке архива.

Впоследствии Н.В. Емельянов постоянно поддерживал сотрудничество с фольклористами-краеведами, способствовал публикации локальных текстов олонхо в качестве консультанта и редактора, плотно работал с носителями живой фольклорной традиции, участвовал в фольклорных фестивалях и районных ысыахах. Его заслуга как популяризатора фольклорного наследия народа саха неопределима.

Издание олонхо сериями. Н.В. Емельянов неоднократно ставил вопрос об издании серии книг олонхо перед Ученым советом института и на общих собраниях коллектива (в т.ч. обращался к председателю филиала СО РАН Якутии Н.В. Черскому). Но на протяжении многих лет вопрос оставался открытым. Приводя в пример серию десятитомных книг «Алтай баатырдары» («Богатыри Алтая») алтайского коллеги фольклориста С.С. Суразакова, он также говорил о

необходимости издания подобной серии книг якутских олонхо. Научный замысел ученого был реализован отделом олонхо под руководством С.Д. Мухоплевой, которая вместе с Н.А. Дьяконовой инициировала движение по созданию Ассоциации олонхо в республике. В качестве главной задачи Ассоциации ставилось издание серии книг «Саха боотурдара». В свою очередь серийный выпуск преследовал цели сохранения эпического наследия якутов, создания целостного представления об эпической традиции каждого района (улуса), введения в научный оборот малоизвестных архивных текстов олонхо, популяризации устной эпической традиции. Новизна серии заключается в территориальном принципе издания, который позволял представить широкий ареал распространения эпической традиции. Каждый том серии представляет локальную разновидность эпической традиции центральных, вилуйских, северных и южных районов Якутии. Структура томов включает в себя вступительную статью, текст олонхо на якутском языке, научные комментарии (текстологические примечания, объяснения непонятных, диалектных слов, малоизвестных широкому кругу читателей), указатели реалий, имена персонажей, локусов, краткий пересказ сюжета и приложения. В рамках серии впервые были введены в научный оборот и опубликованы хранящиеся в Рукописном фонде Архива ЯНЦ СО РАН рукописные тексты олонхо, записанные научными сотрудниками и внештатными корреспондентами Института языка и культуры при СНК ЯАССР в 30-40-х годах XX в.

Н.В. Емельянов настаивал на том, чтобы все сохраненные в научном архиве ЯНЦ СО РАН 160 рукописей олонхо по возможности были изданы и широко распространены. Из этого архива под его руководством и редакцией издан подготовленный к печати Э.К. Пекарским еще в дореволюционное время текст олонхо известного амгинского сказителя Т.В. Захарова-Чээбийэ «Ала Булкун» с рукописи В.Н. Васильева. Николай Васильевич составил классификацию стихотворных текстов, сделал текстологические комментарии, подготовил вступительную статью, посвященную Т.В. Захарову-Чээбий. В книгу в качестве приложения вошел перевод олонхо Г.В. Баишева–Алтан Сарына, подготовленный В.М. Никифоровым. К слову, Николай

Васильевич очень бережно относился к материалам, подготовленным Э.К. Пекарским.

Работа по изданию академических книг. Большое внимание изданию материалов фольклора в академическом формате уделял Г.У. Эргис. В этом направлении он в свое время проделал огромную работу для издания переводных текстов «Ньургун Боотур стремительный», «Исторические предания и рассказы», «Якутские сказки», оснащенных вступительными статьями с подробными текстологическими разъяснениями. Г.У. Эргис требовал от своего ученика Н.В. Емельянова академического подхода в работе над диссертацией. Делавший первые шаги в науке аспирант собрал народные поговорки, сделал разделы по темам, перевел их на русский язык и издал в 1962 г. сборник «Якутские пословицы и поговорки». Георгий Устинович высоко оценил этот сборник. В «Очерках по якутскому фольклору» он написал, что «Сборник Н.В. Емельянова» – одна из лучших научных публикаций. «Сборник якутских пословиц и поговорок» интересен и полезен с разных точек зрения: как познавательный материал для изучения и развития народного сознания, как памятник художественного слова для обогащения литературы и литературного языка, как выражение народной морали в целях воспитания молодежи» [Эргис, 2008: 95-96]

Г.У. Эргис искренне благодарил своего ученика за эту работу и доверил ему подготовку к изданию четырехтомника «Саха народнай ырыалара» («Якутские народные песни»). Под руководством Н.В. Емельянова было издано три тома [Якутские..., 1976, 1977, 1980]. П.Е. Ефремов, С.П. Ойунская, А.А. Билюкина сделали перевод народных песен и подготовили научные комментарии. Четвертый том «Тойуктар» («Тойуки») составила и выпустила С.П. Ойунская [Якутские..., 1983]. Все тома редактировал сам Н.В. Емельянов, но вступительная статья осталась незавершенной, т.к. в то время не нашлось специалиста, имеющего опыт записи одновременно музыкальной и вербальной составляющих народных песен.

Важно отметить роль Н.В. Емельянова в издании серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». В 1977 г. якутские фольклористы добились организации и проведения всесоюзной научной конференции «Эпи-

ческое творчество народов Сибири и Дальнего Востока», в результате которой были сделаны первые реальные шаги по созданию концепции «Памятников...». В работе конференции приняли участие известные эпосоведы Б.Н. Путилов, Е.М. Мелетинский, В.М. Гацак, Х.Х. Кер-Оглы, фольклористы Сибири С.С. Суразаков, А.И. Уланов, П.А. Трояков и др.

На конференции бурятские ученые В.Ц. Найдаков и М.И. Тулохонов поставили вопрос о необходимости академического издания фольклорных памятников Сибири и Дальнего Востока на двух языках, и этот вопрос был внесен в резолюцию конференции. Впоследствии член-корреспондент РАН СССР А.Н. Соктоев вплотную работал над реализацией резолюции конференции. Он несколько раз приезжал в Якутию для решения вопросов по изданию серии с руководством отдела литературы и фольклора института и Якутского филиала СО АН СССР.

Именно данная конференция дала толчок для проведения семинаров, круглых столов, конференций в Улан-Удэ, Горном Алтае и Новосибирске, где обсуждались вопросы издания серий памятников фольклора Сибири и Дальнего Востока. Было запланировано 60 томов, отражающих все жанровые формы фольклора. В отличие от предыдущих академических изданий было принято решение о том, что каждый том должен быть с музыковедческой статьей, нотами и компакт-дисками.

Научная концепция серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» была ориентирована на достоверную источниковую базу, представляющую лучшие образцы художественного поэтического творчества народов, населяющих огромную сибирско-дальневосточную территорию. Создатели серии руководствовались идеей показать живое бытование фольклора, ввести в научный оборот новые не изданные ранее фольклорные образцы на двух языках (национальном и русском), продемонстрировать фольклорное богатство в его полифункциональности – в единстве слова–действия–музыки.

В отношении якутского корпуса текстов было принято соглашение об издании 6 томов: 3 тома эвенского и эвенкийского фольклора, по одному тому юкагирского и долганского фольклоров. В итоге одну четвертую часть серии по-

ставили в план издания для якутских фольклористов. Была организована редколлегия под руководством академика А.П. Деревянко. В состав этой редколлегии вошел и Николай Васильевич Емельянов. Позднее заместителем руководителя редколлегии был назначен крупный ученый, этнограф и фольклорист Н.А. Алексеев.

Н.В. Емельянов с сотрудниками своего отдела составил план работы, в котором было принято решение о том, что в 6 томов будут включены два олонхо, повествовательное произведение, обрядовые песни и тойуки, сказки и народные песни. Было принято решение опубликовать в «Памятниках...» героический эпос «Кыыс Дэбилэй» и «Могучий Эр Соготох», «Предания, мифы, легенды саха (якутов)», «Обрядовая поэзия саха (якутов)», «Якутские народные сказки».

Н.В. Емельянов, будучи членом редколлегии, принимал самое активное участие и выступал консультантом при утверждении томов памятников фольклора других народов Сибири. При утверждении шорского эпоса возникли большие споры. Профессор А.И. Чудояков при составлении и переводе текстов фольклора вносил изменения и использовал формы художественной литературы, что было недопустимо для аутентичной фольклорной записи. Авторитет Николая Васильевича сыграл решающую роль в исправлении ошибок и в издании памятника в соответствии с требованиями современной фольклористики.

Под руководством Николая Васильевича якутские фольклористы из запланированных шести томов издали пять томов, остался неизданным том «Саха народнай ырыалара» (Якутские народные песни).

Н.В. Емельянов – эпосовед. Н.В. Емельянов, начиная с 1970 г., до конца своих дней исследовал сюжеты олонхо. Было очевидно, что все рукописи, хранящиеся в архиве (160 полных записей олонхо), издать невозможно, поэтому Николай Васильевич начал работу по описанию сюжетов олонхо. На основе 75 текстов он выделил три основные сюжетные группы: заселение Среднего мира племенами ураанхай саха (сюжеты № 1–16); олонхо о родоначальниках ураанхай саха (сюжеты № 17–49); олонхо о защитниках племени айыы (сюжеты № 50–75). В каждой из трех групп сюжетов выделены тематиче-

ские подгруппы. Анализ олонхо состоял из обширного текстологического описания рукописей, характеристики композиционного строя, пространственно-временной организации и персонажной системы. При этом анализ текстов был дан в диахроническом срезе: от наиболее архаичных текстов к более поздним вариантам. Результатом многолетней скрупулезной работы Николая Васильевича стала опубликованная в издательстве «Наука» в Новосибирске монография «Сюжеты якутских олонхо» [Емельянов, 1980].

Его работа по типологии сюжетов олонхо послужила основой для дальнейшего глубокого изучения героического эпоса. По его замыслу, каждая из вышеуказанных трех сюжетных групп требовала отдельного, более углубленного исследования. Так, по итогам первого монографического исследования он написал еще три монографии, углубившие изучение структуры олонхо.

В 1983 г. он выпустил книгу «Сюжеты ранних типов якутских олонхо» [Емельянов, 1983], в которой анализируются принципы эпического сюжетосложения, характеризующегося насыщенностью, многообразием сюжетных линий и повествовательных тем. В этой книге он изучил и раскрыл специфику трех подгрупп сюжетов «Заселение Среднего мира потомками Юрюнг Айыы Тойона», «Заселение Среднего мира отверженными потомками айыы» и «Женщины богатырки — первые люди Среднего мира».

В 1990 г. увидела свет монография «Сюжеты о родоначальниках племени» [Емельянов, 1990]. Здесь автор выделил сюжеты олонхо о жизни богатырей в срединном мире, их победы, их основную роль в создании и продлении рода племени айыы. При этом автор отметил, что каждое олонхо имеет свои отдельные сюжеты и идейно тематическое содержание, указал на особую роль образа удаганки в сюжетах олонхо как помощницы и советницы богатырей, способной предвидеть события. Емельянов обоснованно доказывает, что такие взаимоотношения персонажей наблюдаются в наиболее ранних, архаичных текстах олонхо.

Последняя монография Николая Васильевича «Сюжеты олонхо о защитниках племени айыы» вышла уже после его ухода из жизни в 2000 г. в издательстве «Наука» в г. Новосибир-

ске [Емельянов, 2000]. В книге представлена глубоко продуманная концепция эволюции сюжета, объяснены закономерности трансформаций эпического текста, обусловленные историческими изменениями в обществе — ослабление мифологического и сказочного начал, усиление героического начала и появление в текстах реалий исторической действительности.

Для Николая Васильевича основным принципом исследования текстов олонхо был исторический принцип, он рассматривал развитие сюжетов эпического текста в эволюционном аспекте, отталкиваясь от наиболее архаичных автохтонных текстов, и указывал на историческую обусловленность модификации эпических текстов, подчеркивая при этом мифологическую основу эпического повествования.

О высоком научном уровне монографий Н.В. Емельянова свидетельствует тот факт, что редакторами его научных трудов выступили фольклористы-эпосоведы мирового уровня Б.Н. Путилов, С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик.

Изучение сюжетов олонхо имеет большую научную значимость для современного эпосоведения. Емельяновские исследования стали ключевыми не только для изучения якутского олонхо, но и для изучения эпосов других народов. Подтверждением этому является то, что бурятские и алтайские эпосоведы, опираясь на его труды, составили указатель эпосов своих народов. В качестве сравнительного материала труды Емельянова используются тувинскими эпосоведами [Орус-Оол, 2001]. Переведенная на турецкий язык профессором Метин Эргуном монография «Сюжеты олонхо о родоначальниках племени» (2016) служит опорой для изучения древних тюркских текстов. Все это свидетельствует о том, что Н.В. Емельянов, безусловно, является специалистом мирового значения.

IV. Заключение. Несмотря на то, что Н.В. Емельянов пришел в науку в достаточно зрелом возрасте, более сорока лет он плодотворно занимался сбором фольклорного материала и его научным изучением, изданиями серий памятников фольклора. Как исследователь и организатор науки Николай Васильевич был во многих областях фольклористики первопроходцем. Это касается новаторских способов сбора первоисточников, системного изучения поэтики эпического текста и малых жанров фольклора,

эдиционной практики, популяризации, пропаганды народного творчества.

Ученый был зачинателем системного изучения жанров якутского фольклора. Его работа по классификации народных поговорок, издание сборника исторических преданий, загадок, сказок, обрядовых алгысов, скороговорок стали основой для системного изучения всех жанровых форм фольклора. Он проделал титаническую работу, систематизировав множество пословиц и поговорок, народных песен-тойуков, сюжетов олонхо.

Якутские фольклористы под руководством Н.В. Емельянова первыми в фольклорной экспедиции собрали уникальный фольклорный материал таймырских долганов и эссеистских якутов, который лег в основу изучения региональных (локальных) особенностей народного творчества.

Фольклорные экспедиции, которые он организовывал в 1960-90 гг. по районам республики, были нацелены на установление неразделимой связи традиционного фольклора и самостоятельного исполнения. И этот материал, несомненно, позволил расширить сферу изучения и сохранения устного народного творчества. Проблемы региональной якутской фольклористики, сформулированные и разработанные Н.В. Емельяновым, не только не утратили своей актуальности в наше время, но и с позиции современных теоретико-методологических подходов получили новые аспекты изучения.

Список литературы:

- Алексеев Н. Кладезь мудрости народной // Соц. Якутия. 1962. Вып.: 15 окт. С. 3.
- Васильев Т. Олонхо туһунан (Об олонхо) // Кыым. 1990. Вып.: 10 авг. С. 4.
- Григорьев Н. Актуальные проблемы якутской филологии // Соц. Якутия. 1966 г. Вып.: 25 мая. С. 3.
- Дьэһиэй сахаларын фольклора (Фольклор эссеистских якутов) [Сост. Н.В. Емельянов, А.И. Саввинов; ред. А.И. Саввинов]. Якутск, 2002. 227 с.
- Емельянов Н.В. Сюжеты олонхо о защитниках племени. Новосибирск: Наука, 2000. 192 с.
- Емельянов Н.В. Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. М.: Наука, 1990. 216 с.
- Емельянов Н.В. Сюжеты ранних типов якутских олонхо. М.: Наука, 1983. 246 с.
- Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. М.: Наука, 1980. 375 с.
- Емельянов Н.В. Якутские пословицы и поговорки. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1962. 96 с.
- Еремеев В. Рецензия на книгу Емельянова Н.В. «Сюжеты якутских олонхо» // За науку в Сибири. 1981. Выпуск: 16 апр. С. 7.
- Ефремов П.Е. О фольклоре Нюрбинского и Сунтарского районов // Научные сообщения. Вып. 6. Якутск: Изд. во ЯФСО АН СССР, 1961. С. 83-89.
- Иванова К. Сюжеты олонхо // Соц. Якутия. 1980. 16 нояб. С. 4.
- Илларионов В.В. Аксакал якутской фольклористики (к 100-летию со дня рождения Н.В. Емельянова) // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Серия «Эпосоведение. Epic Studies». № 1 (21). 2021. С. 155-158. URL: <https://epossvfu.ru/index.php/epos/article/view/382> (дата обращения: 1.04.2021).
- Илларионов В., Еремеев В. Норуот айымньыларын үөрэтээччи (Ученый фольклорист) // Кыым. 1981. 6 фев. С. 4.
- Илларионов В.В. К 90-летию со дня рождения эпосоведа Николая Васильевича Емельянова // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. 2011. Т. 8. № 4. С. 134-136.
- Кыыс Дэбиллэйэ: якут. героич. эпос. Новосибирск: Наука, 1993. 326 с.
- Манчаары норуот номоҕор (Манчаары в преданиях народа) [Сост. И.Г. Березкин]. Якутск: Кн. изд-во, 1972. 384 с.
- Могучий Эр Соготох (Модун Эр Соҕотох): якут. героич. эпос. Новосибирск: Наука, Сиб. издат. фирма РАН, 1996. 437 с.
- Ойуун [Сост. С.Д. Мухомлева, Л.Ф. Рожина]. Якутск: Якутполиграфиздат. 1993. 64 с.
- Орус-Оол С.М. Тувинские героические сказания. Текстология, поэтика, стиль. М.: Макс Пресс, 2001. 423 с.
- Петров В. Т. Фольклорные традиции в якутской советской литературе. М., 1978. С. 4.
- Саха былыргы сэхэннэрэ уонна кэпсээннэрэ (Якутские исторические предания и рассказы) [Сост. И.Г. Березкин]. Якутск: Кн. изд-во, 1977. С. 304.
- Элиасов Л. Е. Книга о якутских пословицах и поговорках // Фольклор народов Сибири. Улан-Удэ, 1965. С. 187-189.
- Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974. 402 с.
- Якутские народные песни в 3-х частях [Сост. Г.У. Эргис, Н.В. Емельянов и др.]. Якутск: Кн. изд-во. Ч.1. 1976. 232 с.; Ч.2. 1977. 424 с.; Ч.3. 1980. 296 с.
- Якутские народные песни-тойуки [Сост. С.П. Ойунская, ред. Н.В. Емельянов]. Якутск: Кн. изд-во, 1983. 280 с.

References:

- Alekseev N. Kladez' mudrosti narodnoy [A mine of folk wisdom]. *Sotsialisticheskaya Yakutiya* [Socialist Yakutia]. 1962. Release: October 15. Pp. 3 (In Russian).
- Vasil'ev T. Ob Olonkho [About Olonkho]. *Kyym* [Kyym]. 1990. Release: August 10. Pp. 4 (In Yakut).
- Grigor'ev N. Aktual'nye problemy yakutskoy filologii [Actual problems of Yakut philology]. *Sotsialisticheskaya Yakutiya* [Socialist Yakutia]. 1966 r. Release: May 25. Pp. 3 (In Russian).
- Fol'klor esseyskikh yakutov. Sostaviteli N.V. Emel'yanov, A.I. Savvinov; redaktor A.I. Savvinov* [Folklore of the Essene Yakuts. Compiled by N.V. Emel'yanov, A.I. Savvinov; editor A.I. Savvinov]. Yakutsk, 2002. 227 p. (In Yakut).
- Emel'yanov N.V. *Syuzhety olonkho o zashchitnikakh plemeni* [Olonkho plots about the defenders of the tribe]. Novosibirsk: Science Publ., 2000. 192 p. (In Russian).
- Emel'yanov N.V. *Syuzhety olonkho o rodonachal'nikakh plemeni* [Olonkho plots about the ancestors of the tribe]. Moscow: Science Publ., 1990. 216 p. (In Russian).
- Emel'yanov N.V. *Syuzhety rannikh tipov yakutskikh olonkho* [Plots of the early types of Yakut Olonkho]. Moscow: Science Publ., 1983. 246 p. (In Russian).
- Emel'yanov N.V. *Syuzhety yakutskikh olonkho* [Plots of the Yakut Olonkho]. Moscow: Science Publ., 1980. 375 p. (In Russian).
- Emel'yanov N.V. *Yakutskie poslovitsy i pogovorki* [Yakut proverbs and sayings]. Yakutsk book publishing house, 1962. 96 p. (In Russian).
- Eremeev V. Retsenziya na knigu Emel'yanova N. V. "Syuzhety yakutskikh Olonkho" [Review of the book Emel'yanov N. V. "Plots of the Yakut Olonkho"]. *Za nauku v Sibiri* [For science in Siberia]. 1981. Release: April 16. Pp. 7. (In Russian).
- Efremov P.E. O fol'klore Nyurbinskogo i Suntarskogo rayonov [About the folklore of the Nyurba and Suntarsky districts]. *Nauchnye soobshcheniya* [Scientific communications]. Release 6. Yakutsk: Yakutsk Branch of the Siberian Branch of the Academy of Sciences Union of Soviet Socialist Republics, 1961. Pp. 83-89. (In Russian).
- Ivanova K. *Syuzhety olonkho* [Olonkho plots]. *Sotsialisticheskaya Yakutiya* [Socialist Yakutia]. 1980. Release: November 16. Pp. 4 (In Russian).
- Illarionov V. Aksakal yakutskoy fol'kloristiki (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya N. V. Emel'yanova) [Aksakal of the Yakut folklore studies (to the 100th anniversary of the birth of N.V. Emel'yanov)]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M.K. Ammosova. Seriya "Eposovedenie"* [Journal of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov. "Series Epic Studies"]. № 1(21). 2021. C. 155-158. URL: <https://epossvfu.ru/index.php/epos/article/view/382> (date of the application: 1.04.2021). (In Russian).
- Illarionov V., Eremeev V. *Uchenyy-fol'klorist* [Folklorist]. *Kyym* [Kyym]. 1981. Release: February 6. Pp. 4 (In Yakut).
- Illarionov V.V. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya eposoveda Nikolaya Vasil'evicha Emel'yanova [On the occasion of the 90th anniversary of the birth of the epic scholar Nikolai Vasilyevich Emel'yanov]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M.K. Ammosova. Seriya "Eposovedenie"* [Journal of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov. "Series Epic Studies"]. 2011. Volume 8. № 4. Pp. 134-136. (In Russian).
- Kyys Debiliye: yakutskiy geroicheskiy epos [Kyys Debiliye: Yakut heroic epic]. Novosibirsk: Science Publ., 1993. 326 p. (In Russian).
- Manchaary v predaniyah naroda. Sostavitel' I.G. Berezkin* [Manchaars in the legends of the people. Compiled by I.G. Berezkin]. Yakutsk: Book publ., 1972. 384 p. (In Yakut).
- Moguchij Jer Sogotokh: jakutskiy geroicheskiy jepos* [Mighty Er Sogotokh: Yakut heroic epic]. Novosibirsk: Science Publ., Siberian publishing firm The Russian Academy of Sciences, 1996. 437 p. (In Russian).
- Ojuun. Sostaviteli S.D. Muhopleva, L.F. Rozhina* [Shaman. Compiled by S.D. Mukhopleva, L.F. Rozhina]. Yakutsk: Yakutsk polygraphic publ., 1993. 64 p. (In Yakut).
- Orus-Ool S.M. *Tuvinskie geroicheskie skazaniya. Tekstologiya, pojetika, stil'* [Tuvan heroic legends. Textology, poetics, style]. Moscow: Max Press, 2001. 423 p. (In Russian).
- Petrov V.T. *Fol'klornye tradicii v jakutskoj sovetskoj literature* [Folklore traditions in the Yakut Soviet literature]. M., 1978. Pp. 4. (In Russian).
- Jakutskie istoricheskie predaniya i rasskazy. Sostavitel' I.G. Berezkin* [Yakut historical legends and stories. Compiled by I.G. Berezkin]. Yakutsk: Book publ., 1977. Pp. 304. (In Yakut).
- Jeliasov L. E. Kniga o jakutskikh poslovicah i pogovorkah [A book about Yakut proverbs and sayings]. *Fol'klor narodov Sibiri* [Folklore of the peoples of Siberia]. Ulan-Ude, 1965. Pp. 187-189. (In Russian).
- Jergis G.U. *Ocherki po jakutskomu fol'kloru* [Essays on Yakut folklore]. Yakutsk: Bichik publ., 2008. 400 p. (In Russian).
- Jakutskie narodnye pesni v 3 h chastjah. Sostaviteli Jergis., N.V. Emel'janov i drugie* [Yakut folk songs in 3 parts. Compiled by Ergis, N.V. Emel'yanov and others]. Yakutsk: Book publ. Part 1. 1976. 232 p.; Part 2. 1977. 424 p.; Part 3. 1980. 296 p. (In Russian).

Jakutskie narodnye pesni tojuki. Sostavitel' S.P. Emel'yanov]. Yakutsk: book publ., 1983. 280 p. (In Ojunskaia, redaktor N.V. Emel'yanov [Yakut folk songs Russian). of tojuki. Compiled by S.P. Oyunskaia, editor N.V.

V.V. Illarionov, L.N. Romanova

N.V. Emel'yanov in Scientific Research and Popularization of Yakut Folklore

Scientific novelty. This article provides an assessment of the scientific and scientific-organizational activities of the famous Yakut folklorist, epic scholar, Doctor of Philology, Honored Veteran of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, member of the International Turkic Academy Nikolai Vasilyevich Emel'yanov (1921-200). *The aim of the article* is to evaluate the contribution of N.V. Emel'yanov to the formation and development of Yakut folklore studies, to present the scope of his activities as a researcher, organizer of science, who determined the main directions of the development of modern folklore studies and brought up a whole generation of specialists-folklorists. *Research methods:* Using the elements of the biographical method, the author recreates the scientific and scientific-organizational activities of Emel'yanov, evaluates his contribution to the development of Yakut folklore. *Results.* The article reproduces in chronological order the scientific biography of N.V. Emel'yanov. The author shows the process of becoming a scientist is shown, on the one hand, as a researcher, one of the first who began to study the poetics of folklore genres; on the other, as an organizer of science.

Particular attention is paid to the scientific and organizational activities of N.V. Emel'yanov. He is characterized as a field researcher, organizer of folkloristic expeditions, and as the head of the folklore department of the Institute of Language, Literature and History, who has brought up a whole generation of young specialists. His contribution to the popularization and academic publication of Yakut folk songs, sayings and proverbs and the epic of Olonkho was also appreciated. The author shows that Nikolai Vasilyevich was one of the most authoritative scientists who approved the academic principles of publishing folklore monuments of the peoples of Siberia and the Far East. The fruitful work of Nikolai Vasilyevich on the training of scientific personnel, specialists in folklorists, who continued his work, is highlighted.

Keywords: folklore studies, epos, Olonkho, plot, collection, scientific school, folklore expeditions, academic publication

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аюшеева Эржена Баировна – к.ф.н., м.н.с. отдела литературоведения и фольклористики Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6; erzhena1406@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1407-505X>.

Борисова Надежда Марковна – к.ф.н., доцент кафедры журналистики филологического факультета СВФУ имени М.К. Аммосова; Россия, г. Якутск, Кулаковского, д. 42; borisovanm1963@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7316-8109>.

Бравина Розалия Иннокентьевна – д.и.н., профессор, г.н.с., зав. отделом археологии и этнографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; bravinari@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4902-8288>.

Готовцева Лина Митрофановна – к.ф.н., с.н.с. отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; Lingot@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8039-1838>.

Дампилова Людмила Санжибоевна – д.ф.н., г.н.с. отдела литературоведения и фольклористики Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6; luda_dampilova@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0917-5432>.

Данилова Анна Николаевна – к.ф.н., н.с. отдела фольклора и литературы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; danilova.aanchyk@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8651-0893>.

Жамбалова Сэсэгма Гэндэновна – д.и.н., доцент, в.н.с. отдела истории, этнологии и социологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6; zhambalovas@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2672-8126>.

Жукова Людмила Николаевна – к.и.н., с.н.с. отдела археологии и этнографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского д. 1; zjukova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1645-8043>.

Илларионов Василий Васильевич – д.ф.н., профессор кафедры фольклора и культуры Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ СВФУ им. М.К. Аммосова; Россия, г. Якутск, Кулаковского, д. 42; illarionov_v_v@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0745-290X>.

Ларионова Анна Семеновна – д. иск., доцент, профессор кафедры теории и истории музыки Высшей школы музыки (институт) РС(Я) им. В.А. Босикова, г.н.с. отдела фольклора и литературы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; degerenan@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8524-6162>.

Макаров Семен Семенович – к.ф.н., с.н.с. отдела фольклора Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН; Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а; semion.makarov@gmail.com; <http://orcid.org/0000-0002-5751-5967>.

Манджиева Байрта Барбаевна – к.ф.н., в.н.с. отдела фольклора и литературы Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Калмыцкий научный центр РАН»; Россия, г. Элиста, ул. им. И.К. Илишкина, д. 8; mbbairta@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5644-3340>.

Мухоплёва Светлана Дмитриевна – к.ф.н., доцент, с.н.с. отдела фольклора и литературы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; muhopleva@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8577-7238>.

Оросина Надежда Анатольевна – к.ф.н., н.с. отдела фольклора и литературы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; onadya88@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0712-3049>.

Покатилова Надежда Володаровна – д.ф.н., профессор, г.н.с., зав. отделом фольклора и литературы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск; pnv_ysu@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2869-1400>.

Романова Лидия Николаевна – к.ф.н., в.н.с. отдела фольклора и литературы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; romanova_lida@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4690-0907>.

Хандарова Ольга Владимировна – к.ф.н., м.н.с. отдела литературоведения и фольклористики Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6; olga.khandarova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-5573-1888>.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ayusheeva Erzhena Bairovna – Candidate of Philological Sciences, Junior Researcher of the Department of Literary Studies and Folklore Studies of the Federal State Budgetary Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS; Russia, Ulan-Ude, 6 Sakhyanova St.; erzhena1406@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1407-505X>.

Borisova Nadezhda Markovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Journalism, Faculty of Philology, NEFU named after M.K. Ammosov; Russia, Yakutsk, 42 Kulakovskogo St.; borisovanm1963@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7316-8109>.

Bravina Rozalia Innokentievna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, the Head of the Department of Archeology and Ethnography of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Russia, Yakutsk, 1 Petrovskogo, St.; bravinari@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4902-8288>.

Gotovtseva Lina Mitrofanovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of the Yakut Language of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Russia, Yakutsk, 1 Petrovskogo, St.; Lingot@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8039-1838>.

Dampilova Lyudmila Sanzhiboevna – Doctor of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of Literary Studies and Folklore Studies of the Federal State Budgetary Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS; Russia, Ulan-Ude, 6 Sakhyanova St.; luda_dampilova@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0917-5432>.

Danilova Anna Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, Research Fellow of the Department of Folklore and Literature of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Russia, Yakutsk, 1 Petrovskogo, St.; danilova.aanchyk@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8651-0893>.

Zhambalova Sesegma Gendenovna – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Department of History, Ethnology and Sociology of the Federal State Budgetary Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS; Russia, Ulan-Ude, 6 Sakhyanova St.; zhambalovas@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2672-8126>.

Zhukova Lyudmila Nikolaevna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Archeology and Ethnography of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Russia, Yakutsk, 1 Petrovskogo, St.; zjukova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1645-8043>.

Illarionov Vasily Vasilievich – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Folklore and Culture of the Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East of the Russian Federation, NEFU named after M.K. Ammosov; Russia, Yakutsk, 42 Kulakovskogo St.; illarionov_v_v@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0745-290X>.

Larionova Anna Semenovna – Doctor of Arts, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of Music at the Higher School of Music (Institute) of the Republic of Sakha (Yakutia) named after V.A. Bosikova, Senior Researcher of the Department of Folklore and Literature of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Russia, Yakutsk, 1 Petrovskogo, St.; degerenan@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8524-6162>.

Makarov Semyon Semenovich – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of Folklore of the Institute of World Literature named after A.M. Gorky RAS; Russia, Moscow, 25a Povarskaya St.; semion.makarov@gmail.com; <http://orcid.org/0000-0002-5751-5967>.

Mandzhieva Bayrta Barbaevna – Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher of the Department of Folklore and Literature of the Federal State Budgetary Institution of Science “Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”; Russia, Elista, 8 I.K. Ilishkina St.; mbbairta@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5644-3340>.

Mukhopleva Svetlana Dmitrievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of the Department of Folklore and Literature of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Russia, Yakutsk, 1 Petrovskogo, St.; muhopleva@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8577-7238>.

Orosina Nadezhda Anatolyevna – Candidate of Philological Sciences, Research Fellow of the Department of Folklore and Literature of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Russia, Yakutsk, 1 Petrovskogo, St.; onadya88@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0712-3049>.

Pokatilova Nadezhda Volodarovna – Doctor of Philological Sciences, Professor, Chief Researcher, the Head of the Department of Folklore and Literature of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Russia, Yakutsk, 1 Petrovskogo, St.; pnv_ysu@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2869-1400>.

Romanova Lidia Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher of the Department of Folklore and Literature of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Russia, Yakutsk, 1 Petrovskogo, St.; romanova_lida@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4690-0907>.

Khandarova Olga Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, Junior Researcher of the Department of Literary Studies and Folklore Studies of the Federal State Budgetary Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS; Russia, Ulan-Ude, 6 Sakhyanova St.; olga.khandarova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-5573-1888>.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И РЕЦЕНЗИЙ

В журнале «Северо-Восточный гуманитарный вестник» публикуются статьи, содержащие результаты фундаментальных и прикладных исследований в области языков, истории и культуры коренных народов Северной Азии, в том числе работы компаративного характера. Помимо научных статей, в журнале публикуются рецензии на научные издания, вышедшие за последние 5 лет и имеющие отношение к тематике журнала. К публикации принимаются рукописи на русском или английском языках.

Статьи должны содержать не опубликованные ранее новые фактические данные или теоретические положения. Обзорные статьи и рецензии, представляющие собой пересказ рецензируемого материала, к печати не принимаются. Передавая редакции журнала рукопись статьи или рецензии, автор гарантирует, что она полностью или частично не опубликована и не отправлена на публикацию в другие издания. Автор также соглашается не размещать текст на интернет-ресурсах, пока не будет принято решение о его публикации в «Северо-Восточном гуманитарном вестнике», и в случае положительного решения воздержаться от его размещения в сети Интернет до выхода журнала в свет.

Объем рукописи, включая иллюстративный материал и список литературы, должен составлять для статей – 12–24 страницы (20000–40000 знаков), для рецензий – 12 страниц (20000 знаков). Рукописи большего или меньшего объема принимаются по согласованию с редакцией. Рукописи должны быть автором хорошо отредактированы и тщательно проверены.

Формат рукописи: А4, интервал 1,5, шрифт Times New Roman, размер 14, поля: сверху, снизу и слева – 2,0 см, справа – 1,5 см. Переносы, автоформат и табуляция в статьях не допускаются. Допустимый формат файла – .doc / .docx.

Содержание рукописи необходимо оформить следующим образом:

1. Код **УДК** (код УДК, соответствующий тематике статьи или рецензии, можно найти по адресу: <https://nlrs.ru/to-professionals/Catalogue/udk/index.shtml>).

2. **DOI** (присваивается редакцией).

3. **Заголовок статьи или рецензии (Title)** должен кратко (максимальная длина заглавия составляет 10–12 слов) и точно отражать содержание статьи или рецензии, тематику и результаты проведенного научного исследования. В него необходимо вложить как информативность, так и привлекательность, уникальность научного творчества автора.

Благодарность или признательность размещается в виде постраничной сноски к названию статьи, отмеченной символом (*).

4. **Аннотация (Abstract)** статьи или рецензии на русском и английском языках (не менее 150 слов). Аннотация не должна содержать ссылки на разделы, формулы, рисунки, номера цитируемой литературы. Она должна отражать в первую очередь главные результаты работы, а не являться формальным описанием статьи или рецензии, т. е. быть краткой, но содержательной.

Условная структура аннотации: Научная новизна (Novelty of the research); Цель и задачи (Goal and objective); Методы исследования (Research Methods); Результаты (Results).

5. **Ключевые слова (Key words)** служат ориентиром для читателя и используются для поиска статей или рецензий в электронных базах, поэтому должны отражать дисциплину (область науки, в рамках которой написана работа), тему, объект и предмет исследования. Количество ключевых слов – от 5 до 10.

6. **Текст статьи должен соответствовать следующей структуре:**

1. **Введение (Introduction).** Представляет собой вступительную часть, в которой идет речь об общей теме исследования, дается постановка проблемы, описываются цель и задачи планируемой работы, теоретическая и практическая значимость, а также наиболее известные и авторитетные публикации по изучаемой теме.

II. Материалы и методы (Materials and Methods). Приводятся ссылки на соответствующие фактологические источники. Описываются методы и приемы, при помощи которых проводится изучение обсуждаемой проблемы.

III. Результаты (Results). В этой части статьи должен быть представлен систематизированный авторский аналитический и статистический материал. Результаты проведенного исследования необходимо описывать достаточно полно, чтобы читатель мог проследить его этапы и оценить обоснованность сделанных автором выводов. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты при необходимости подтверждаются иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками), которые представляют исходный материал или доказательства в свернутом виде. Важно, чтобы проиллюстрированная информация не дублировала уже приведенную в тексте. Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области как автора, так и других исследователей. Такое сравнение дополнительно раскроет новизну проведенной работы, придаст ей объективность. Результаты исследования должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные.

IV. Обсуждение (Discussion). Раздел, содержащий полемику по теме исследования.

V. Заключение (Conclusion(s)). Заключение содержит краткую формулировку результатов исследования. В нем в сжатом виде повторяются главные мысли основной части работы. Повторы излагаемого материала следует оформлять фразами, отличающимися от высказанных в основной части статьи. В этом разделе необходимо сопоставить полученные результаты с обозначенной в начале работы целью. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость.

Внутритекстовые ссылки на опубликованные работы приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например: [Ефремов, 2010: 47] или [Ефремов, 2004: 47–48].

Неопубликованные источники: документы, архивные материалы, рукописи – нужно указывать постраничными сносками внизу страницы: ¹Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС(Я)). Ф. 12. Оп. 2. Д. 134. Л. 1–2об. При повторном упоминании архива приводится его сокращенное название: ²НА РС(Я). Ф. 12. Оп. 2. Д. 135. Л. 3–4.

7. К статье прилагается два списка литературы в алфавитном порядке, включающие в себя только работы, использованные при подготовке статьи, отмеченные в тексте статьи, оформленные в соответствии с требованиями журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник».

Первый список литературы – на русском языке.

Второй список литературы – References – идет отдельным блоком и повторяет список литературы на русском языке, независимо от того, есть в нем иностранные источники или нет. Название публикации в ссылках должно быть транслитерировано (написано латинскими буквами) и дублировано на английский язык в квадратных скобках [...]. При транслитерации нужно воспользоваться ссылкой <https://www.translit.ru> (с вариантом BGN). Необходимо указать в скобках язык оригинала статьи, на котором написан полный текст публикации. Например,

в списке литературы: Вдовин И.С. Религиозные культы чукчей // Памятники культуры народов Сибири и Севера (2-я половина XIX - начало XX вв.). Сборник МАЭ. Т. 33. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1977. С. 117-171.

в References: Vdovin I.S. Religioznye kul'ty chukchej [Chukchi religious cults]. *Pamjatniki kul'tury narodov Sibiri i Severa (2-ja polovina XIX - nachalo XX vv.). Sbornik Muzeja antropologii i jetnografii imeni Petra Velikogo (Kunstkamera) Rossijskoj akademii nauk* [Cultural monuments of the peoples of Siberia and the North (2nd half of the 19th – beginning of the 20th century). Collection of the Peter the

Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences]. Volume 33. Leningrad: Science Publ., Leningrad branch, 1977. Pp. 117-171. (In Russian)

Список использованных источников и литературы должен содержать не менее 15 наименований. Приветствуются ссылки на труды зарубежных ученых по теме исследования, а также на научные работы, опубликованные в течение последних 5 лет.

Важно правильно оформить ссылку на источник: следует указать фамилию(и) автора(ов), журнал, год издания, том (выпуск), номер, страницы, у электронных источников – адрес доступа в сети Интернет.

Для книг: указывается место издания, название издательства, год издания и общее количество страниц.

Для статей: название журнала, год издания, том, выпуск (или номер), страницы начала и конца статьи.

Ссылка на электронные источники должна включать информацию о сайте, режиме доступа и дату последнего посещения. Например,

Sikora M. et al. The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene. Nature. 2019. Vol. 570 (7760). URL: <https://www.nature.com/articles/s41586-019-1279-z> (дата обращения: 02.12.2020).

При ссылках на личные ПМА отдельно уточняется конкретная экспедиция, при этом в скобках все информанты, картотеки либо другие единицы, на которые даются ссылки в статье. Если по условиям проведения исследований требуется соблюдать анонимность, то имена информантов могут сокращаться до инициалов или опускаться в соответствии с конкретными требованиями, которые налагаются на автора в рамках его проекта.

Все словари, на которые даются ссылки в тексте статьи, оформляются отдельным списком после литературы на русском языке, а также идут в общем списке References.

8. Полные сведения об авторе (авторах) (About the author): Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать основное место работы автора, в котором выполнялось исследование (постоянное место, место выполнения проекта и др.), должность, ученая степень и ученое звание, e-mail, номер мобильного телефона (необходим для связи с редакцией, не публикуется в журнале), ORCID ID.

Сведения об авторе (авторах) необходимо продублировать также на английском языке. При этом приводится официальное англоязычное название учреждения.

В процессе подготовки и отправки статьи или рецензии в редакцию необходимо соблюдать этические нормы соавторства, разработанные COPE (Committee on Publication Ethics).

Статьи и рецензии, поступающие в редакцию, проходят проверку на уникальность (допускается оправданное целями написания статьи или рецензии наличие корректно оформленных заимствований в размерах, не превышающих 10% от общего объема рукописи; оригинальность текста должна быть не менее 80%), рецензируются и по решению редколлегии утверждаются к печати в порядке очереди.

Рукописи следует отправлять на электронный адрес редакции:

svgv2010@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76636 от 02 сентября 2019 г.

Адрес издателя и редакции

677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1

Институт гуманитарных исследований

и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Электронный адрес издателя, редакции и редколлегии: igi@ysn.ru; svgv2010@mail.ru

Подписано в печать 10.06.2021. Дата выхода в свет 24.06.2021.

Формат 60х90 ¹/₈. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. п.л. 17,25. Уч.-изд. л. 15,18. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИГиИПМНС СО РАН

677006, г. Якутск, ул. Сосновая, 4, тел. 8 (4112) 35–68–69

Индекс П2454